Министерство образования и науки Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ: ВЗГЛЯД МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Психология (статьи)

Материалы
XI Всероссийской научно-практической конференции
21–22 апреля 2011 г.

Краснодар
2011

УДК 323:159. 9:304(043. 2)
ББК 66. 3 (2 Рос) я5
Ч 38

Редакционная коллегия:
Л.Н. Ожигова, С.Д. Некрасов (отв. ред.), Е.В. Улько

Ч 38 Человек. Сообщество. Управление: взгляд молодого исследователя. Психология (статьи): материалы XI Всерос. науч. практ. конф. / отв. ред. С.Д. Некрасов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2011. 263 с. 300 экз.

В издание вошли тексты выступлений, сделанных на конференции.

Адресуется психологам, философам, педагогам, социологам, а также всем исследователям психологических проблем.

УДК 323:159. 9:304(043. 2)
ББК 66. 3 (2 Рос) я5

© Кубанский государственный университет, 2011

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНЫХ ПРОБЛЕМ

Т.Э. Абдуллаева

Огромный вклад в изучение мира детства вносят гендерные исследования. Традиционная социальная история склонна была говорить о детях вообще, не уточняя, имеются ли в виду мальчики или девочки, причем мальчикам обычно уделяли больше внимания. Между тем стили воспитания мальчиков и девочек, равно как и практика отцовства и материнства, всегда были фундаментально различны [1]. Глобальный характер семейных изменений и их влияния на социально – экономические и другие процессы связан с тем, что невыполнение основных функций семьи по рождению и социализации детей получает широкое распространение во все большем числе стран. Социальное положение мужчин и женщин в современном обществе претерпевают значительные изменения, а значит, меняются и базовые гендерные критерии. Изменяются роли мужчин и женщин не только в общественных, производственных отношениях, но и в семье. Эти изменения проявляются в культуре и массовом сознании, формируют индивидуально – психологические различия. Женщина в современном мире все еще стремится обрести равные права с мужчиной в области карьеры. Но сопряженность бытийных пространств личности естественным образом проявляется в том, что изменяются и другие бытийные пространства личности. Семья и те виды активности, которые реализуются в семье, прежде рассматривались как основное место приложения усилий со стороны женщины. Ее изменившаяся позиция в отношении работы, профессии, карьеры не могла не сказаться на том, как она проявляет себя, будучи субъектом семейных отношений. Изменения в характере гендерных ролей женщин в силу ряда причин происходят более быстро, чем изменения в гендерных ролях мужчин. Женщины выступают инициаторами и агентами глобальных изменений системы гендерных отношений, так как их социальные роли меняются быстрее и радикальнее, чем мужские. Мужчины перестают быть единственными кормильцами, но при этом становится ненадежной семейная гармония. Мужчина начинает догадываться о своей несостоятельности в повседневной жизни и о своей эмоциональной зависимости [2]. Меняющиеся современные гендерные стереотипы порождают проблемы связанные с гендерной идентичностью и процессом социализации детей в семье.

Родительская семья остается важнейшим институтом социализации раннего детства. В ней формируются основы характера человека,

его отношение к труду, моральным, идейным и культурным ценностям. Однако семья уже не играет той самодовлеющей роли, на которую она претендовала в предшествующую эпоху. Сказывается как развитие общественного воспитания (детские сады, школы), так и изменение структуры и функций самой семьи (ослабление традиционной роли отца, трудовая занятость женщин и т. д) [1].

Психологическая литература, посвященная формированию гендерных различий в процессе социализации детей, огромна, но весьма противоречива.

Психологи Элинор Маккоби и Кэрол Джэклин перечисляют основные гипотезы [3].

1. Родители обращаются с разнополыми детьми так, чтобы их поведение соответствовало нормативным ожиданиям, принятым для того или другого пола. Отсюда вытекает, что мальчиков поощряют за энергию и соревновательность, а девочек – за послушание и заботливость, тогда как поведение, не соответствующее полоролевым ожиданиям, в обоих случаях влечет за собой отрицательные санкции. Такая педагогическая стратегия взрослых не обязательно бывает сознательной и целенаправленной, да и самая степень «половой типизации» может быть весьма различной, тем не менее она существует.

2. Вследствие врожденных половых различий, проявляющихся уже в раннем детстве, мальчики и девочки по-разному стимулируют своих родителей и тем самым добиваются от них разного к себе отношения. Кроме того, вследствие тех же врожденных различий, одно и то же родительское поведение может вызывать у мальчиков и девочек разную реакцию. Иначе говоря, ребенок «формирует» родителей больше, чем они его, и реальный стиль воспитания складывается только в ходе их конкретного взаимодействия, причем как требования ребенка, так и эффективность родительского воздействия изначально неодинаковы для обоих полов.

3. Родители основывают свое поведение по отношению к ребенку на своих представлениях о том, каким должен быть ребенок данного пола. Такая адаптация ребенка к нормативным представлениям родителей может иметь разные формы:

1) родители стараются научить детей преодолевать то, что они родители, считают естественными слабостями ребенка. Например, если родители считают, что мальчики по природе агрессивнее девочек, они могут тратить больше усилий на то, чтобы контролировать или противодействовать агрессивному поведению сыновей, нежели дочерей, ко-

торым, наоборот, помогают преодолевать их предполагаемую естественную робость;

2) родители принимают любое поведение, которое они считают «естественными» для данного пола, за неизбежное и не пытаются изменить его;

3) родители имеют разный уровень перцептивной адаптации для мальчиков и девочек: они склонны замечать и реагировать преимущественно на такое поведение ребенка, которое кажется необычным для его пола (например, если мальчик робок, а девочка агрессивна).

4) Родительское поведение по отношению к ребенку в известной степени зависит от того, совпадает ли пол ребенка с полом родителя, иными словами, являются ли они одно- или разнополыми. Здесь возможны три варианта:

а) каждый родитель ожидает и хочет быть образцом для ребенка своего пола. Он особенно заинтересован в том, чтобы обучить ребенка секретам и «магии» своего собственного пола. Поэтому отцы уделяют больше внимания сыновьям, а матери – дочерям;

б) каждый родитель проявляет в общении с ребенком некоторые черты, которые он привык проявлять по отношению к взрослым того же пола, что и ребенок. Например, отношения с ребенком противоположного пола могут содержать элементы кокетства и флирта, а с ребенком собственного пола – элементы соперничества. Привычные стереотипы господства / подчинения также нередко переносятся на детей. Женщина, привыкшая чувствовать себя зависимой от мужа и вообще от взрослых мужчин, проявит такую установку скорее к сыну, чем к дочери. Особенно сильно сказывается это в отношениях со старшими детьми;

в) родители склонны сильнее идентифицироваться с детьми своего, нежели противоположного пола. В этом случае родитель будет замечать больше сходства между собой и ребенком и обладать большей эмпатией (чувствительностью) к эмоциональным состояниям ребенка. Однако это во многом зависит от самосознания родителя. Уверенный в себе родитель склонен больше доверять ребенку своего пола, тогда как родитель с пониженным самоуважением чаще испытывает тревогу, опасаясь, что « ребенок ведет себя неправильно, попадет в беду, вызовет неблагоприятное отношение к себе» и т. д.

Однако перечисленные гипотезы не исчерпывают всех сторон гендерной социализации, речь в них идет только о родителях и преимущественно на поведенческом уровне анализа. Новейшие исследования вносят в этот вопрос существенные коррективы. Эмпирические

данные показывают, что роль родителей в формировании гендерной идентичности ребенка не так велика, как принято думать. Хотя в большинстве случаев родители имеют на сей счет определенные, как правило, стереотипные представления, большей частью они не навязывают ребенку ни выбор игр, ни подбор товарищей, и вмешиваются в детские взаимоотношения только в тех случаях, когда им кажется, что сын ведет себя не так «надо». Мета – анализ не обнаруживает больших различий и в том, как родители обращаются с сыновьями и дочерьми. Даже специальные усилия воспитывать детей в андрогинном стиле практически не уменьшили их гендерно-специфическое поведение и установки [4]. Индивидуальные детские предпочтения в выборе товарищей по играм и характерный стиль взаимодействия в мальчишеских группах, включая проявления агрессии и дистанцирование от взрослых, создаются и поддерживаются в значительной степени помимо и независимо от влияния взрослых. Исследования показывают, что однополые группы среднего детства влияют на формирование гендерной идентичности гораздо сильнее, чем родители.

Относительно внутренних механизмов усвоения ребенком той или иной гендерной роли существует несколько психологических теорий.

Теория идентификации подчеркивает роль эмоций и подражания, полагая, что ребенок бессознательно имитирует поведение взрослых представителей своего пола, прежде всего – родителей, место которых он хочет занять.

Теория гендерной типизации, опирающаяся на теорию социального научения, придает решающее значение механизмам психического подкрепления: родители и другие люди поощряют мальчиков за маскулинное поведение и осуждают их, когда они ведут себя «женственно»; девочки же получают положительное подкрепление за феминное поведение и отрицательное – за маскулинное. Как пишет У. Мишел, «половая типизация – это процесс, посредством которого индивид усваивает полодиморфические образцы поведения; сначала он научается различать дифференцируемые по полу образцы поведения, затем – распространять этот частный опыт на новые ситуации и, наконец, выполнять соответствующие правила [5].

Теория самокатегоризации, опирающаяся на когнитивно-генетическую теорию Л. Колберга, подчеркивает когнитивную сторону этого процесса и особенно – значение самосознания: ребенок сначала усваивает представление о том, что значит быть мужчиной или женщиной, затем определяет категоризирует себя « как мальчика или девочку и после этого старается сообразовать свое поведение с тем,

что кажется ему соответствующим такому определению. В свете теории половой типизации ребенок мог бы сказать: « Мне нравится получать поощрения; меня поощряют, когда я делаю «мальчиковые» вещи; поэтому я хочу быть мальчиком», а свете теории самокатегоризации: «Я мальчик, поэтому я хочу делать «мальчиковые» вещи и такое поведение меня вознаграждает».

Каждая из этих теорий содержит какую-то долю истины, но ни одна не объясняет всех известных фактов.

Главное возражение против теории идентификации – неопределенность ее основного понятия, которое обозначает и уподобление себя другому, и подражание, и отождествление с другим. Но защитная идентификация мальчика с отцом из страха перед ним (фрейдовский Эдипов комплекс) имеет мало общего с подражанием, основанным на любви. Подражание свойствам отца как личности принципиально отличается от усвоения его социальной роли (отец как властная фигура). Кроме того, практически образцом, идеалом для мальчика часто бывает не отец, а какой –то другой мужчина – реальный человек, литературный или зрелищный персонаж. Наконец, поведение детей не всегда основано на подражании поведению взрослых; например, однополые мальчишеские компании возникают явно не потому, что мальчики видят, как их отцы избегают женского общества.

Теорию половой типизации упрекают в механистичности. Ребенок в ней – скорее объект, чем субъект социализации. С ее позиций трудно объяснить наличие многочисленных, не зависящих от характера воспитания, индивидуальных вариаций и отклонений от гендерных стереотипов; кроме того, многие стереотипные маскулинные и феминные реакции складываются стихийно, независимо от обучения и поощрения и даже вопреки им.

Теория самокатегоризации в известной мере синтезирует оба подхода, предполагая, что представления ребенка о нормативном для его пола поведении зависят как от его собственных наблюдений за фактическим поведением мужчин и женщин, служащих ему образцами, так и от одобрения или неодобрения, которое такие его поступки вызывают у окружающих. Но трудность этой теории в том, что полоролевая дифференциация поведения начинается у детей гораздо раньше, чем у них складывается устойчивое сознание своей гендерной идентичности.

Возможно, что эти теории нужно считать не столько альтернативными, сколько взаимодополнительными. Они описывают процесс гендерной социализации с разных точек зрения: теория гендерной типизации – с точки зрения воспитателей, теория самокатегоризации – с

точки зрения ребенка. В центре внимания когнитивно – генетической теории находятся процессы категоризации; теория гендерной типизации анализирует процессы обучения и тренировки, а теория идентификации – эмоциональные связи и отношения. Как предполагает П. Массен, соотношение этих процессов может быть не совсем одинаково на разных этапах развития ребенка [6].

В последние годы наметились и другие подходы к проблеме усвоения ребенком половых ролей. Например, предлагается рассматривать этот процесс как аналогичный усвоению языка или любой другой системы правил (половая роль – не что иное, как некоторое правило). Психологические теории описывают преимущественно, как ребенок усваивает соответствующий ролевой репертуар или что составляет его содержание, по каким признакам мужское начало отличается от женского. Однако культурные стереотипы маскулинности и феминности различаются не только по степени, но и по характеру фиксируемых свойств: мужчины чаще описываются в терминах трудовой и общественной деятельности, а женщины – в семейно- родственных и сексуальных терминах. Такая селективная категоризация, предопределяющая атрибуцию конкретных черт, присутствует и в индивидуальном сознании. Каждый человек имеет какую-то «когнитивную схему пола», которая не просто фиксирует степень половых различий, но и предопределяет направленность внимания. Дело не столько в том, что мальчик должен быть сильнее девочки (это, кстати, бывает далеко не всегда), сколько в том, что параметр «сила-слабость», занимающий центральное место в системе представления о маскулинности (мальчиков постоянно оценивают по данному параметру), может быть менее существенным в системе феминнных представлений (девочек чаще оценивают по их привлекательности или заботливости). Чем жестче нормативная гендерная дифференциация, чем полярнее стереотипы маскулинности и феминнности в общественном и индивидуальном сознании, тем больше люди склонны замечать в себе и в других только то, что соответствует или не соответствует стереотипу, недооценивая или игнорируя все остальное.

Таким образом, меняющееся социальное положение мужчин и женщин в современном обществе претерпевает значительные изменения, а значит, меняются и базовые гендерные критерии. Психологические теории раскрывают внутренние механизмы усвоения ребенком той или иной гендерной роли, а меняющиеся стереотипы влияют на формирование гендерной идентичности и процесс социализации детей в семье. Все это требует новых исследований в данной области.

Библиографический список

1. Кон И. С. Ребенок и общество: учеб. пособие. М.: Академия, 2003.

2. Тиводар, А. Р. Психология со-бытия личности в браке. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008.

3. Maccoby E. E. The Psychology of Sex Difference. Stanford., 1974.

4. Serbin. L. A., Powlishta K. K. And Gulko J. The development of sex – typing in middle childhood // Monographs of the Society for Research in Child Development. 1993. Vol. 58. №2. P. 1-74.

5. Mischel W. A Social – Learning View of Sex Differences in Behavior// The Development of Sex Differences / Ed. by E. E. Maccoby. Stanford, 1966. P. 57; Mischel W. Sex Typing and Socialization // Carmichaels Manual of Child Psychology / / Ed. by P. H. Mussen. N. Y. ; L., 1970. Vol. 2. P. 3 – 72.

6. Mussen P. B. Early Sex – Role Development // Handbook of Socialization Theory and Research / Ed. By D. A. Goslin. Chicago, 1969. P. 700-736.

ТРУДОВЫЕ ОЖИДАНИЯ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВА РУКОВОДИТЕЛЕЙ КАК КОМПОНЕНТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРАКТА МЕЖДУ ЗДОРОВЫМИ И ГЛУХОНЕМЫМИ РАБОТНИКАМИ

Д.В. Авджян

В условиях современного демографического кризиса все более актуальным становится вопрос о стремительном сокращении трудоспособного населения. Согласно демографическим прогнозам ООН, в период между 2000 и 2025 гг. население России сократится на 12 % (более 17 млн. человек). С учетом того, что предложение рабочей силы является одним из главных факторов экономического роста, такой прогноз сокращения работоспособного населения вызывает большую тревогу. Поэтому, актуализируются такие вопросы, как повышение эффективности труда и недопущение кадрового голода. Одним из вариантов решения последней проблемы является расширение границ той социальной группы, которую можно было бы назвать трудоспособным населением за счет привлечения труда людей с ограниченными возможностями (инвалидов). [6]

Данная проблема и обусловила интерес нашего исследования к трудовым отношениям между различными субъектами труда, важным регулятором которых является психологический контракт. Психологический контракт описывается теоретиками данного направления исследований (Э. Шейн, Д. Руссо, Д. Е. Гетс и др.) как набор взаимных неписанных ожиданий, существующих между работниками и работо-

дателем, затрагивающий предположения, ожидания, обещания и взаимные обязательства.

С точки зрения социальной психологии, понятие ожидания раскрывается через такие психологические конструкты, как экспектации, внутреннее отношение, установка, роль (Петровский А.В., Ярошевский М. Г., Платонов Ю. П., Леонтьев А. В., Либин А.В, Олпорт Г.). В самом обобщенном виде, ожидание есть – совокупность социальных установок, элементов знаний, стереотипов поведения, оценок, убеждений относительно субъекта социального взаимодействия или определенной социальной ситуации; обладающая прогностической функцией [4].

В западной социальной психологии для обозначения социальных установок используется термин «аттитюд» (У. Томас и Ф. Знанецкий). Г. Олпорт под аттитюдом понимал: определенное состояние сознания и нервной системы, выражающее готовность к реакции, организованное, на основе предшествующего опыта, оказывающее направляющее и динамическое влияние на поведение. [5]

М. Смитом была определена трехкомпонентная структура аттитюда, в которой выделяются: а) когнитивный компонент (осознание объекта социальной установки); б) аффективный компонент (эмоциональная оценка объекта, выявление чувства симпатии или антипатии к нему); в) поведенческий (конативный) компонент (последовательное поведение по отношению к объекту) [3].

Когнитивным образованием, оказывающим влияние на деятельность в виде ее первичного образа-цели, являются представления. Социальные представления, по определению С. Московиси – способ интерпретации и осмысления повседневной реальности, определенная форма социального познания, предполагающая когнитивную активность индивидов и групп. [1]

Социальные представления задают диспозиции интерпретаций и ожиданий, воспринимаемых индивидом ситуаций взаимодействия – в нашем случае – это трудовые отношения.

Исходя из вышеизложенных положений, объектом исследования явились трудовые ожидания и обязательства руководителей и по отношению к здоровым и глухонемым работникам.

Предмет эмпирического – представления руководителей об ожиданиях от организации здоровых и глухонемых работников и обязательства руководителей по отношению к ним.

Для исследования представлений руководителей об ожиданиях работников от организации мы использовали авторскую методику,

созданную на основе исследований трудовых ценностей В. С. Магуна. [2] В первом задании респондентам предлагалось проранжировать различные аспекты труда с позиции работников с ограниченными возможностями и без ограничений. Во втором варианте опросника, респондентам предлагалось отметить, что и в какой степени из указанных аспектов компания, в их лице, может реализовывать в качестве обязательств перед сотрудниками.

Для исследования ожиданий и обязательств руководителей от работников, мы использовали модифицированный вариант методики С.А. Будасси – в первом задании респондентам предлагалось перечислить 10 ожиданий от работников без ограничений и от глухонемых работников и проранжировать от самого важного к наименее важному, во втором – произвести ту же процедуру, но уже с обязательствами.

Для изучения оценочного компонента аттитюда как компонента ожиданий, мы использовали адаптированную методику личностного дифференциала (вариант семантического дифференциала Ч. Осгуда, адаптированный в НИИ им. В. М. Бехтерева В. И. Траненко с сотрудниками).

В исследовании приняли участие 30 человек – непосредственные руководители отделов, в которых работают сотрудники – как с ограничениями, так и без.

В результате сравнения среднегрупповых значений, полученных по трем факторам личностного дифференциала, мы пришли к выводу, что руководители оценивают своих сотрудников, независимо от их функциональных возможностей, одинаково положительно.

При общей позитивной оценке, руководители считают своих здоровых сотрудников более самостоятельными, коммуникабельными, активными, чем сотрудники с функциональными ограничениями.

Сопоставление реальных ожиданий работников (изученных в предыдущей части исследования) и представлений руководителей об их ожиданиях показало, что между представлениями руководителей об ожиданиях слышащих работников и собственно их ожиданиями существует много общего (обнаружена значимая статистическая связь между рядами средних значений рангов по коэффициенту корреляции Спирмена: $rs = 0{,}611$, $p<0{,}05$). Однако, есть ценности, которые более значимы для работников вопреки мнению руководителей, а именно, интересная работа, возможность инициативы, хорошие товарищи.

Между ожиданиями глухонемых работников и представлениями руководителей разница существует (значение коэффициента корреляции Спирмена не достигает статистической значимости: rs = 0. 447,

p>0,05). Так, например, руководители недооценили стремление работников с ограничениями к общению, возможности приносить пользу другим людям, и делать дело, уважаемое широким кругом людей, а так же, к большему количеству времени для отдыха.

При сравнении двух рядов среднегрупповых значений рангов в исследовании обязательств руководителей с помощью коэффициента корреляции Спирмена было выявлено, что статистически значимых различий между обязательствами перед глухонемыми и слышащими сотрудниками нет (rs = 0,613, p<0,05). Это означает, что руководители не разделяют свое отношение и обязательства к разным сотрудникам. Что подтверждают так же и высказывания самих респондентов во время проведения исследования – «почему в опроснике предлагают оценить отдельно глухонемых и здоровых, для меня это равные работники». Однако, следует отметить, что глухонемым сотрудникам руководители не готовы предоставлять такие же возможности достижений и самостоятельных решений, как для слышащих сотрудников.

Полученные данные позволили нам в первом приближении рассмотреть систему взаимных ожиданий и обязательств работников и руководителей.

При сопоставлении обязательств руководителей и ожиданий сотрудников без ограничений, во-первых, выявляется их частичное и полное согласование по многим важным аспектам труда, во-вторых, доминирующие ценности/обязательства носят деловой характер. При сопоставлении обязательств руководителей и ожиданий сотрудников с ограниченными возможностями выявляется их рассогласованность. При этом, если обязательства, занимающие лидирующие позиции в их иерархии у руководителей, носят деловой характер, то ведущие ожидания в иерархии у работников с ограничениями носят сугубо отношенческий, социальный характер.

Исследование представлений руководителей о том, чего они ждут от своих сотрудников и какие обязательства готовы на себя взять, так же подтверждает полученные выводы.

Интересно, что руководители ожидают практически один и тот же уровень ответственности как от сотрудников с ограничениями, так и от сотрудников без ограничений. Первые три доминирующие позиции в ожиданиях руководителей как от глухонемых, так и от слышащих работников занимают такие характеристики как ответственность (глухонемые(частота встречаемости характеристики по выборке) – 28, здоровые – 28), честность (глухонемые – 27, здоровые – 28), исполнительность(глухонемые – 19, здоровые – 17). Следует отметить, что от глу-

хонемых работников руководители ждут большей исполнительности, чем от здоровых работников, что связано, возможно, с затрудненной коммуникацией и осуществлением контроля работы данной категории работников. Еще одно отличие состоит в том, что ожидания от слышащих работников больше связаны с личностными характеристиками, влияющими на возможность развития и карьерного роста (инициативность, самостоятельность). А от работников с ограниченными возможностями руководители в большей степени ожидают добросовестности и качества работы – т.е., глухонемые работники представляются руководителям, образно говоря, рабочими «пчелками».

В структуре обязанностей, которые руководители готовы выполнять перед работниками без ограничений доминирующие позиции занимают общеорганизационные гарантии (стабильность, справедливость), а так же менеджерские задачи, связанные с развитием работников. Так же, здесь присутствуют и личностные характеристики руководителей, способствующие более позитивному психологическому контракту: честность, доступность, открытость, помощь.

В целом, структура обязательств руководителей по отношению к работникам с ограничениями похожа на обязательства по отношению к слышащим сотрудникам. Однако, при доминирующих деловых характеристиках, следует отметить наличие в ней отношенческих характеристик, таких как лояльность и понимание.

Обобщая полученные данные, можно сделать вывод, что в целом, ожидания и обязательства руководителей по отношению к разным группам субъектов труда значимо не дифференцируются. Ожидания руководителей, так же как и обязательства по отношению к работникам носят скорее деловой характер, где доминирующие тенденции связаны либо с деловыми качествами самих работников, либо с различными аспектами организационной действительности и трудовой деятельности.

Таким образом, осуществив сравнительный анализ ожиданий руководителей, ожиданий сотрудников и обязательств, которые руководители берут на себя, можно сделать предварительный вывод о существовании в трудовых отношениях между тремя данными группами субъектов труда двух видов имплицитных соглашений – делового и отношенческого. Причем, в диаде руководитель-сотрудник без ограничений это соглашение носит более согласованный характер, чем в диаде руководитель-сотрудник с ограничениями.

Библиографический список

1. Донцов А. И., Емельянова Т. П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М.: МГУ, 1987. 128с.

2. Магун В. С. Как меняются российские трудовые ценности – www. ecsocman. edu. ru/... /Magun_2007_3_otechestvennye_zapiski. pdf

3. Майерс Д. Социальная психология: Интенсивный курс: пер. с англ. 4-е междунар. изд. СПб. ;М.:Прайм-Еврознак;Олма-Пресс,2004. 510 с.

4. Платонов, Ю. П. Социальная психология поведения: учеб. пособие для вузов. М.:Омега. 2006.

5. Проблемы социальной психологии личности. "Эффективность организации как соотношение ожиданий лидера и ведомой группы". URL: http://psyjournals. ru/articles/d8079. shtml

6. Современная демографическая ситуация в Российской Федерации – Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www. gks. ru/free_doc/2010/demo/dem-sit-09. doc

ОБРАЗ РОДИТЕЛЕЙ И ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ У ДЕВУШЕК

М.Ю. Аверкина

Современная социокультурная ситуация характеризуется повышенным вниманием к гендерным проблемам. Политические, экономические и социальные изменения в обществе приводят к изменению представлений женщин о своем месте в обществе и о себе самих. То есть появление новых ценностных ориентаций в обществе привело к поиску у молодых девушек новых моделей образа жизни, представления о себе как о женщине.

В современной психологии представления личности о себе как о женщине или мужчине (о своем образе Я – женщина или Я – мужчина) трактуется как гендерная идентичность. Идентичность в широком смысле, согласно пониманию Э. Эриксона, – это «четко осознаваемый и личностно принятый образ себя, чувство адекватности и стабильного владения личностью собственным «Я», независимо от изменений «Я» и ситуации, а также способность личности успешно решать те задачи, которые возникают перед ней на каждом этапе ее развития» [6]. Гендерная идентичность является частным аспектом идентичности, описывающим переживание человеком себя как представителя определенного социально-психологического пола.

Гендерная идентичность является одной из базовых характеристик личности и формируется в результате психологической интериориза-

ции мужских или женских черт, в процессе взаимодействия «Я» и других, в ходе социализации [4].

Семья – это первый социальный мир, в котором происходит знакомство и формирование гендерных характеристик ребенка. В семье ребенок получает первые представления о том, что такое мужчина и женщина. Идея о социальной ситуации развития как «исходном моменте» для всех динамических изменений, происходящих в развитии, сформулирована еще Л. С. Выгодским и остается актуальной в настоящее время. Взаимодействие со «значимыми другими» и, прежде всего, с родителями, а также интериоризация процессов общения попрежнему считаются важнейшими факторами развития личности [5].

В. Сатир также отмечает, что важную часть будущих представлений ребенка о семейной жизни составляет та информация, которая была усвоена им с помощью родителей, она же определяет характер его представлений о своем поле [14]. Б.И. Кочубей говорит о том, что решающее значение для развития мальчиков и девочек имеют отношения между отцом и матерью. Взрослея, ребенок наблюдает панораму этих отношений, которые становятся для него моделью, образом каким должен быть мужчина, а какой женщина в семье. В семье ребенок получает сценарии для развития своей идентичности в дальнейшем [7].

То есть сначала семья, а затем «внутренний» образ родителей являются главным фактором, влияющим на формирование гендерной идентичности [1, 7, 8]. Так П. Бергер и Т. Лукман отмечают, что «если мужчина и женщина выполняют функцию значимых других в процессе первичной социализации, они передают эти различающиеся реальности ребенку» [1]. Изучением «образа родителей» в семье занимались следующие современные исследователи: О.Г. Кулиш, Е.Ю. Макарова, Н.А. Круглова [8], Н.В. Панкова [10], Л.Г. Попова, Е.В. Левицкая [11].

Таким образом, авторы выделяют образ родителей как важнейший фактор, влияющий на возникновение у ребенка ощущения себя, принадлежности к мужскому или женскому полу и овладения способами поведения, свойственными мужчинам и женщинам [7, 14].

Отметим, что формирование и трансформации гендерной идентичности происходит на протяжении всей жизни человека, но в юношеском возрасте имеют особую актуальность. Именно в юношеском возрасте решается целый ряд важных проблем в области гендерных отношений: не просто кристаллизация гендерной идентичности, но и ее открытая презентация через выбор сексуального или брачного партнера, построение приватных межличностных отношений, создание семьи и др. Поэтому особую актуальность приобретает вопрос, связан-

ный с изучением особенностей гендерной идентичности личности в ее взаимосвязи с образами родителей у молодежи.

В данной статье представлены результаты пилотажного исследования, направленного на изучение взаимосвязи образа отца и образа матери с гендерной идентичностью личности у девушек. В современной гендерной психологии отмечается, что изменения в системе гендерных отношений и гендерных аспектов образа Я в большей степени трансформируют представления общества о женщине и ее семейно-родительских ролях. Расширение возможностей для реализации и одновременно с этим сохранение традиционных гендерных стереотипов и предубеждений порождает в личности девушек ряд негативных переживаний: ролевой конфликт, кризис гендерной идентичности и т. д. [12].

Отсюда **цель исследования** – изучить особенности гендерной самооценки как аспекта гендерной идентичности личности девушки в ее взаимосвязи с образом родителей.

Выборка: 44 девушки в возрасте от 18-20 лет. Все являются студентками Кубанского государственного университета. Методы исследования: опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (ПОР, Е. Шафер) [2]; модифицированный вариант методики выявления самооценки С.А. Будасси [9].

Выявлены три группы девушек с высокой гендерной самооценкой, средней и низкой. Анализ результатов позволяет описать некоторые особенности взаимосвязи гендерной самооценки и образа родителей.

Девушки с высокой гендерной самооценкой оценивают свои достоинства значительно, ставят перед собой более высокие цели, чем те, которые они могут реально достигнуть. То есть у них высокий уровень притязаний, не соответствующий их реальным возможностям. Содержательный анализ качеств, которыми девушки описывали свои гендерные характеристики показал, что у данной группы самый высокий процент по деловым качествам 46% – это целеустремленность, успешность, самодостаточность, независимость, самостоятельность. Качеств, которые можно обозначить как коммуникативные (коммуникабельность, дружелюбность, общительность) – 45% и 47% качеств, определяемых как чувство юмора (веселость). По душевным качествам у данной группы чаще всего встречались следующие характеристики: достоинство, гордость, самолюбие, целеустремленность, ум, целомудрие, креативность, красота, самоуверенность. При описании образов родителей представленных как отношения с родителями у данной группы девушек получились, что они (девушки) также высоко оцени-

вают достоинства своих родителей, испытывают позитивный интерес к их персоне (среднее значение по шкале позитивного интереса 3,8 к матери и 3,5 к отцу). Данная группа считает родителей близкими друзьями, которые всегда будут на их стороне и которые всегда дадут право выбора. Такие родители часто одобряют обращение за помощью дочерей в случаях каких-либо затруднений, с одной стороны и ограничение самостоятельности, с другой, с целью уберечь ребенка. Возможно, развитие излишней самоуверенности у данной группы может выступать следствием соответствующего стиля воспитания в семье. Незаслуженные похвалы и поощрения способствуют формированию сознания исключительности, искаженного представления о собственных возможностях, необъективной оценки результатов своей деятельности. У данной группы может наблюдаться слабая склонность к самоанализу и в совокупности с некритичностью мышления, отсутствием необходимого самоконтроля это может приводить к принятию ошибочных решений и осуществлению рисковых поступков. Отсутствие или недостаточная потребность в самосовершенствовании затрудняет включение их в процесс самовоспитания. Что также можно увидеть по низкому показателю значимости нравственных качеств – 29% и (ответственная, верная, честная, искренняя, нравственная, воспитанная, порядочная) и волевых качеств – 20% (смелость, исполнительность, уступчивость, настойчивость, принципиальность, терпеливость).

Девушки с низкой гендерной самооценкой ставят перед собой более низкие цели, чем те, которые могут достигнуть, преувеличивая значение неудач. У данной группы самый низкий процент по деловым качествам (целеустремленность, успешность, самодостаточность, независимость, самостоятельность) – 18%. Такие респондентки могут отличаться чрезмерной неуверенностью в себе. Неуверенность, часто объективно необоснованная, является устойчивым качеством личности и ведет к формированию у человека таких черт, как смирение, пассивность, «комплекс неполноценности». Окружающие иногда принимают такого человека за сердитого, злого, неконтактного и следствием этого становится изоляция от людей, одиночество. У этих девушек в самоописаниях наблюдается самый низкий процент по коммуникативным качествам – 20% и волевым качествам – 10%. Данная группа оказалась самой критичной к родителям. Респондентки не испытывают позитивного интереса к родителям и считают, что те живут сами по себе. Образ родителей отличается высокой автономностью (по средним значениям образ матери по шкале автономности -3,90 и образ отца – 3,86). В их образе отец это человек, которому абсолютно все равно, что проис-

ходит вокруг, его действия зачастую не согласуются с потребностями и запросами близких, интересы которых игнорируются. А матери предоставляют абсолютную свободу действий, практически не поощряют и не занимаются воспитанием, редко общаются с детьми.

Девушки со средней гендерной самооценкой признают как свои достоинства, так и недостатки. В основе их личности – уверенность, которая «подпитана» необходимым опытом и соответствующими знаниями. Уверенность в себе позволяет оценивать собственные возможности применительно к различным жизненным ситуациям. Уверенного человека отличают решительность, твердость, умение находить и принимать логические решения, последовательно их реализовывать. У данных респонденток высокий процент по духовным качествам (вера в себя, вера в Бога) – 63% и нравственным (ответственная, верная, честная, искренняя, нравственная, воспитанная, порядочная) – 49%. Данные респондентки критически относится к допущенным ошибкам, анализируя их причины, с тем, чтобы не повторить их вновь. В отношениях с родителями они также проявляют высокий позитивный интерес (по шкале позитивный интерес среднее значение к матери- 3,53 и к отцу 3,16). В этой группе девушек мы видим также самые высокие показатели по шкале директивности (средние показатели по матери – 2,97, по отцу – 2,40), что может говорить о том, родители хоть и поощряют, хвалят, но при этом контролируют ребенка. Директивная мать проявляет жесткий контроль, имеют тенденцию к легкому применению своей власти. Отец же, как бы направляет растущую девушку на путь истинный, заставляя ее подчиняться нормам и правилам поведения, принятым в обществе. Сочетание доверительного отношения с директивностью не вызывает у девушек враждебности и как видно по показателям позитивного интереса сильно не влияет на их положительное отношение к родителям.

Таким образом, выявлено, что излишние похвалы и поощрения родителей способствуют формированию сознания исключительности, искаженного представления о собственных возможностях и завышенной гендерной самооценке у девушек. Игнорирование потребностей личности и отсутствие интереса к ее жизни со стороны родителей формирует у девушек низкую гендерную самооценку. И только сочетание доверительного отношения с директивностью, позитивный интерес к жизни ребенка формирует среднюю и, скорее всего, адекватную гендерную самооценку у девушек.

Библиографический список

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
2. Вассерман Л. И. и др. Психологическая методика «Подростки о родителях» и ее практическое применение. М.: Фолиум, 1994, 56 с.
3. Евсеенкова Ю. В. «Сибирская психология сегодня: Сборник научных трудов»/ Ю. В. Евсеенкова, А. Г. Портнова. Вып. 2. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. 410 с
4. Знаков, В. В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. 448 с.
5. Клецина И. С. Гендерная социализация. С-Пб.: РГПУ им. А.Н. Герцена, 1998.
6. Кочемасова А. А. Студенческий возраст как ступень социального развития человека // Циклы. Материалы третьей международной конференции. Ставрополь: СевКавГТУ, 2001
7. Кочубей Б. И. Ответственная должность // Семья и школа. 1990. № 9.
8. Кулиш О. Г. Образ благополучной и неблагополучной семьи у детей разного психологического возраста: Материалы Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи»: в 2-х ч. / под общ. ред. д-ра псих. наук В. К. Шабельникова и канд. псих. наук А. Г. Лидерса. М., 2003. Ч. 1. 328 с.
9. Методика С. А. Будасси на выявление показателя самооценки // Практикум по прикладной психодиагностике. Ч. 1. Краснодар, КубГУ, 1993.
10. Панкова Н. В. Образ семьи у детей-дошкольников из семей «группы риска» // Семейнаяпсихология и семейная терапия. 2002. № 2.
11. Попова Л. Г., Левицкая Е. В. «Детское» и «взрослое» восприятие семейной ситуации //Психологический вестник Уральского государственного университета: Вып. 3. / М-во образования РФ: Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького и др. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002.
12. Психология гендерной идентичности личности Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006.
13. Пухова Т.И. Шесть кукол. Психологический анализ режиссерской игры в «семью» у дошкольников. М.: Обнинск: Принтер, 2000.
14. Сатир В. Как строить себя и свою семью. М., 1992.

ОСОБЕННОСТИ САМОКОНСТРУИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В СРЕДЕ БЛОГОВ

В.Ю. Аверьянова

Цель данной работы – рассмотреть существующие теоретические подходы к теме самоконструирования личности в блоге. Объект ис-

следования: самоконструирование личности в среде Интернет. Предмет: особенности самоконструирования личности в блоге.

Интернет-среда является актуальной областью исследования для психологии, потому как представляет собой новый ресурс идентичности личности. Прежде всего, следует отметить многочисленные на сегодня попытки анализа закономерностей построения пользователем своего образа в виртуальном взаимодействии.

Исследования данной феноменологии в основном центрированы вокруг проблемы мотивации подобных "игр с идентичностью ". Это исследования Е. Белинской, Е. Горного, А.Е. Жичкиной и др.. В них, прежде всего, отмечается, что само создание виртуальной личности обеспечивается возможностью "убежать из собственного тела " как от внешнего облика, так и от индикаторов статуса во внешнем облике, и, следовательно, от ряда оснований социальной категоризации: пола, возраста, социальноэкономического статуса, этнической принадлежности и т. п. Виртуальная среда Интернет призвана будить воображение и давать возможность преодолеть экзистенциальную ограниченность реальности: выйти за пределы смерти, времени и тревоги; аннулировать свою заброшенность и конечность, достичь безопасности и святости. Сама же личность в Интернете понимается как самоизобретающая себя [4].

Научная рефлексия социальнопсихологических проблем компьютерноопосредованной коммуникации, тем более в их "личностном " варианте, еще только начинается. Однако уже очевидны "выгоды " их эмпирического исследования: помимо прямого накопления опыта анализа специфической для виртуальной коммуникации феноменологии, они определяются возможностью дополнения уже имеющихся в социальной психологии данных о закономерностях социального конструирования и "самоконструирования " личности.

Самоконструирование личности – собирательное понятие. Основными составляющими его, по нашему мнению, являются самопрезентация, идентичность и самосознание. Рассмотрим понятия, характеризующие самоконструирование. Под самопрезентацией мы понимаем процесс регуляции производимого субъектом впечатления, с учетом специфики социальных ситуаций, и (или) выражения системы представлений о самом себе. Единственная реальность личности в виртуальности суть реальность самопрезентации сегодня, как отмечается многими исследователями, "Я " как регулирующая и смыслообразующая структура становится избыточным, оставляя необходимой лишь инсценировку своей индивидуальности. Личностная идентичность от-

носится к самоопределению в терминах физических, интеллектуальных и нравственных личностных черт. Самосознание личности – это совокупность ее представлений о себе, выражающаяся в «концепции – «Я» и оценка личностью этих представлений – самооценка.

Состояние неопределенности современного мира вызывает к жизни креативного субъекта: в силу актуальной потери социальных ориентиров возрастает необходимость конструирования социальных отношений и собственной идентичности. Самотворение или самоконструирование часто определяются как уникальные признаки именно сетевой личности. Заметим, что данная личностная модель уже была достаточно детально разработана в истории европейской культуры. Речь идет о модели self made man, базис которой можно увидеть в двух культурных программах раннего нового времени – южном – художественном и в северном – религиозном – возрождении. Стихийно самоутверждающийся титанизм Италии и протестантский дух северной Европы объединяла идея индивидуальной ответственности за свою личность, осознание ее пластичности, возможность взглянуть на нее как на проект. Вариациями на эту тему стала субъектоцентричная гносеология Нового времени, начиная с Декарта, заканчивая Гуссерлем, признававшая первой очевидностью непосредственные данные сознания. Исходя из них, личность создавала себя, затем универсум, помещая себя в него.

При, казалось бы, абсолютной свободе действий в Интернете, виды самоконструирования можно классифицировать в несколько направлений. Проанализировав основной спектр подходов к самоконструированию личности в Интернете, мы выделили следующие: реализация «Я-идеального» у Янга [4]; "виртуальная личность " может создаваться с целью реализации свойственных личности агрессивных тенденций, не реализуемых в реальном социальном окружении, поскольку это социально нежелательно или небезопасно [1]; конструирование "виртуальной личности " может отражать желание контроля над собой у пользователей с наличием ярко выраженных деструктивных желаний [4]; "виртуальная личность " может конструироваться под создание определенного впечатления на окружающих, причем в этом случае она может соответствовать существующим нормам или, наоборот, противоречить им; виртуальная личность " может отражать желание власти [4]. Все они характеризуют компенсаторное поведение. Самоконструирование здесь представляет собой создание максимально управляемой самопрезентации, призванной скомпенсировать те или

иные сложности, испытываемые пользователем в реальном взаимодействии.

Также нельзя не обратить внимание, на предположения некоторых исследователей о том, что самоконструирование личности в Интернете основано на желании получить некий новый опыт как самоценное стремление, как собственно «поиск». Чаще всего это свойственно пользователям старшеподросткового и юношеского возраста, что может быть объяснено возрастным стремлением к самовыражению, реализуемую через "примерку " на себя различных ролей [1,5].

Так как наше исследование посвящено рассмотрению самоконструирования именно в блогах, рассмотрим сам феномен блога.

Блоги стали настолько привычной частью повседневности людей, что не замечать их и игнорировать их значение просто невозможно. Хотя тема блогов в средствах массовой информации обсуждается все более активно, в научной психологической литературе пока крайне мало текстов о них. Блог – размещенный в Интернете дневник одного или нескольких пользователей. С технической точки зрения, – это разновидность веб-сайта, содержимое которого – регулярно добавляемые записи, изображения или мультимедиа. Записи в блоге представляют собой отдельное сообщение, которое обычно включает в себя заголовок, содержание, дату добавления и т. п.

Для определения блога с психологической точки зрения, мы воспользовались взглядом на блог Ю. Зайцевой: специфическая среда, сочетающая элементы нарратива – монологического повествования автора, рефлексирующего события собственного жизненного пути, личностно значимые переживания, идеи (что характерно для традиционных дневниковых записей) с элементами диалога, где каждое сообщение (кроме специально маркированных) является актом коммуникации с остальными пользователями данного интернет-ресурса [2].

Блог имеет ряд функций, позволяющих выражать себя или создавать свою личность в нем. Это визуальные средства: оформление самой страницы, добавление фото, картинок, аудио-средства – добавление музыкальных произведений на свою страницу, а также размещение музыки, которая будет играть всякий раз при посещении данного блога и даже видеоролики. Ну и, конечно же, тексты. Они для нашего исследования представляют наибольший интерес.

У этих текстов нет конкретного адресата, как это было в эпистолярном жанре. И все же любой читатель может оставить "на полях прочитанной книги" свои пометки; автор прочтет их, и возможно ответит. Спецификой большинства личных блогов является то, что их со-

держание посвящено отображению событий собственной жизни автора, значимых для него переживаний или размышлений. При этом сохраняется высокая степень свободы автора в выборе тематики, содержания и формы дневниковых записей.

С помощью статистических данных, собранных Яндекс сервисом, мы попытались представить, каким является человек, пользующийся блогом. Во-первых нужно заметить, что по данным Поиска по блогам Яндекса на весну 2009, в русскоязычной блогосфере уже 7,4 миллиона блогов, и по сравнению с предыдущими годами, количество блогов растет. Семь-восемь лет назад, когда электронные дневники только появились, блоггеров было мало, зато они писали регулярно, и многие из них ведут свои дневники до сих пор. В последние три года иметь свой дневник стало модно. Количество блоггеров резко возросло, но доля тех, кто пишет регулярно – упала. Образ тиичного блоггера, это москвичка 22 лет. У неё 18 друзей (13 из них – взаимные), она участвует в 10 сообществах и ведёт свой блог уже год и десять месяцев. Видимо, эта девушка-блоггер ведет свой дневник на LiveInternet или на Diary. ru – среднестатистические блоггеры с этих хостингов очень на нее похожи, хотя и чуть моложе – им 20–21 год. Средний пользователь Ya. ru или LiveJournal, возможно, с ней даже не знаком – это мужчина, и ему двадцать шесть лет [3].

Большинство посетителей блогов – это читатели, их примерно в 30 раз больше, чем активных блоггеров. Среди пишущих явно выделяются две категории: люди, которые оставляют только записи (26 %), и люди, которые оставляют только комментарии (21 %). 8 Эти две категории не пересекаются. Остальные 53 % пишут и посты, и комментарии [3].

Исследование блогов, как и в целом, всех феноменов интернет-сообщества усложняется рядом факторов. Во-первых, границы исследуемого объекта (мы можем назвать его виртуальным пространством сетевых дневников) принципиально подвижны и не могут стать предметом непосредственного созерцания. Так, например, на момент написания данного текста общее количество дневников Живого Журнала составляло 7 053 789, спустя неделю страница статистики отобразила другую цифру: 7 136 283 дневников [5]. Для более полной картины динамики жизни блогосферы необходимо учитывать и процесс отмирания некоторых дневников, когда пользователи либо перестают пополнять свои дневники записями, либо уничтожают их. Во-вторых, содержание, заключенное в эти подвижные границы, изменчиво и непостоянно. Каждые сутки зарегистрированные дневники пополняются в

среднем 400-стами новыми записями [5]. В-третьих, Призрачны и непостоянны границы и каждого отдельного аккауанта, на конструирование предсатвляемой информации блоггером влияют комментарии читающих, их личностные особенности.

Нам представляется, что сущность ведения сетевого дневника не сводится к оставлению в нем записей. Дерево возможных действий сетевых агентов имеет множество ветвей. Процедуры постинга, комментирования, включения или исключения других пользователей в друзья, чтение, применение визуальных средств, работа над оформлением дневника, участие в жизни сообществ, организация их и много другое говорит о том, что вести сетевой дневник значит пребывать в нем и действовать в нем [5]. Перечисленные операции составляют структуру полноценной жизни сетевой личности внутри блога. В Живом Журнале модусами активной виртуальной жизни выступают вывешивание фотографий, использование некоторых элементарных элементов языка html, смена «юзерпиков», выстраивание гипертекстовых полей, использование сетевого жаргона. Все эти функции, само нахождение и «проживание» в пространстве блогов неотъемлимо требует от личности конструирования себя в данной среде.

В результате нашего исследования мы выдвинули несколько гипотез, которые планируем рассмотреть в продолжение данного направления исследования: мы предполагаем, что самоконструирование личности в блоге представляет собой проживание нового опыта, компенсирование отдельных сторон своей жизни и личности, раскрытие талантов, проявление себя как специалиста в профессиональной области.

Библиографический список

1. Белинская Е. П. Личность и новая информационная среда из учебного пособия / Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А. // Социальная психология личности. М. 2001.

2. Зайцева Ю. Роль ведения Интернет-дневника в становлении индивидуальности // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet / под ред. Волохонского В. Л., Зайцевой Ю. Е., Соколова М. М., 2007

3. Блогосфера российского интернета Yandex. 2009. URL: http://company. yandex. ru/articles/yandex_on_blogosphere_autumn_2009. pdf.

4. Горный Е. Онтология виртуальной личности. // Флогистон. http://flogiston. ru/projects/articles/refinf. shtml

5. Жичкина А. Социально-психологические аспекты общения в Интернете – URL: http://flogiston. ru/articles/netpsy/refinf

МОТИВАЦИОННАЯ И ВРЕМЕННАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНОЙ ВЫРАЖЕННОСТЬЮ СУБЪЕКТНОЙ АКТИВНОСТИ

Н.С. Акелян

Студент, проходя обучение в вузе, имеет возможность инициировать свое участие в различных мероприятиях, секциях, организациях не носящих обязательный характер. Однако, такого рода проявление субъектной активности свойственно далеко не всем студентам. В рамках данной работы мы попытались выяснить, различаются ли, и если да – то чем, мотивационная и временная направленность студентов с различной выраженностью субъектной активности в вузе.

Обращаясь к конструкту «субъектная активность», мы, вслед за А.К. Осницким, определяем ее как меру активности, авторства человека по отношению к своей жизни в целом и отдельным ее аспектам. Условием реализации субъектной активности является осознанная саморегуляция личности [4].

Субъектная активность определяет такой аспект человеческого поведения как инициативность. Инициирование той или иной активности человека может исходить, опираясь на два основания: (1) основание внутренней направленности, ориентированности на совершение действия; (2) основание внешней ориентировки деятельности (посредством принуждения, просьбы, влияния принятых в социальном окружении норм и правил поведения и т. д.).

Личность может проявлять субъектную активность как в инициированной извне, так и в самостоятельно инициированной деятельности.

В фокусе нашего внимания находится самостоятельно инициируемая деятельность личности по двум основаниям. Во-первых, активность личности в данном случае отражает внутреннюю направленность человека в максимально выраженной степени. Во-вторых, такая активность является наиболее «очищенной» от влияний извне.

В рамках студенчества самостоятельно инициируемая активность выражается в участии студентов в научных мероприятиях – конференциях, соисканиях стипендий, олимпиадах и др. ; досуговых – спортивные мероприятия, творческие сообщества; организаторских – профсоюзная деятельность, организация мероприятий, дни открытых дверей и др.

Процесс обучения в вузе предполагает набор обязанностей, ориентированных на необходимые нормы профессионализации. С другой

стороны, любой вуз предоставляет студентам множество возможностей реализации своих интересов, свободу для осуществления личностных ориентаций. Он предоставляет необходимое пространство и время для такого рода активности. То, насколько студенты проявляют субъектную активность в данных мероприятиях, зависит в большей степени от личностных особенностей человека.

Мы считаем интересным выявление взаимосвязи между проявлением субъектной активности студентов в самостоятельно инициируемой деятельности в вузе с тем, каковы их временные перспективы.

Влияние временной перспективы на актуальное поведение – есть главная проблема исследований в области психологического времени. Временная перспектива понимается как совокупность субъективных представлений личности о прошлом, настоящем и будущем, упорядоченных относительно временной оси [1].

Ф. Зимбардо, считает, что у людей существуют тенденции акцентироваться на одном из времен, создающие когнитивные «темпоральные предубеждения» с доминирующей ориентацией на события того или иного времени. В противоположность таким "темпоральным предубеждениям" он отмечает «сбалансированную темпоральную ориентацию», позволяющую человеку гибко лавировать между прошлым, настоящим и будущим в зависимости от требований актуальной ситуации и личностных ориентаций [2].

При этом, исследователи подчеркивают, что формирование временной перспективы во многом зависит от мотивационной и ценностной направленности личности. Так, Ж. Нюттен отмечает, что процесс, посредством которого содержание субъективного будущего влияет на активность в настоящем, есть мотивационный процесс, с помощью которого цели и причинно-следственные структуры регулируют поведение [3].

Таким образом, структурно-содержательными элементами временной перспективы личности, определяющей проявление ею субъектной активности в настоящем, являются временные и мотивационные характеристики личностной направленности.

Объектом нашего исследования выступила направленность личности. Предметом – мотивационные и временные аспекты личностной направленности студентов.

Мы предположили, что мотивационная и временная направленность студентов имеет характерные особенности и отличается в группах с различной выраженностью субъектной активности.

В своем исследовании мы предприняли попытку соотнести особенности временной и мотивационной направленности со степенью выраженности субъектной активности студентов в самостоятельно инициируемой деятельности. В рамках определения мотивационной структуры личности разграничиваются ориентации на жизнеобеспечение, комфорт, социальный статус, общение, общую активность, творческую активность и социальную полезность. Исследование временной направленности позволяет отметить соотношение ориентаций респондентов на негативное и позитивное прошлое, гедонистическое и фаталистическое настоящее, на будущее. А также определить субъективные оценки насыщенности различных периодов жизни, чувства реализованности и взрослости.

В исследовании приняло участие 65 студентов, обучающихся в КубГУ (г. Краснодар), на различных факультетах и курсах. Для исследования мотивационной направленности личности мы использовали методику «Диагностика мотивационной структуры личности» (В.Э. Мильман). Для исследования временной направленности: методику «Оценивание пятилетних интервалов» (Е. И. Головаха, А.А. Кроник) и опросник по временной перспективе Ф. Зимбардо. Также была использована самостоятельно разработанная анкета, для определения выраженности субъектной активности респондентов в самостоятельно инициируемой деятельности в рамках ВУЗа.

Всех студентов, принимавших участие в исследовании мы разграничили на 3 подвыборки. Первую группу составили студенты, которые не проявляют и не проявляли субъектной активности (далее – СА) – 14 человек («низкая СА»). Вторую группу составили студенты, которые имеют опыт проявления СА в 1-2 сферах – 28 респондентов («средняя СА»). Третью подвыборку составили студенты, которым свойственно активное участие в различных (от 3 до 8) сферах проявления СА– 23 человека («высокая СА»). В данной работе мы отразим анализ результатов первой и третьей групп, имеющих более выраженные отличия. Значимость различий между подвыборками определялась с помощью t – критерия Стьюдента.

Итак, полученные результаты позволяют отметить следующее.

1) Мотивационная направленность.

Общим для обеих групп студентов является то, что в наименьшей степени они направлены на жизнеобеспечение. А одно из наибольших значений и те и другие придают возможностям проявления творческой активности.

При этом студенты с низкой СА в малой степени ориентированы на общую активность. Они выражают доминирующую ориентированность на общение и на комфорт.

Студенты с высокой СА имеют слабо выраженное стремление на комфорт и сильно выраженное стремление к социальной полезности и общению.

Соотношение показателей мотивационной направленности в группах студентов с низкой и высокой СА позволяет отметить ряд значимых отличий.

Респонденты с высокой СА в достоверно большей степени ориентированы на социальный статус ($t_э = 0,026$), общение ($t_э = 0,041$), общую активность ($t_э = 0,012$), творческую активность ($t_э = 0,036$) и социальную полезность ($t_э = 0,019$), нежели студенты с низкой СА. А стремление к жизнеобеспечению и комфорту значимых отличий не имеет.

Обобщающее соотношение общежитейской и деловой направленности студентов позволяет отметить только одно значимое отличие. Группа с высокой СА в достоверно большей степени ориентирована на ценности дела, нежели группа с низкой СА ($t_э = 0,009$).

В целом, результаты исследования мотивационной направленности в группах студентов с низкой и высокой выраженностью СА свидетельствуют о значимых различиях.

Члены подвыборки с низкой СА имеют в целом менее низкий мотивационный профиль. Их тенденции на тот или иной вид деятельности выражены намного слабее, чем это наблюдается в группах студентов с высокой СА. Наибольшую мотивационную силу для них имеет общение и комфорт с одной стороны, творчество и социальный статус – с другой.

Студенты с высокой СА в большой степени ориентированы на проявление социально активной позиции, на достижение определенных результатов в различных сферах деятельности. При этом, они в большой степени направлены на поддержание и расширение социальных контактов.

2) Временная направленность.

По результатам методики Ф. Зимбардо можно отметить, что среди временных ориентаций в группе студентов с низкой СА доминируют ориентации на позитивное прошлое и гедонистическое настоящее.

Студенты же с высокой СА, обладая выраженным позитивным видением прошлого, в наибольшей степени направлены на будущее.

Значимые отличия между группами студентов были выявлены только относительно ориентаций на будущее и на фаталистическое настоящее.

Студенты с высокой СА в достоверно большей степени ориентируются на будущее, имеют долгосрочные планы и цели ($t_э$ = 0,033). Они реализуют поведение, которое направлено на выполнение и реализацию этих планов и целей.

Студенты с низкой СА в большей степени видят настоящее в фаталистическом свете. Они в большей степени, нежели студенты с высокой СА, верят в судьбу, имеют подчиненное отношение к настоящему ($t_э$ = 0,029). Такие студенты полагают мало возможными изменения, и считают, что своими действиями они не могут влиять на события ни своего настоящего, ни будущего.

Выраженность СА не обнаруживает связи с факторами отношения к прошлому как негативному или позитивному.

По результатам методики «Оценивание пятилетних интервалов» мы можем, помимо графиков продуктивности жизни, отметить результаты выявления чувства реализованности, психологического возраста и коэффициента взрослости студентов.

Показатели субъективного чувства реализованности в жизни демонстрируют то, насколько личность оценивает «удельный вес» прошлого в своем жизненном пути. Студенты с высокой СА считают, что на данный момент их жизнь реализована на 23,6 %, а студенты с низкой СА – на 29,5 %.

В целом, данные показатели студентов из обеих групп находятся на уровне нормы. Только показатели студентов с низкой СА немного завышены.

Средние показатели биологического возраста во всех трех подвыборках колеблются в диапазоне 19 лет. Показатели же психологического возраста существенно разнятся. Студенты с высокой СА при биологическом возрасте 19,6, психологической возраст имеют 21,6. А студенты с низкой СА оценивают свой возраст гораздо выше. При биологическом возрасте 19,2, их психологический возраст – 29,3. Показатели коэффициента взрослости аналогично, демонстрируют, что студенты с высокой СА чувствуют себя старше хронологического возраста в 61 % случаях. А студенты с низкой СА – в 90 % случаев.

Результаты субъективной оценки продуктивности жизни у студентов с низкой и высокой СА во многом отличны.

Во-первых, можно отметить следующую тенденцию. Период максимальной насыщенности жизни событиями в представлениях студен-

тов с низкой СА – это период от 21 до 25 лет. В целом, ближайший период жизненного пути в котором они сейчас находятся и плюс / минус пять лет – интерпретируются ими как наиболее продуктивные периоды всей жизни. Далее насыщенность жизни резко идет на спад. Промежуток жизни от 26 до 45 – у них представляет собой долгий период стабилизации (плато), а затем снова резкое снижение насыщенности событиями жизненного пути.

У студентов же с высокой СА, график жизни имеет несколько иные тенденции. В их линии жизненного пути не наблюдается ярко выраженного пика – наиболее насыщенного периода. Студенты с высокой СА интерпретируют периоды обучения в школе, затем в университете как периоды нарастания событийной реализации жизни. Наиболее насыщенным периодом в жизни они считают периоды 26–30 и 31–35 лет.

Другими словами, обнаружена тенденция к восприятию настоящего как более определяющего и значимого в группе с низкой, нежели с высокой СА.

Промежуток жизненного пути 26 – 35 лет достоверно оценивается студентами с высокой СА как более наполненный значимыми событиями. В отличие от студентов с низкой СА, они не интерпретируют ближайшее будущее как период с наибольшей насыщенностью событиями, отодвигая такой период более чем на 6 лет.

Во-вторых, начиная с периода 41-45 лет в обеих группах студентов наблюдается спад в насыщенности событиями жизненного пути. Однако, у студентов с низкой СА этот спад более резкий. Если студенты с высокой СА периоды жизни от 41 до 66 лет рассматривают как периоды, имеющие продуктивность выше уровня среднего (от 8 до 6 баллов), то студенты с низкой СА – оценивают эти же периоды как имеющие насыщенность ниже уровня среднего (от 6 до 1 балла).

Такое же соотношение наблюдается и в отношении дальнейшей жизни. Студенты с высокой СА представляют себе весь свой жизненный путь как довольно насыщенный событиями, старость интерпретируется ими как период насыщенный событиями на уровне среднего. Студенты же с низкой СА прогнозируют минимальное количество значимых событий в старости.

Итак, представленные результаты исследования временной и мотивационной направленности студентов с различной выраженностью СА в самостоятельно инициируемых формах деятельности в рамках ВУЗа, позволяют отметить следующие особенности:

Студенты с высокой СА в большей степени ориентированы на будущее, их планы более долгосрочны, они низко оценивают свою реализованность на данный момент времени. Даже в отдаленном будущем они представляют себя как деятельных и социально активных персон. Их мотивационный профиль демонстрирует стремление к проявлению социально активной позиции, к достижению определенных результатов в различных сферах деятельности, направленность на поддержание и расширение социальных контактов.

Студенты с низкой СА отличаются ориентацией на настоящее, которое, однако, интерпретируют как в малой степени подчиненное собственным ориентациям на изменение. В ближайшем будущем они видят наиболее насыщенный период, а затем предполагают резкий спад активности. В будущем они не планируют большого числа значимых событий, не ставят себя в активную позицию. Уже сегодня они интерпретируют себя как довольно реализованных людей, представляют себя намного более взрослыми, нежели есть на самом деле. Их мотивационные ориентации, в целом, выражены слабее. Наибольшую мотивирующую силу для них имеет творчество, общение и комфорт.

Соотношение выраженности СА с исследуемыми параметрами отражает, что мотивационная направленность студентов из данных дихотомичных групп в значительной степени отличается.

Несмотря на значительные сходства респондентов в отношении общежитейских ориентаций, студенты с высокой СА в большей мере ориентированы на собственные социальные роли. Они руководствуются установками на активное социально и индивидуально полезное проявление собственных творческих и других качеств. Тогда как студенты с низкой СА, несмотря на ориентацию к творческому самовыражению, в малой степени проявляют направленность на социальное окружение.

Показатели исследования временной направленности выявили значимые различия в отношении студентов к настоящему и будущему. Различий в восприятии прошлого студентами с различной выраженностью СА не обнаружено.

Студенты с низкой СА имеют противоречивое отношение к настоящему. С одной стороны, наибольшее значение в перспективе жизненного пути они отдают именно этому периоду, а с другой, – не представляют самих себя как деятельных организаторов своего настоящего. Возможно, данное противоречие объясняется тем, что студенты с низкой СА не имеют четких и долгосрочных жизненных планов, соответственно более определенно могут обозначать свое отношение лишь к ближайшему будущему. По результатам обоих методик, ориентиро-

ванных на исследование временной направленности студентов, было выявлено, что данная группа студентов в слабой степени программирует события будущего, соотносит их с реальным образом этапов достижения целей.

Студенты же с высокой СА демонстрируют большую ориентированность на будущее. Их направленность на будущее отражает их активную позицию. Они интерпретируют жизненный путь как процесс, требующий личностно определенного, осмысленного способа реализации.

Итак, студенты с различной выраженностью СА имеют большое количество значимых отличий в мотивационной и временной направленности. Следовательно, при организации вузом мероприятий, направленных на личностное и профессиональное развитие студентов, необходимо более дифференцированно подходить к стимулированию участия в них. Так, студентам с низкой СА для включения во внутривузовские мероприятия необходимо в большей мере осознавать позитивные следствия этой активности в настоящем, четко видеть социальные и личностные выгоды проявления инициатив.

Библиографический список

1. Головаха, Е. И. Психологическое время личности / Е. И. Головаха, А. А. Кроник. Киев: Наук. думка, 1984. 208 с.

2. Мандрикова, Е. Ю. Современные подходы к изучению временной перспективы личности // Психол. журн. 2008. Т. 29, № 4. С. 54-65.

3. Нюттен, Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004. 608 с.

4. Осницкий, А. К. Проблемы исследования субъектной активности // Вопр. психол. 1996. № 1. С. 5-19.

К ПРОБЛЕМЕ ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЛИЧНОСТИ О ДРУГОМ КАК ДРУГЕ И ВРАГЕ

В.Д. Альперович

Актуальность исследования определяется тем, что феномены «Враг» и «Друг», во многом определяющие образ Другого, независимо от социально-экономической ситуации, функционируют в системе межгрупповых и межличностных отношений. В последние десятилетия макросоциальные трансформации в разных странах предопределили постановку в гуманитарных науках проблемы взаимодетерминации динамики способов и принципов обыденного познания Другого в раз-

ных категориях, конструирования его образа и рассогласований в развивающейся системе отношений человека с миром и другими людьми.

Несмотря на теоретическую постановку данной проблемы, на большую практическую значимость ее решения, до настоящего времени в отечественной социальной психологии отсутствуют исследования, в которых бы кризис как перманентное состояние развивающейся системы отношений личности рассматривалось в качестве фактора трансформации социально-психологических характеристик представлений о Другом как Враге или Друге. Феномены «трансформация представлений о Враге и Друге», «степень выраженности кризиса системы отношений личности» остаются малоизученными. Изучение этих феноменов предполагает привлечение к исследованию взрослых людей, приближающихся к середине жизни или находящихся на данном этапе жизненного пути.

Актуальность исследования обусловлена неугасающим общественным интересом к феноменам «Друг» и «Враг», особенно в условиях трансформации социальных отношений, и неразработанностью проблемы трансформации представлений о Враге и Друге в связи с динамикой системы отношений личности, таких ее состояний, как кризис системы отношений разной степени выраженности.

Мы отметили ряд противоречий и ограничений в изучении представлений о Враге и Друге. Так, в работах постулируется динамика представлений о Враге и Друге [2, 3, 4], но не указаны четкие критерии трансформации этих представлений. В них утверждается, что отношения между людьми влияют на представления о Другом [3, 5], но сами отношения в качестве фактора трансформации представлений о Враге и Друге не изучаются как система, включающая отношения к себе, к Другим, Других и ожидаемые от Других отношения в прошлом и настоящем времени. Указывается на роль рассогласований, противоречий в системе отношений личности в трансформации представлений о Другом [1, 2, 4], но отсутствуют эмпирические модели кризиса системы отношений и соответствующие им трансформаций представлений о Враге и Друге. В исследованиях выделены общие показатели кризиса (дезинтеграция образов «Я» и Других, рассогласованность, различных видов и модальностей отношений, социальная фрустрированность, неудовлетворенность своей социальной позицией, разрушение переоценка событий прошлого, временно́й перспективы, временные негативные соматические проявления) [1], но не изучается степень выраженности и взаимосвязи между этими показателями в качестве проявления определенного уровня выраженности кризиса системы отношений; не рас-

сматриваются взаимосвязи между уровнем выраженности кризиса системы отношений и направлениями трансформации социально-психологических характеристик представлений о Враге и Друге.

Исходя из названных работ и многих других, мы рассматриваем представления о Враге и Друге как динамичные когнитивно-эмоциональные образования, социально-психологические характеристики которых – личностные свойства, функции в общении, характеристики отношений, интерпретации поступков Врага и Друга. Структурная трансформация социально-психологических характеристик представлений о Враге и Друге – исчезновение и/или добавление элементов представлений и их групп, смещение элементов и их групп от «ядра» представления к его периферии и, наоборот, от периферии представления к его «ядру». Содержательная трансформация социально-психологических характеристик представлений о Враге и Друге – изменение приписываемых Врагу и Другу личностных свойств, функций в общении, характеристик отношений, интерпретации поступков. Направления трансформации социально-психологических характеристик представлений о Враге и Друге – совокупности структурных и содержательных изменений представлений.

Мы понимаем кризис системы отношений личности как перманентное состояние системы отношений, для которой является характерной различная степень выраженности рассогласований между отношениями к себе, к Другим, Других и ожидаемым отношением Других определенных модальностей, отношениями в прошлом и настоящем.

Цель исследования: определить направления трансформации социально-психологических характеристик представлений взрослых людей о Другом как Враге и Друге под влиянием различных уровней выраженности кризиса системы отношений. Гипотеза исследования: направления трансформации социально-психологических характеристик представлений о Друге и Враге обусловлены уровнем выраженности кризиса системы отношений. Эмпирический объект исследования: 204 человека 32–45 лет. Методики исследования: (с модифицированными инструкциями) «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири, «Экспресс-диагностика уровня социальной фрустрированности» Л.И. Вассермана, «Шкала аттитюдов ко времени» Ж. Ньюттена (адаптированная К. Муздыбаевым, 2000), авторская методика «Социально-психологические характеристики представлений о Друге и Враге».

Достоверность полученных данных обеспечивалась использованием методов математической статистики (частотного и кластерного анализа).

Эмпирические модели уровней выраженности кризиса системы отношений были сформулированы нами согласно параметрам, заданным Т. Лири, Л. И. Вассерманом, К. Муздыбаевым, и результатам кластерного анализа индексов согласованности видов отношений (соотношений оценки выраженности отношения к себе к оценке выраженности отношения Других в данной модальности) в каждой модальности.

Эмпирическая модель высокого уровня выраженности кризиса системы отношений включает: 1) Низкие индексы согласованности видов отношений: E (=a/d), F (=b/d), G (=c/d), где a – отношение к себе, b – отношение к Другим, c – ожидаемое отношение Других, d – отношение Других, – в авторитарной, эгоистической, агрессивной, подозрительной модальностях (0,1-0,32), в дружелюбной, альтруистической модальностях – 0. 2) Высокая степень выраженности данных модальностей отношений (≥68,7% от количества характеристик отношений каждой модальности, заданных Т. Лири), низкая степень выраженности дружелюбной, альтруистической модальностей отношений (15-32%). 3) Рассогласованность между видами отношений в позитивных модальностях существенно выше, чем в негативных, в настоящем и прошлом. 4) Очень высокий уровень выраженности социальной фрустрированности. 5) Негативное эмоционально-ценностное отношение к времени жизни, низкий личностный контроль времени жизни.

Эмпирическая модель среднего уровня выраженности кризиса системы отношений включает: 1) Средние индексы согласованности видов отношений E, F, G в негативных модальностях (>0,33≤0,5), в позитивных модальностях – 3,03-5,55. 2) Средняя степень выраженности всех указанных выше модальностей отношений (≥50<68,7%). 3) В настоящем рассогласованность видов отношений в позитивных модальностях выше (в прошлом существенно выше), чем в негативных модальностях. 4) Повышенный уровень выраженности социальной фрустрированности. 5) Среднепозитивное эмоционально-ценностное отношение к времени жизни, средний личностный контроль времени жизни.

Эмпирическая модель низкого уровня выраженности кризиса системы отношений включает: 1) Высокие индексы согласованности видов отношений E, F, G (0,73-1) во всех модальностях. 2) Низкая степень выраженности негативных модальностей отношений (15-32%),

высокая степень выраженности позитивных модальностей отношений (≥68,7%). 3) Наличие согласованности видов отношений в позитивных модальностях в настоящий период. В прошлом рассогласованность между видами отношений в позитивных модальностях выше, чем в негативных модальностях. 4) Пониженный уровень выраженности социальной фрустрированности. 5) Высокая степень позитивности эмоционально-ценностных отношений к времени жизни, высокий личностный контроль времени жизни.

На первом этапе исследования было выявлено, что показатели респондентов первой группы (24,5% выборки) соответствуют модели высокого уровня выраженности кризиса системы отношений. Показатели респондентов второй группы (26,5% выборки) соответствуют модели среднего уровня выраженности кризиса системы отношений. Показатели респондентов третьей группы (49% выборки) соответствуют модели низкого уровня выраженности системы отношений.

На втором этапе исследования проведен сравнительный анализ групп социально-психологических характеристик «прежних» и «актуальных» представлений взрослых о Враге и Друге, определены направления их структурно-содержательной трансформации; выявлены взаимосвязи между направлением трансформации социально-психологических характеристик представлений о Враге и Друге и уровнем выраженности кризиса системы отношений.

Ниже приведены данные о наиболее значимых структурных изменениях представлений о Друге и Враге, в зависимости от уровня выраженности кризиса системы отношений.

Группы социально-психологических характеристик в структурах представлений о Друге (в % от количества названных респондентом элементов):

1. Высокий уровень выраженности кризиса системы отношений:

– прежние представления: «ядерные» группы: «Совместная деятельность, совместное пребывание» (62-75); «Сходство ценностей, идеалов, мнений, интересов, духовная близость» (25-39); периферические группы: «Эмоциональная поддержка и оценка» (10-15);

– актуальные представления: «ядерные» группы: «Эмоциональная поддержка и оценка» (73-89); периферические группы: «Принадлежность к семье, наличие общего прошлого, старых связей» (10-20); «Сходство ценностей, идеалов, мнений, интересов, духовная близость» (4-15).

2. Средний уровень выраженности кризиса системы отношений:

– прежние представления: «ядерные» группы: «Совместная деятельность, совместное пребывание» (62-75); «Сходство ценностей, идеалов, мнений, интересов, духовная близость» (23-40); периферические группы: «Эмоциональная поддержка и оценка» (10-14); «Взаимная помощь» (10-17);

– актуальные представления: «ядерные» группы: «Эмоциональная поддержка и оценка» (58-80); «Взаимная помощь» (32-39); периферические группы: «Сходство ценностей, идеалов, мнений, интересов, духовная близость» (10-18); «Принадлежность к семье, наличие общего прошлого, старых связей» (11-15).

3. Низкий уровень выраженности кризиса системы отношений:

– прежние представления: «ядерные» группы: «Совместная деятельность, совместное пребывание» (60-75); «Качества Друга, проявляемые им в общении с партнером» (23-38); «Сходство ценностей, идеалов, мнений, интересов, духовная близость» (25-40); периферические группы: «Взаимная помощь» (10-18);

– актуальные представления: «ядерные» группы: «Сходство ценностей, идеалов, мнений, интересов, духовная близость» (48-57); «Взаимная помощь» (32-41); периферические группы: «Качества Друга, проявляемые им в общении с партнером» (10-13).

Содержательная трансформация представлений о Друге в группе с высоким и средним уровнями выраженности кризиса системы отношений состоит в полном изменении его функций. Он превращается из субъекта совместной деятельности, имеющего сходную ценностно-смысловую сферу, интересы, «доброго», «приятного», «хорошего» в субъекта эмоциональной поддержки, «честного», «искреннего», «правдивого». Содержательная трансформация представлений о Друге в группе с низким уровнем выраженности кризиса системы отношений состоит в усилении ценностно-смысловой, духовной близости Друга, в подчеркивании взаимопомощи и снижении значимости совместной деятельности, совместного пребывания для установления дружеских отношений, в изменении иерархии личностных свойств, приписываемых Другу: на первое место, вытесняя «добрый», «приятный», «хороший», выходят такие характеристики, как «умный», «интересный», «веселый».

Группы социально-психологических характеристик в структурах представлений о Враге (в % от количества названных респондентом элементов):

1. Высокий уровень выраженности кризиса системы отношений:

– прежние представления: «ядерные» группы: «Вредоносность, насильственность, агрессивность действий» (53-61); «Взаимная неприязнь, недоброжелательность» (40-49); периферические группы: «Инородность, чужеродность Врага» (10-14);

– актуальные представления: «ядерные» группы: «Предательство» (85-91); периферические группы: «Вредоносность, насильственность, агрессивность действий» (7-18).

2. Средний уровень выраженности кризиса системы отношений:

– прежние представления: «ядерные» группы: «Вредоносность, насильственность, агрессивность действий» (49-60); «Взаимная неприязнь, недоброжелательность» (42-49); периферические группы: «Инородность, чужеродность Врага» (10-12); «Соперничество» (10-15);

– актуальные представления: «ядерные» группы: «Предательство» (61-82); «Вредоносность, насильственность, агрессивность действий» (32-43); периферические группы: «Враг как потенциальная угроза» (10-15).

3. Низкий уровень выраженности кризиса системы отношений:

– прежние представления: «ядерные» группы: «Вредоносность, насильственность, агрессивность действий» (53-61); «Взаимная неприязнь, недоброжелательность» (42-49); периферические группы: «Инородность, чужеродность» Врага» (10-14); «Различие ценностей, идеалов, мнений и интересов» (10-15); «Соперничество» (11-14);

– актуальные представления: «ядерные» группы: «Вредоносность, насильственность, агрессивность действий» (52-63); «Различие ценностей, идеалов, мнений и интересов» (44-52); периферические группы: «Враг как потенциальная угроза» (12-16).

Содержательная трансформация представлений о Враге в группе с высоким и средним уровнями выраженности кризиса системы отношений заключается в превращении Врага из субъекта насильственных, агрессивных действий, наносящих вред другому человеку, «злого», «неприятного», «нехорошего» в предателя, в субъекта, наделенного такими личностными свойствами, как «лживость», «неискренность», «двуличие». Содержательная трансформация представлений о Враге в группе с низким уровнем выраженности кризиса системы отношений состоит в превращении Врага из субъекта насильственных, агрессивных действий, наносящих вред другому человеку, во взаимодействии с которым возникает взаимная неприязнь, «злого» в субъекта, отличающегося ценностно-смысловой сферой, интересами, совершающего насильственные, агрессивные действия, «завистливого».

По результатам исследования сделаны следующие выводы, подтверждающие выдвинутую нами гипотезу исследования.

Уровень выраженности кризиса системы отношений влияет на содержательную трансформацию социально-психологических характеристик представлений о Враге и Друге. Различия в содержательных трансформациях социально-психологических характеристик представлений о Враге и Друге наблюдаются между группой, имеющей низкий уровень выраженности кризиса системы отношений, и группами с высоким, средним уровнями выраженности кризиса системы отношений. Содержательные трансформации представлений о Враге и Друге идут в направлениях усиления – уменьшения: единства ценностно-смысловой сферы, духовной близости; эмоциональной поддержки, взаимопомощи – предательства, агрессивного, завистливого поведения; позитивности – негативности качеств личности: привлекательный – умный.

Библиографический список

1. Емельянова Е. В. Кризис в созависимых отношениях. Принципы и алгоритмы консультирования. СПб. ; 2008.

2. Мохова Е. Е. Возрастная динамика представлений о друге и дружбе в младшем возрасте: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2004.

3. Тулинова Д. Н. Представления о Враге и Друге в связи с отношением к жизни на различных этапах: автореф. дисс. …канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2005.

4. Юркова Е. В. Проявление социальных представлений о дружбе в межличностных отношениях: автореф. дис. … канд. психол. наук. СПб., 2004.

5. Seca J. M. Les représentations sociales. Paris, 2001.

ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОР САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ СОЦИОНОМИЧЕСКИХ И АРТОНОМИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Е.Н. Биличенко

Большинство современных западных и отечественных исследований посвящены проблемам самоактуализации личности в различных жизненных сферах. Самоактуализация – это постоянный творческий процесс развития способностей, способ проживания и реализации личности в ходе жизни.

В теориях персонологов тема самоактуализации личности представлена в различных понятиях: у К. Юнга – это «индивидуация», у

Э. Фромма – «зрелая личность», у Г. Олпорта – чувство «самости», у Э. Эриксона – чувство «эго-идентичности», у А. Маслоу – «самоактуализация», у К. Роджерса – «полноценно функционирующий человек» [1].

По мнению В. Франкла, самоактуализация – это одно из проявлений реализации человеком трансцедентных ценностей: креативных ценностей, ценностей переживания, ценностей отношений и т. д. [4].

Анализируя понятие самоактуализации в различных персонологических теориях Л. Н. Ожигова отмечает, что самоактуализация является потребностью, процессом и результатом человеческого существования. В таком понимании она выступает как единая, унитарная характеристика человека. Динамика процесса самоактуализации определяется достижением индивидом личностно осмысленной и культурно значимой цели или ценности, причем тогда можно выделить различающиеся по полу способы и пространства самоактуализации: культурализация – для мужчин и персонализация – для женщин. Самоактуализация может быть обозначена как социальная деятельность, во время которой происходит «срастание» культурных значений с системой личностных смыслов, т.е. личные проблемы (проблемы, связанные с удовлетворением потребностей личности) аналогизируются с решением внешних социальных проблем, ставших для личности «своими». Осознание смыслов и целей жизни, их организмическая «востребованность», согласованность всех объективных и субъективных пространств личности есть условие для самоактуализации личности, экспансии и трансляции Self во внешние пространства. Самоактуализирующаяся личность осуществляет экспансию структуры своих личностных смыслов на внешние по отношению к ней реальности, т.е. продвигает в развитие внешние системы, становится шагом в развитии науки, искусства, культуры и пр. [3].

Таким образом, можно обозначить, что большинство исследователей считает, что в процессе жизни личность стремится реализовать свои потребности, мотивы и смыслы, которые и определяют перспективы развития. Самоактуализация понимается как потребность, процесс и результат развития личности.

Самоактуализирующаяся личность обладает целым рядом особых черт и характеристик, которые отличают ее от других людей. Это такие, как: когнитивная эффективность и комфортные взаимоотношения с реальностью, принятие (себя, других, природы), спонтанность, простота, естественность, осознанная реализация жизненной миссии, потребность в уединении, способность к концентрации, автономность,

независимость от культуры и среды, воля и активность, чувство новизны, наличие высших переживаний (восторг, благоговейный трепет, экстаз, чувство духовного перерождения), идентификация себя с человечеством, избирательность в отношениях с людьми, демократичность, умение отличать средство от цели, добро от зла, философское чувство юмор, креативность, преодоление противоречивости во дихотомиях логика – инстинкт, сердце – разум, эгоизм-альтруизм, доброта-жестокость, активность-пассивность, женское – мужское, мистика-реальность и т. д. [2].

В современных психологических исследованиях авторы стремятся изучить особенности проявлений данных качеств у различных респондентов и «добавить» некоторые другие важные характеристики личности в список этих качеств – субъектность, жизнестойкость, целостная Я- концепция и др. Важно отметить, что доверие как психологический феномен и черта личности также попадает в контекст проблематики самоактуализации личности.

Доверие к себе, как одна из наиболее важных координат личности была выделена еще представителями гуманистического направления (А. Маслоу, К. Роджерс), которые считали, что психически здоровая личность обладает способностью самораскрытия, умением доверять хотя бы одному близкому человеку.

Доверие к себе, по мнению Т. П. Скрипкиной, является условием существования личности как автономного суверенного субъекта активности, способного к постановке и достижению собственных целей. Следовательно, можно предположить, что доверие к себе связано с самоактуализацией личности.

Данное предположение было рассмотрено нами в контексте изучения проблемы самоактуализации личности молодого человека в процессе профессионального становления на этапе обучения профессии.

Цель исследования – изучение связи самоактуализации и доверия у студентов социономических и артономических специальностей.

В исследовании принимали участие студенты 1 и 4 курсов факультета управления и психологии (профессия типа «человек-человек» – социономическая сфера) и факультета архитектуры и дизайна (профессия типа «человек – художественный образ» – артономическая сфера) Кубанского госуниверситет. Всего 102 человека: психологов – 55 человек, дизайнеров – 47 человек.

Методики исследования: Самоактуалиазационный тест «САТ»; методика оценки доверия к себе Т. П. Скрипкиной.

По итогам исследования выявлено, что у всех респондентов наблюдается связь самоактуализации и доверия, но у каждой группы студентов существуют свои особенности в этой взаимосвязи.

Опишем эти особенности.

1. Студенты социономической сферы.

У респондентов 1 курса профессии типа «человек-человек» обнаружены связи между поддержкой и такими сферами доверия, как профессиональная деятельность и отношения с друзьями. Следует отметить, что доверие к себе в сфере отношений с друзьями оказалась самой «нагруженной» шкалой по связям. Доверие к себе в отношениях с друзьями повышается при повышении следующих показателей самоактуализации: ценностные ориентации, сензитивность к себе, самоуважение и агрессия. То есть доверяющий себе в отношениях с друзьями студент-психолог относительно независим в своих поступках, стремится руководствоваться в жизни собственными целями, убеждениями, установками и принципами, что, однако, не означает враждебности к окружающим и конфронтации с групповыми нормами. Он свободен в выборе, не подвержен внешнему влиянию, разделяет ценностные ориентации самоактуализирующейся личности, отдает себе отчет в потребностях и чувствах, способен к рефлексии, уважает и ценит свои достоинства, а также принимает свое раздражение, как естественное проявление человеческой природы.

У респондентов 4 курса профессии типа «человек-человек» отсутствуют связи с основными шкалами САТА, но доверие к себе в профессиональной деятельности связано с блоком чувств самоактуализационного теста. Наиболее нагруженным связями становится доверие в следующих сферах: интеллектуальная сфера, доверие к себе в решение бытовых вопросов, доверие к себе в отношениях с друзьями и противоположным полом. Следует отметить, что самопринятие (принятие человеком себя таким, как есть, вне зависимости от оценки своих достоинств и недостатков) понижает уровень доверия к себе по таким сферам, как интеллектуальная сфера, решение бытовых проблем, отношения с друзьями.

2. Студенты артономической сферы.

У респондентов 1 курса профессии типа «человек -художественны образ» обнаружены связи с доверием по двум основным шкалам САТа: способностью жить настоящим, т.е. переживать настоящий момент своей жизни во всей его полноте, а не просто как фатальное следствие прошлого или подготовку к будущей «настоящей жизни»; способностью ощущать неразрывность прошлого, настоящего и будущего, т.е.

видеть свою жизнь целостной связаны у этой группы респондентов с такими сферами. Обе эти шкалы связаны с доверием к себе в профессиональной деятельности, доверием в решение бытовых проблем, доверием в отношениях с друзьями. Относительная независимость в своих поступках, стремление руководствоваться в жизни собственными целями, убеждениями, установками и принципами свобода в выборе связана с доверием к себе в интеллектуальной сфере. Наиболее «нагружены» связями с самоактуализацией являются доверие к себе в интеллектуальной сфере и доверие в решение бытовых проблем. Блок самовосприятие имеет связи по обеим шкалам (самоуважение и самовосприятие) имеет связи с доверием в решением бытовых проблем.

У респондентов 4 курса профессии типа «человек – художественный образ» также обнаружены связи с обеими основными шкалами САТа: способностью жить настоящим и способностью ощущать неразрывность прошлого, настоящего и будущего с доверие к себе в решении бытовых проблем, доверие к себе в семье. Относительная независимость в своих поступках, стремление руководствоваться в жизни собственными целями, убеждениями, установками и принципами свобода в выборе связана с доверием к себе в интеллектуальной сфере, отношениях с друзьями, семьей и родителями. Наиболее «нагружены» связями с самоактуализацией являются доверие к себе в решении бытовых проблем, доверие к себе в интеллектуальной сфере, отношениях с друзьями, семьей и родителями.

Таким образом, мы можем говорить о том, что респонденты специальности «человек-художественный образ» имеют больше связей с самоактуализацией и больше сфер, на которые эти связи распространяются.

Очевидно, это связано с тем, что студенты дизайнеры в процессе обучения и производственной практики имеют больше возможности увидеть конкретные результаты своего труда, воплотить свой замысел в реальном предмете, что повышает доверие личности к себе как «умелой», созидающей личности. Результат труда психолога «скрыт», формируется в сложном психическом пространстве другой личности, имеет «отсроченный» эффект, что позволяет студентам психологам переживать больше негативных состояний, не видеть конкретного результата своих умений, затрудняет самоактуализацию и снижает доверие к себе.

Библиографический список

1. Забазнова Е. М. Имидж как проявление способностей к самореализации // Основные направления развития региональной системы социально-

психологической поддержки населения. Материалы XII Региональной научно-практической конференции. Краснодар, 1999. С. 106-107.

2. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999. С. 224 – 259.

3. Ожигова Л.Н. Гендерная интерпретация самоактуализации личности в профессии: дис. … канд. психол. наук. Краснодар, 2000.

4. Франкл В. Доктор и душа. СПб., 1997.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ОПТИМИЗАЦИИ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ МЕДИЦИНСКИХ СЕСТЕР НА УРОВНЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОТБОРА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Е.В. Богачева

Эффективное и качественное выполнение медицинского труда, высокая отдача от медицинского персонала невозможна без целенаправленного и умелого воздействия на трудовую мотивацию медицинских сестер, без грамотной системы стимулирования труда. Это предполагает правильный выбор средств оптимизации трудовой мотивации, которые должны иметь конкретную конечную цель – качественное выполнение профессиональных обязанностей.

При проведении профессионального отбора, а также на уровне профессиональной адаптации медицинской сестры для повышения эффективности трудовой деятельности, эффективности общения с пациентами, формирования инициативности в самообразовании и совершенствовании, а также для формирования удовлетворенности трудом необходимо организовать психологическое сопровождение оптимизации трудовой мотивации медицинских сестер.

Психологическое сопровождение – это единый процесс изучения формирования и коррекции профессионального становления и реализации личности [1].

Ряд авторов подразумевает под психологическим сопровождением поддержку психически здоровых людей, у которых на определенном этапе возникают личностные трудности. Психологическое сопровождение рассматривается как системная интегративная технология социально-психологической помощи личности.

Психологическое сопровождение на уровне профессионального отбора медицинских сестер осуществляется благодаря кадровой службе лечебно-профилактического учреждения (ЛПУ) и заключается в проведении собеседования штатным психологом ЛПУ.

«Профессиональный психологический отбор – это комплекс мероприятий, направленных на обеспечение качественного отбора пер-

сонала организации на основе оценки соответствия уровня развития необходимых психофизиологических (индивидных) качеств и свойств личности требованиям профессиональной деятельности. Следовательно, основными задачами профессионального психологического отбора являются оценка развития необходимых для эффективной деятельности по выбранной специальности индивидуально-психологических качеств и свойств личности кандидата, а также вынесение заключения о пригодности к практической деятельности по соответствующей специальности» [2]. Основная цель профессионального отбора кадровой службой ЛПУ – набрать медицинских сестер с данной квалификацией и необходимыми личностными качествами, способных решать поставленные перед ними задачи наиболее эффективно. Кроме того, целью психологического отбора является формирование адекватной трудовой мотивации у медицинских сестер, позволяющей достичь наибольшей эффективности труда.

В ходе собеседования психологом оценивается трудовой потенциал медицинской сестры, претендующей на вакантное место, оцениваются профессионально важные знания и умения. Для этого проводятся тесты, сходные с работой, которую медицинской сестре предстоит выполнять. Оценивается также уровень развития отдельных когнитивных способностей, внимания, памяти, мышления, определяются основные личностные качества медицинского работника (с использованием психодиагностических тестов).

При проведении таких собеседований крайне важно, чтобы претендент на вакантную должность осознал, что профессиональный отбор проводится в его же интересах. Такой подход является залогом безошибочной работы в перспективе будущего, повысит эффективность трудовой деятельности, а также удовлетворенность медицинских сестер выполняемым трудом и, следовательно, создаст высокую мотивацию к труду.

В лечебно-профилактических учреждениях можно предположить значимость создания психологической службы, деятельность которой позволит осуществлять эффективный отбор претендентов на должность медицинской сестры.

Следующим уровнем психологических воздействий является этап адаптации медицинской сестры к новой трудовой деятельности. «В самом общем виде адаптация (лат. adapto-приспособляю) – процесс приспособления работника к условиям внешней и внутренней среды» [3]. Существуют различные виды адаптации, однако мы рассмотрим производственную адаптацию. «Именно она является инструментом в

решении такой проблемы, как формирование у нового рабочего требуемого уровня производительности и качества труда в более короткие сроки» [3].

Производственную адаптацию, как сложное явление, можно рассматривать с различных позиций, выделяя психофизиологическую, профессиональную и социально-психологическую стороны. Каждая из них имеет свой объект, свои целевые задачи, показатели эффективности. Психофизиологическая адаптация – адаптация к трудовой деятельности на уровне организма работника как целого, в результате чего происходят положительные изменения функциональных состояний (снижается уровень утомления, вырабатывается толерантность к более высоким физическим нагрузкам и т. п.). Профессиональная адаптация – полное и успешное овладение новой профессией, т. е. привыкание, приспособление к содержанию и характеру труда, его условиям и организации. Она выражается в определенном уровне овладения профессиональными знаниями, умениями и навыками, в соответствии характера личности характеру профессии. Социально-психологическая адаптация человека к производственной деятельности – адаптация к ближайшему социальному окружению в коллективе, к традициям и неписаным нормам коллектива, к стилю работы руководителей, к особенностям межличностных отношений, сложившихся в коллективе. Все это означает включение работника в коллектив как равноправного, принимаемого всеми сотрудниками коллектива. Среди составляющих производственной среды, к которым нужно адаптироваться работнику, наряду с такими, как условия и содержание труда, должностные обязанности, есть составляющие с социально-экономическим оттенком: организация труда, оплата труда и материальное стимулирование, социально-бытовая сфера предприятия, организация досуга работников и т. п. [3].

Профессиональная адаптация – вхождение в профессию, освоение новой социальной роли, профессиональное самоопределение, формирование личностных и профессиональных качеств, опыт самостоятельного выполнения профессиональной деятельности [4].

На уровне ЛПУ мы рассматриваем профессиональную адаптацию как взаимное приспособление медицинской сестры и трудового коллектива. В результате этого медицинская сестра осваивается на рабочем месте, а именно:

• определяет свое местоположение в структуре ЛПУ как специалист, способный решать задачи определенного класса;

• осваивает профессиональную культуру и этику;

• включается в систему сложившихся до ее прихода межличностных связей и отношений.

Психологическое сопровождение на уровне адаптации состоит в снятии состояния тревоги, формировании позитивной установки на преодоление трудностей, развитии чувства востребованности и социальной защищенности, актуализации резервных возможностей медицинской сестры.

Психологическое сопровождение в ЛПУ сводится:

к оценке реальной компетентности медицинской сестры;

оказанию помощи в повышении квалификации;

преодолению появившегося чувства профессиональной неполноценности;

формированию адекватной профессиональной самооценки;

развитию оптимальной трудовой мотивации.

Критериями успешного психологического сопровождения являются комфортное эмоциональное состояние медицинской сестры, привыкание к рабочему ритму и режиму труда, эффективная трудовая деятельность, установление оптимальной работоспособности.

Таким образом, для оптимизации трудовой мотивации медицинских сестер необходимо осуществлять психологическое сопровождение на стадиях профессионального отбора и адаптации. Это позволит выявить наиболее достойных кандидатов на имеющиеся вакантные места, а также создаст необходимую трудовую мотивацию медицинских сестер, позволяющую добиться максимальной эффективности труда.

Библиографический список

1. Карачарова Ю. А. Психологические факторы профессиональной успешности участкового врача-терапевта: дис. … канд. психол. наук. Тверь, 2010. 202 с.

2. Маклаков А. Г. Профессиональный психологический отбор персонала. Теория и практика: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2008. 480 с.

3. Маслов Е. В. Управление персоналом предприятия: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М; Новосибирск: НГАЭиУ, 1999. 312 с.

4. Фирсов М. В. Теория социальной работы : учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений / М. В. Фирсов, Е. Г. Студенова. М.: Владос, 2001. 432 с.

СИНДРОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД

В.А. Бордовский

Профессиональная деятельность социального работника включает совокупность средств, приемов, способов и методов человеческой деятельности, направленных на социальную защиту населения, на работу с различными социальными, половозрастными, религиозными, этническими группами, с отдельными лицами, нуждающимися в социальной помощи и защите.

Компетенции социального работника включают в себя:

1. Умение анализировать большое количество информации, связанной с новыми методиками работы с людьми, законодательными и нормативными актами в данной профессиональной сфере;

2. Владение культурой мышления, знает его общие законы, способен в устной и письменной речи правильно (логично) оформить его результаты;

3. Умение в условиях науки и изменяющейся социальной практики к переоценке накопленного опыта, анализировать свои возможности, умение приобретать новые знания, используя современные информационные образовательные технологии;

4. Готовность к кооперации с коллегами по работе в коллективе, ознакомление с методами управления, умение организовать работу исполнителей, умение находить и принимать управленческие решения в условиях противоречивых требований, знание основы педагогической деятельности.

Другими словами профессиональная сфера деятельности социального работника потенциально подвержена интенсивным эмоциональным и интеллектуальным переживаниями и перегрузкам, которые дестабилизируют эмоциональную сферу и всю деятельность личности в целом.

Проведенное нами исследование направлено на выявление особенностей эмоционального выгорания у специалистов социальной работы. Мы также пытались выявить, какие из ценностей присутствуют в сознании специалистов и позволяют им осваивать необходимые для данной профессии компетенции.

В исследовании приняло участие 40 человек, студентов 5 и 4 курсов заочной формы обучения специальности «Социальная работа», кафедры «Социальной работы, психологии и педагогики высшей образо-

вания» Факультета управления и психологии Кубанского государственного университета. Сферами профессиональной деятельности опрашиваемых являются государственные и негосударственные социальные службы, организации и учреждения системы социальной защиты населения, образования, здравоохранения, армии, правоохранительных органов. Из всей выборки: 38 женщин и 2 мужчины в возрасте от 21 до 47 лет. Учитывая гендерные особенности выборку можно считать репрезентативной в данной профессиональной сфере. Если обратить внимание на возраст опрашиваемых, то большая часть выборки моложе 35 лет. Точнее 13 человек в возрасте от 21 до 25 лет (33%), 8 человек в возрасте от 26 до 30 (20%), 6 человек от 31 до 35 лет (15%), 5 человек в возрасте от 36 до 40 лет (13%), 7 человек в возрасте от 41 до 45 (18%) и 1 человек старше 45 лет (3%). Средний стаж работы 5 лет.

Анализ ценностей респондентов проводился с помощью методики «Оценка привлекательности организационной культуры». Автор: М. М. Снетков [2]. В данной методике оцениваются ценности реальной организации и желаемой.

При обработке данных использовалось такие показатели как:

1) *стандартное отклонение* – это мера того, насколько широко разбросаны точки данных относительно их среднего;

2) *среднее арифметическое значение*;

3) *ошибка средней* – отношение количества выборочной совокупности к стандартному отклонению.

Оцениваемые ценности:

1. Потребность в творческой и напряженной работе
2. Потребность в простой работе
3. Хорошие условия труда
4. Материальное и финансовое обеспечение труда
5. Потребность в хороших взаимоотношениях
6. Потребность в признании, в личном авторитете
7. Трудовая мотивация работника
8. Участие персонала в управлении
9. Потребность в успехе организации
10. Сплоченность коллектива организации
11. Определенность в организации труда
12. Неопределенность в работе

Если сравнить общие результаты по реальной и желаемой организации, то из исследования видно, что большая разница ощутима по шкалам: «Хорошие условия труда», «Материальное и финансовое обеспечение труда», «Потребность в хороших взаимоотношениях»,

«Трудовая мотивация работника» и «Сплоченность коллектива организации». Единственный положительный и социально ожидаемый результат по шкале «Неопределенность в работе».

Уровень *эмоционального выгорания* определялся нами по методике MBI, предназначенной для измерения степени «выгорания» в профессиях типа «человек – человек». Авторы: К. Маслач, С. Джексон (США) [1].

Синдром профессионального выгорания рассматривался авторами как совокупность симптомов, которые негативно сказываются на работоспособности, самочувствии и интерперсональных взаимоотношениях [3, 4].

Можно выделить три содержательных компонента состояния общего и профессионального выгорания:

1) эмоциональное истощение;

2) деперсонализация, т.е. глубокий кризис идентичности (в том числе – профессиональной идентичности) личности;

3) значительное снижение стремления к личностному росту, мотивации достижения – «редукция личных достижений»

Данные опроса выглядят следующим образом:

1. По шкале «Эмоциональное истощение» низкие результаты получили 14 респондентов (35%), средние 13 (33%), высокие 13 (33%);

2. По шкале «Деперсонализация» низкие результаты получили 15 респондентов (38%), средние 13 (33%) и высокие 12 (30%);

3. По шкале «Редукция личных достижений» низкие результаты получили 13 респондентов (33%), средние 22 (55%), высокие 5 (13%).

При интерпретации результатов по данной методике стоит учитывать результаты всех трех шкал. О выгорании стоит говорить при высоких результатах по шкале «эмоциональное истощение» и «деперсонализации» и при низких результатах по «редукции личных достижений». Но в полученных результатах, напротив, низкие показатели по первым двум шкалам и в тоже время низкие результаты по третьей. Кстати, низкие результаты по «редукции личных достижений» связаны с малым стажем работы.

Из полученных данных следует, что только третья часть выборки не находится в зоне действия синдрома эмоционального выгорания. Остальная же часть делится на тех, кто уже подвержен данному синдрому и тех, кто к этому склонен.

При подсчете корреляции между группами шкал, выявлены следующие результаты:

1. «Эмоциональное истощение»-«Деперсонализация» (r=0,553);

2. «Эмоциональное истощение»-«Редукция личных достижений» (r=-0,216);

3. «Редукция личных достижений»-«Деперсонализация» (r=-0,331)

Прослеживается связь между эмоциональным истощением и деперсонализацией, т. е. чем выше результаты по первой шкале, тем выше результаты по второй. Сильное эмоциональное истощение влияет на определение профессиональной пригодности и определение личностью своей профессиональной идентичности. Относительно сильная обратная связь прослеживается между деперсонализацией и редукцией личных достижений, т. е плохое определение личности с профессиональной стороны влияют на низкие результаты по третьей шкале. А поскольку третья шкала является обратной, следовательно, низкие показатели по второй шкале показывают на низкие результаты профессиональной успешности.

При корреляционном сравнении ценностей рабочих и эмоционального истощения выявились следующие результаты. Высокая потребность в хороших взаимоотношениях (r=-0,427), потребность в признании и в личном авторитете (r=-0,475), а также низкая сплоченность коллектива (r=-0,443) и определенность в организации труда (r=-0,488) вызывают сильное эмоциональное истощение. И наоборот, в состоянии эмоционального истощения человек испытывает больше потребности в признании и личном авторитете, во взаимоотношениях, ухудшается сплоченность коллектива и понижается определенность в труде.

При сравнении этих же ценностей с деперсонализацией, видно, что плохое материальное и финансовое обеспечение труда (r=-0,374), высокая потребность в признании и в личном авторитете (r=-0,431), не правильно внедренная или составленная трудовая мотивация работника (r=-0,335), низкая сплоченность коллектива организации (r=-0,428) и неопределенность в организации труда (r=-0,326), все это влияет на возрастание уровня деперсонализации. Иными словами данные ценности на прямую влияют на формирование у рабочего кризиса как личностного, так и профессионального.

Проведение взаимосвязи ценностей рабочих и редукции личных достижений показало на наличие только одного существенного факта. Высокая потребность в признании и личном авторитете приводит к снижении личностного и профессионального роста (r=0,342). Сотрудник просто не стремится больше развиваться, если не ощущает и не видит реального проявления своего авторитетного мнения или его

профессиональные достижения просто не оцениваются и не поощряются со стороны руководства.

Из подробного анализа эмоционального выгорания социального работника следует, чт.е. ценности, влияющие на отдельные факторы синдрома эмоционального выгорания, такие как материальное обеспечение труда, сплоченность коллектива, определенность в организации труда, трудовая мотивация и т. п. А есть одна ценность, при не реализации которой, может проявиться весь синдром полностью и сразу. Данной ценностью для работника социальной сферы является потребность в признании и личном авторитете. Проанализировав все вышеописанные результаты можно перейти к формированию блока рекомендаций, способных помочь блокировать развитие факторов риска профессиональной дезадаптации специалистов социономической деятельности.

Из полученных данных можно сделать вывод о том, что на уровень эмоционального выгорания специалистов социальной работы влияет частичная неосведомленность о реальной трудовой деятельности, слабое умение работать в коллективе. Что в свою очередь подводит нас к мысли о том, что будучи студентами (магистрантами) специалисты не усваивают ряд общекультурных и специальных компетенций. Стоит заметить, что данный тезис не является суждением о системе образования данных специалистов, скорее всего это проблемная ситуация другого исследования, касающегося непосредственно личностного восприятия отдельных компетенций обучающимся.

Библиографический список

1. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: «Питер» 2000, с. 469-470
2. Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности: учеб. пособие / под ред. Г. С. Никифорова, М,А. Дмитриевой, М. М. Снеткова. СПб.: Речь, 2003. 448 с., с. 429-444
3. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946
4. Ясько Б. А. Психология личности и труда врача: курс лекций. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 304 с.

РОЛЕВЫЕ МЕТАФОРЫ В ГРУППАХ

С.В. Бошук

Ролевая метафора – это способ психологической категоризации и самоорганизации людей в группе. Индивидуальные роли помогают регулировать социальные и межличностные отношения и способствуют осознанию идентичности в постоянно меняющемся мире. Они эффек-

тивны в упорядочении и осознании ролевого взаимодействия в социальных группах и процессов в них.

Ролевые метафоры как регуляторы жизни людей могут возникать в процессе совместной деятельности и коммуникации людей в общих процессах познания мира и интеграции в него каждого субъекта и его мировоззрения.

В литературе существует несколько классификаций групповых ролей (Р. Белбин, Р. Шиндлер, М. Мескон) [4], рассматриваются социологические теории разделения ролей (Т. Парсонс, П. Бергер и Т. Лукман, И. Гоффман, Г. Гарфинкель) [1], отечественный подход к рассмотрению примитивных групп и ролевой организации групп [2], даётся определение метафоры в литературном и научном аспектах [3], нам же представляется целесообразным ввести ещё и ролевой (социально-психологический) аспект метафоры.

Метафора в контексте нашей работы выступает как вид модели (модели поведения человека, его ролевого основания). *Метафора*, как и любая модель: А) создана на основе реального образа предмета/явления; Б) содержит отношения, связи или атрибуты, соответствия между элементами, как у реального образа предмета/явления; В) выражена в опыте общества, передающаяся из уст в уста, имеет выход в вербальных реакциях. Г) используется в целях иллюстрации, лучшего «наглядного» понимания человеком смысла сообщения из внешней среды.

Роль определяется нами как позиция личности в структуре социального взаимодействия, обязывающая её выполнять соответствующие функции, являющаяся также удобным средством сворачивания комплексной информации о человеке и инструментом для организации знания об окружающих людях.

В качестве *гипотезы* можно предположить, что деятельность группы будет определять набор возможных ролей внутри неё.

Данная статья посвящена следующей проблеме: как найти список ролей, адекватных конкретной группе? В целях разрешения этой проблемы нами было проведено пилотажное исследование.

Сам пилотаж проводился в несколько этапов. Его целью было нахождение инструмента выделения ролей из разных групп, увидеть разброс ролей в группах, отработать метод поиска групповых ролей.

На первом этапе (декабрь 2010 года) была опрошена группа знакомых друг с другом программистов. Суть опроса заключалась в том, что каждому из них предстояло подобрать другому наиболее подходящую роль из предложенного списка. На этом этапе в качестве воз-

можной ролевой классификации использовался перечень глубинных ролей П. Мокснеса [5]. Он выделял 12 глубинных семейных ролей: Бог, Королева, Дьявол, Ведьма, Принц, Паршивая овца, Блудница, Принцесса, Мудрец, Слуга, Лжепророк, Неверный слуга, Шут/проигравший и Герой/победитель. Респондентам предлагалось конфиденциально обозначить роли каждого из них в группе. В ходе исследования стало ясно, что существуют затруднения с определением ролей в группе; возникла идея в частности и о том, что список ролей Мокснеса не подходит под ситуацию данной группы. Отсюда стало ясно, что респондентам необходимо предлагать самим наделять участников их групп ролями по собственному списку.

На втором этапе (декабрь 2010 – январь 2011 года) мы составили опросник для следующей группы респондентов (11 студентов-магистрантов) со следующей инструкцией: необходимо было сравнить себя и других участников группы, а также преподавателей сначала с любым сказочным персонажем, затем с животным. В задание также входило описание общей групповой роли человека. Здесь мы уже выходили на непосредственные ролевые метафоры. Результаты получились следующие: выявилась схожесть в восприятии членами коллектива друг друга, обнаружилось меньше ролей, связанных с непосредственной деятельностью, а больше с личностными характеристиками. Наряду с большим разбросом «животных» и «персонажных» ролей обнаружились и интересные совпадения, что говорит о устойчивой роли личности в группе.

Главная же проблема оставалась в том, что продолжалось использоваться ограничение ролевой сферы. Респондент должен всё-таки в свободном режиме описывать роли, которые он сам лично видит вокруг себя (вне заданных рамок и семантического поля).

На третьем этапе (январь – февраль 2011 года) мы провели исследование, которое помогло сконструировать инструмент обнаружения ролей в группах и найти сами роли в группах. Было проведено интервью, касающееся групп (дружеских компаний, где люди занимаются каким-то общим делом), в которые входят респонденты.

Выборку составили 14 респондентов от 18 до 27 лет, большая часть респондентов – студенты из Краснодара.

В интервью входили следующие вопросы: есть ли у вас дружеская компания? Какие роли там есть? Какие функции выполняются каждым участником? Что он делает в компании? Как бы вы могли каждого метафорически назвать? В какие ещё компании вы входите? Какие функции и роли есть там?

В третьем этапе исследования участвовало 14 человек, и опыт каждого оказался достаточно уникальным. После сбора всех ответов мы собрали все роли, фигурировавшие у респондентов в описании. Получилось 51 наименование роли, и в связи с этим для нас стало актуальным классифицировать в дальнейшем все эти роли и метафоры по определенным основаниям.

Обоснование оснований следующее: роли можно классифицировать по типу активности (в ролях отражена активность по отношению к группе и степень ответственности за группу и её деятельность; например, мы видим, что организатор выступает в лице связиста, клея, лидер в лице движка, заводилы, вдохновителя, душа компании в лице болтушки, веселушки, шутника, клевого, ум группы в лице всезнайки, профессора, спорщика, гения, размышлятора, весов), по степени идентификации себя с группой (в ролях видна степень включённости каждого в группу), по ролевой функциональности (в зависимости от того, сколько ролей взял на себя каждый человек в группе) т. д.

Полученные данные были обработаны методом *сгущения* более простых ролей в одну общую, интегрирующую их. Этот метод предполагает поиск соответствия (в первую очередь функционального) перечисленных респондентами различных ролей, которые затем сворачиваются (сгущаются) в одну общую большую роль.

В результате проведения пилотажа и присовокупления к полученным ролям описанных в литературе ролевых классификаций Белбина и Шиндлера мы выделили 8 больших групповых ролей, включающих в себя несколько мелких, а именно:

Организатор (клей, связист, лидер, альфа, председатель, мотиватор, координатор);

Творец (космос, генератор идей);

Весельчак (душа компании, заводила, шутник, движок, болтушка, харизматичный, шумоголовая, ветер, клоун);

Умник (загадочный, контролёр-критик, профессор, всезнайка, слушатель-собеседник, размышлятор, гений, око, бета, аналитик);

Добряк (мисс улыбка, мишка Гамми, красавчик, клёвый, позитивное пятно, простушка, бета, вдохновитель команды);

Контроллёр (психолог, разрульщик, весы);

Бунтарь (спорщик, манипулятор, ленивый новый русский, пси);

Аутсайдер (омега, лузер, параноик, тихоня, неженка, молодой).

Каждая из этих ролей включала в себя некоторое количество ролевых метафор, которые были даны нашими респондентами. Предпо-

ложительно, человек может сыграть несколько ролей, но только если они достаточно хорошо сочетаются в одном человеке.

Проведённые беседы с респондентами и наблюдения за группами позволили нам сделать следующие выводы:

1. У людей в основном есть дружеские компании, где они себя не утруждают размышлениями над ролями, функциями… Группа в глазах респондентов стоит на рельсах самоорганизации и саморегуляции, так как для этого всё как бы изначально готово. Роли людям зачастую выделить сложно.

2. В группах, где есть не просто дружеское общение, а ещё какая-то конкретная деятельность, заметно легче образуются роли в зависимости от контекста этой деятельности. Таким образом, для организации конкретной деятельности необходим набор групповых ролей, который эту деятельность организует. Роли в этих группах выделяются их участниками легче.

3. У половины респондентов наблюдается невысокий или низкий уровень рефлексии групповых ролей. Два человека вообще показали отсутствие рефлексии по поводу групповых ролей и групп.

4. Выборка представлена людьми разного пола и разного возраста, на данный момент от 18 до 27 лет. Различия по полу в рефлексии ролей не обнаружено, но возможно ее появление в ходе дальнейшего исследования.

5. Перечень ролей оказался достаточно велик (житейский, харизматичный, заводила, разрульщик, тихони, гений, болтушка, мисс улыбка, всезнайка, параноик, неженка, спорщик, веселушка, загадочный, клёвый, связист, лидеры, показушники, лузеры, подлабузники, манипуляторы, простушки, организатор, слушатели-собеседники, шутник, водитель, движок, профессор, размышлятор, турист, клей (объединитель), творческий вдохновитель, весы, ветер, око (человек рассудительный, может внести новые полезные идеи), весельчак (душа компании и заводила), одногруппница, ленивый новый русский, понтокрылка, медвежонок гамми, красавчик, шумоголовая, космос, генератор идей, позитивное пятно, неудачник (объект подколов), добряк (от него не ожидается ничего плохого), молодой, умный парень, диссиденты (конкуренты лидера), звёздочки). Всего была названа 51 роль, каждый респондент обозначил в среднем по 4 роли.

В перспективе мы ожидаем, что роли в группах на самом деле существуют, хотя у людей имеется слабое осознание этих ролей. Можно предположить как тему для дальнейшего исследования, что люди, ко-

торые сильнее осознают роли других участников и свои роли, больше осознают свою жизнь и получают от неё больше удовольствия.

Схемы ролей и сами ролевые метафоры важны для саморегуляции и самосознания человека. Целесообразна коррекционная работа с людьми, не осознающими ролевого устройства групп, в которых они находятся. Эта работа возможна методом просвещения людей о ролях, помощи им в поиске своих подходящих ролей, помощи в анализе своего поведения и поведения других людей, обусловленного ролевым контекстом.

Библиографический список

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

2. Добрович А. Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения. М.: Просвещение, 1987. 207 с.

3. Полозова И. В. // Глубинные основания метафоры // Вестник МГУ. Серия 7: Философия. 2004.

4. Р. Мередит Белбин: Типы ролей в командах менеджеров: пер. с англ. М.: HIPPO, 2003. 232 с.

5. Moxnes, P.: Deep Roles: Twelve primordial roles of mind and organization. Human Relations, 1999. № 52(11), P. 1427-1444.

СХЕМА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ТРЕНИРОВОК СОБСТВЕННЫХ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ КУРСАНТА

М.И. Грищенко, С.Д. Некрасов

Профессиональная деятельность военного лётчика ввиду сложного характера его профессиональной деятельности, обусловленной повышенной опасностью, скоростью перемещения в пространстве, высоким темпом выполнения совмещенных действий в условиях жесткого лимита времени, постоянным напряжением, воздействием перегрузок и ускорений, необходимостью постоянной ориентировки в пространстве предъявляет высокие требования к профессиональной подготовленности специалиста ВВС.

Выполнение летчиком полетных заданий сопровождается повышенными эмоциональными нагрузками, затруднениями в реализации управляющих действий и необходимостью одновременного контроля большого количества приборов, управления системами вооружения, ведения ориентирования, как следствие у летчика происходит истощение его энергетического потенциала и снижение психологических резервов. Что, в свою очередь, может стать причиной ненадёжных дейст-

вий летчика, особенно в условиях нештатных ситуаций. В связи с этим возникает необходимость поддержки надлежащего состояния и развития профессионально важных качеств военного летчика еще в стенах военного летного училища.

Тренировка собственных профессионально важных качеств будущего военного летчика является важным элементом профессиональной подготовки курсантов. Овладеть способностями ежедневной тренировки можно, если последовательно каждый день выполнять отдельные упражнения, тогда, как следствие, выработается собственный стиль тренировок профессиональных способностей – профессионально важных качеств.

Под профессионально важными качествами (ПВК) понимаются качества человека, определяющие эффективность выполняемой им профессиональной деятельности и несущие при этом основную нагрузку.

Военными психологами [2, 3, 4] выделяются пять блоков профессионально важных качеств военного летчика, которые обеспечивают успешное овладение практически любой профессиональной деятельностью:

– личностные ПВК;
– познавательные (интеллектуальные) ПВК;
– психофизиологические (операторские) ПВК;
– физиологические ПВК;
– физические ПВК.

Личностные ПВК составляют ядро профессиональной пригодности и обеспечивают формирование взаимоотношений в коллективе, преодоление трудностей военной службы, завоевание необходимого авторитета и дальнейший профессиональный рост.

Познавательные ПВК характеризуют способность к переработке и усвоению значительного количества информации и требуют от лётчика наличия высокого уровня развития всех познавательных способностей человека: воображения, мышления, памяти, внимания, аналитических способностей.

Психофизиологические ПВК обеспечивают связь психики с физиологией и характеризуются умением управлять своим функциональным состоянием. При эмоциональном стрессе лётчику надо гасить излишнее возбуждение, при утомлении бороться с усталостью, а на боевом дежурстве при необходимости быстро переходить из режима пассивного ожидания в состояние активного бодрствования.

Физиологические ПВК определяют надежность функционирования органов и систем человека в условиях воздействия специфических факторов полета. Важное значение имеют вестибулярная устойчивость и устойчивость к перегрузкам большой величины и длительности при пилотировании высокоманевренных самолетов.

Физические ПВК характеризуют прочность организма лётчика, его устойчивость к неблагоприятным факторам лётной деятельности. Справиться с трудностями лётной профессии, успешно переносить большие эмоциональные, интеллектуальные и физические нагрузки и долгое время сохранять профессиональное здоровье может только физически хорошо подготовленный человек, регулярно занимающийся специальными физическими упражнениями.

Психологами разработаны упражнения, используемые для развития отдельных профессионально важных качеств лётчика [1, 5]. Например, разработаны:

– дыхательные упражнения для тренировки способности управлять своим функциональным состоянием;

– самомассаж биологически активных точек для тренировки способности к мобилизации после монотонной работы;

– специальные игровые упражнения для тренировки точности сенсомоторных реакций;

– вестибулярная тренировка для тренировки вестибулярной устойчивости;

– упражнения по силовой тренировке мышц шеи для тренировки устойчивости к перегрузкам;

– упражнения по снятию утомления глаз для тренировки устойчивости зрительного анализатора;

– дыхательная гимнастика для тренировки устойчивости к кислородному голоданию;

– контрастные температурные воздействия для тренировки устойчивости к воздействию высоких и низких температур и др.

Вместе с тем, комплексы упражнений по тренировке познавательных способностей курсантов трудно найти в информационных источниках. Нами разработаны схемы самостоятельной тренировки собственных познавательных способностей, предназначенные для будущих военных летчиков.

Схема состоит из последовательности усложняющихся комплексов тренировок. Отдельный комплекс содержит упражнения, предназначенные для тренировки познавательных способностей: внимания, гибкости мышления, воображения, памяти, аналитических способно-

стей. Именно с развития этих познавательных способностей рекомендуется курсантам начинать выработку ежедневной привычки тренировок ПВК, которая также важна, как ежедневная утренняя гимнастика.

Отдельный комплекс упражнений рекомендуется выполнить за один день, самостоятельно спланировав время для каждого упражнения. Начать полезно с первого комплекса упражнений, который можно выполнить с разной степенью успешности. Успешным выполнением комплекса упражнений считается безошибочное выполнение заданий в отведенное время.

Примерное время каждого упражнения указывается в скобках. Время выполнения упражнения курсант устанавливает сам. Важно, чтобы все тренировки, запланированные на день, были выполнены. Полезно менять выполненные упражнения на аналогичные упражнения из дополнительных упражнений комплекса. Выполнение комплекса рекомендуется завершить и перейти к следующему комплексу после того, как будут успешно выполнены все упражнения комплекса.

Предлагается десять комплексов тренировок, в которых важна структура их проведения. Рекомендуется после выполнения всех комплексов упражнений тренировок собственных познавательных способностей, продолжить тренировки, составляя собственные планы их проведения.

Рекомендуется выполнение каждого комплекса упражнений, каждой тренировки начинать с разминки.

Итак, каждый комплекс содержит упражнения, предназначенные для тренировки познавательных способностей, в том числе внимания, гибкости мышления, воображения, памяти, аналитических способностей. Кратко опишем особенности тренировок, на примере первого комплекса упражнений.

Разминка «Здесь и сейчас» (2 мин.)

Один из способов разминки состоит в концентрации внимания на «здесь» и «сейчас». Для этого необходимо все внимание сконцентрировать на ситуации, в которой вы находитесь в конкретный момент времени. Для концентрации нужно произнести фразу «*здесь и сейчас Я вижу, слышу, чувствую»*. Концентрация внимания на том, что вы видите, слышите и чувствуете в конкретный промежуток времени, способствует включению всех каналов восприятия (визуальный, аудиальный, кинестетический и др.).

Упражнение «Концентрация внимания» (2 мин.)

Положите перед собой часы, имеющие секундную стрелку. На несколько мгновений расслабьтесь, сконцентрируйте свое внимание, и когда будете готовы, начинайте следить за движением секундной стрелки. В течение двух минут фокусируйте все ваши мысли на движении секундной стрелки, как будто в мире не существует ничего другого. Если вы рассеяли внимание, задумывшись о чем-то другом, или просто отключились – остановитесь, сконцентрируйте ваше внимание и начинайте снова. Постарайтесь сохранить подобную сосредоточенность в течение двух минут. Отложите это пособие, возьмите настольные или наручные часы, и вперед! Проделайте это! Итак, начинайте!

Поскольку наше внимание может удержать только весьма ограниченное количество информации и поскольку оно имеет склонность переключаться с одного объекта на другой, нам приходится мириться с неизбежным фактом: наше сознание сосредоточивается на том, от чего мы хотели бы отключиться, и оно отключается от того, на чем мы хотели бы сосредоточиться. Наше внимание блуждает.

Упражнение «Гибкость мышления» (2 мин.)

Перечислите последовательность пар чисел. Первое число пары возрастает на 2, а второе число пары возрастает на 3: 2–3; 4–6; 6–9; 8–12;... ; 66–99.

Упражнение «Воображение» (5 мин.)

Посмотрите на ладонь вашей левой руки. Тщательно изучите ее. Обратите внимание на линии, трещинки и родинки, на узоры на коже. Полюбуйтесь, как игра света и тени образует неуловимые перемены в цвете. Примерно через минуту, когда вы будете иметь ясное представление о том, как выглядит ваша ладонь, закройте глаза и постарайтесь воспроизвести ее вид в уме, создайте четкий мысленный образ ладони. Через некоторое время откройте глаза, посмотрите на ладонь и сравните ее с картиной, которую вы нарисовали в воображении. Отметьте, что присутствовало, а что отсутствовало в созданном вами образе. Затем закройте глаза и вновь представьте вашу ладонь. Вообразите, как она выглядела бы, если бы вы смотрели на нее открытыми глазами.

Еще через полминуты откройте глаза и посмотрите на ладонь. Повторите весь цикл не менее шести раз. С каждым разом старайтесь добавлять еще больше ясности созданному вами образу.

Как вы справились с упражнением по составлению мысленного образа ладони? Образ был ясным и устойчивым или расплывчатым и

нестабильным? Изображение было трехмерным, как в действительности, или же плоским, как на телевизионном экране?

Упражнение «Тренировка памяти» (3 мин.)

Вспомните:

1. О чем вы думали пять минут назад?
2. Что вы надевали в прошлое воскресенье?

Упражнение «Тренировка аналитических способностей» (3 мин.)

Зайдите в помещение и выберите какой-нибудь предмет, находящийся в ней. Посмотрите на выбранный предмет и опишите его:

– происхождение;
– материал;
– историю;
– текущее использование;
– будущее применение.

Схема тренировок составлена на основании опыта организации тренировок способностей курсантов военного училища летчиков, Наблюдения показали продуктивность этой схемы для курсантов, которые осуществляли самостоятельные тренировки сосбственных познавательных способностей. Следование этой схеме для курсантов носит рекомендательный характер. Запланирован формирующий эксперимент для поиска дальнейших подтверждений эффективности разработанного комплекса упражнений, влиянии их на восстановление функционального состояния курсанта, повышение его работоспособности, особенностей развития памяти, внимания, мышления и выработке собственного стиля тренировки профессионально важных качеств военного летчика.

Библиографический список

1. Вьюжек Т. Логические игры, тесты и упражнения. М., 2004.
2. Платонов К. К. Психология летного труда. М., 1960.
3. Пономаренко В. А. Психология человеческого фактора в опасной профессии. Красноярск, 2006.
4. Развитие интеллектуальных способностей курсантов авиационных училищ. М. Челябинск, 1997.
5. Родионов А. Интеллект-тренинг для всех возрастов: тренировка памяти, скорочтение, изучение иностранных языков, математические способности. СПб., 2004.

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СИНДРОМА «ПСИХИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ» В ПРОФЕССИЯХ СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНОГО ТИПА

Е.С. Гудкова

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что среди всего многообразия видов деятельности человека особое значение приобретает профессиональная деятельность, как показатель основной активности субъекта. На современном этапе развития общества в условиях социально-экономических изменений, социальных стрессов, растут требования, предъявляемые к профессиональным качествам личности. Однако осуществление эффективной профессиональной деятельности затрудняется при возрастании вероятности развития неблагоприятных психических состояний.

В связи с этим, одной из приоритетных целей психологии является исследование специфических социально-психологических явлений, к числу которых относится и синдром «психического выгорания» личности среди профессионалов разных областей труда.

В зарубежной литературе синдром выгорания обозначают термином burnout (англ.) – сгорание, выгорание, затухание горения. Появившись впервые не как исследовательский конструкт, а как социальная проблема, феномен психического выгорания привлек к себе повышенное внимание зарубежных исследователей.

Впервые термин «выгорание» был предложен H. Freudenberger в 1974 году для характеристики психологического состояния здоровых людей, находящихся в интенсивном и тесном общении с клиентами, пациентами в эмоционально нагруженной атмосфере, при оказании профессиональной помощи, а также им была разработана модель изучения дистресса и функциональных нарушений, связанных с работой. Он наблюдал это состояние у специалистов, так называемых помогающих профессий – людей, с полной самоотдачей и с большим воодушевлением работавших в общественных организациях. После нескольких месяцев такой добровольной деятельности у этих людей наблюдался целый комплекс характерных симптомов: истощение, раздражительность, цинизм и т. д., которые H. Freudenberger по контрасту с начальным “эмоциональным горением» назвал «эмоциональным выгоранием» [4]. Первоначально под «выгоранием» подразумевалось состояние изнеможения с ощущением собственной бесполезности.

Наряду с изучением выгорания H. Freudenberger в зарубежных исследованиях центральное место в развитии научной концепции выго-

рания принадлежит исследованиям C. Maslach и S. Jackson. Разработанные этими авторами модели выгорания послужили основой для проведения дальнейших исследований. C. Maslach были опубликованы работы, в которых она представила результаты того, как индивиды преодолевают психоэмоциональное возбуждение в профессиональной среде. В процессе изучения поведения людей в рабочей обстановке она установила, что эмоциональное возбуждение, а также ситуации потери интереса к работе и проявление негуманного отношения к клиентам оказывали влияние на профессиональное самоопределение и поведение индивида в целом. Этот процесс был назван ею «выгорание»: «Эмоциональное выгорание – это синдром эмоционального истощения, деперсонализации и снижения личностных достижений, который может возникать среди специалистов, занимающихся разными видами помогающих профессий» [5]. В соответствии с моделью C. Maslach выгорание рассматривается как ответная реакция на длительные профессиональные стрессы межличностных коммуникаций, включающая в себя три компонента: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию личных достижений. Психоэмоциональное истощение понимается как чувство эмоционального опустошения и усталости, возникающее вследствие избыточной рабочей нагрузки. Деперсонализация предполагает циничное отношение к труду и объектам своего труда. Редукция профессиональных достижений предполагает возникновение у работников тенденции негативного оценивания и самовосприятия в профессиональном плане и проявляется в чувстве некомпетентности и неуспешности в своей деятельности.

Впоследствии стали появляться публикации специалистов в различных профессиональных областях. В основном это были публикации представителей коммуникативных профессий, от которых требовалась большая степень эмоциональной вовлеченности в процессе осуществления своей деятельности.

Со времени появления данного понятия исследование этого феномена было затруднено из-за его содержательной неоднозначности и многокомпонентности. С одной стороны, сам термин не был тщательно определен, поэтому измерение выгорания не могло быть достоверным, с другой стороны, из-за отсутствия соответствующего измерительного инструментария данный феномен невозможно было описать эмпирически.

Экспериментальное исследование синдрома выгорания началось с 80-х годов прошлого столетия. Началу массового изучения выгорания способствовало появление в 1980 году шкалы «Staff Burnout Scale for

Health Professionals» (J. Jones) и издание в 1982 году опросника «Maslach Burnout Inventory» (C. Maslach, S. Jackson), которые позволили стандартизировать проводимые исследования.

Тем не менее, теоретическая база проводимых исследований была еще недостаточно проработана. Отсутствовала концептуальная модель выгорания, являющаяся необходимым условием для выдвижения и проверки гипотез исследования, выбор переменных часто был случайным. Эти факторы не могли не сказываться на описании и интерпретации получаемых результатов исследования.

В современных условиях теоретические и практические аспекты изучения проблемы психического выгорания привлекают все большее внимание психологов. Этому прогрессу способствовало возникновение единого соглашения по операциональному определению выгорания, появление валидных методик оценки выгорания, что позволяет планировать исследование в рамках теории выгорания и интерпретировать полученные данные в контексте определенной концепции выгорания. Тем не менее, не существует однозначной точки зрения на само определение выгорания, его основные симптомы и механизмы возникновения; присутствуют противоречивые взгляды относительно динамики возникновения выгорания; недостаточно проработаны вопросы влияния выгорания на различные подструктуры личности [2].

Для объяснения психического выгорания в зависимости от характера причин, детерминирующих его возникновение, в зарубежной литературе существует три основных теоретических подхода: индивидуальный, интерперсональный и организационный.

В контексте данного исследования остановимся подробнее на рассмотрении индивидуального подхода.

Индивидуальный подход сосредотачивает свое внимание на симптомах, которые испытывают индивиды, подвергшиеся выгоранию. Исследования H. Freudenberger содержат описания случаев психического здоровья и нездоровья, и не дают непосредственного объяснения феномена выгорания. «Выгорание – это состояние утомления или фрустрации, которое было вызвано беззаветной преданностью делу, стилем жизни или способом взаимоотношений, которые не привели к ожидаемому и предполагаемому вознаграждению». По мнению H. Freudenberger, в случае слепой веры индивида в идеализированный образ своего «Я», как суперкомпетентной личности и потери контакта с «Я-реальным», и как следствие, истощением всех энергетических ресурсов и возникает выгорание. В начале своих исследований он различал только две стадии:

– Ранняя стадия, когда чувства еще сохранены;

– последующая стадия, характеризующаяся полным отсутствием эмоций.

Впоследствии им было выделено двенадцать стадий. На начальной присутствует навязчивое стремление проявить себя, включаясь в активную деятельность. На следующих стадиях наблюдается пренебрежение к собственным потребностям, переосмысление ценностей, отрицание возникающих проблем. Наконец, на завершающей стадии присутствуют феномены отступления (апатия, человек внутренне сдается), деперсонализация, внутренняя пустота вплоть до полного эмоционального и физического истощения [4].

J. Edelwich и A. Brodsky предлагают рассматривать выгорание как процесс четырехэтапного прогрессирующего разочарования:

– энтузиазм – на этом этапе индивид полон энергии, обладает большими надеждами и нереалистичными ожиданиями.

– стагнация – происходит уменьшение завышенных ожиданий, происходит смещение акцента с идентификации с реципиентами на удовлетворение собственных потребностей. возникает актуализация материального вознаграждения и условий производственной среды.

– фрустрация, возникающая как следствие все возрастающей беспомощности. осознаются неудовлетворенные ожидания первой и второй стадии и, как правило, возникают различные физические, эмоциональные и когнитивные проявления.

– апатия. проявляется в отдалении умственно и физически работника от своей деятельности. наблюдаются нарушения трудовой дисциплины, снижается количество и качество межличностных контактов.

В рамках индивидуального подхода развивала свои идеи A. Pines. На базе экзистенциальной психологии она предложила рассматривать выгорание с точки зрения мотивационной теории. Выгорание представляет собой состояние физического и психического истощения, вызванного длительным нахождением в эмоционально перегруженных ситуациях. A. Pines считает, что выгоранию более всего подвержены представители социономических профессий с высоким уровнем мотивации. Основная причина выгорания, на ее взгляд заключается в том, что индивид стремится найти смысл жизни в профессиональной сфере и в этом поиске главным является потребность к смыслу и значению. Выгорание с большей вероятностью настигает тех профессионалов, которые имеют высокий уровень мотивации в своей деятельности, отождествляют себя с ней и считающие ее, особо значимой и общественно полезной. В результате неудачи в достижении своих целей у них

и развивается выгорание [1]. Особо подчеркивается мысль, что только индивиды с первоначально высоким уровнем мотивации могут подвергаться возникновению выгорания.

H. J. Fischer рассматривает выгорание как нарциссическое личностное расстройство. Когда профессионалы чрезмерно идеализируют свою работу и испытывают постоянное разочарование, выйти из этого положения они могут лишь либо уменьшив свои идеальные представления, либо покинув эту профессиональную среду. Если происходит обратный процесс, т.е. усиление действий для достижения нереалистичных целей, существует опасность возникновения выгорания. По мнению H. J. Fischer к выгоранию приводит как раз нарциссическая иллюзия своего превосходства и нереалистичные запросы [1].

Исследование особенностей личности и их взаимоотношений с выгоранием – важная область изучения данного феномена. Имеется ряд исследований, подтверждающих взаимосвязь выгорания с такими характеристиками личности, как личностная выносливостью. Многие авторы отмечают, что выносливость тесно связана со всеми тремя компонентами выгорания. Профессионалы с высокой степенью данной характеристики показывают низкие значения эмоционального истощения и деперсонализации и высокие значения по шкале редукции профессиональных достижений. В ряде исследований обнаружена отрицательная корреляционная зависимость между факторами выгорания и самооценкой.

Близким к изучению взаимосвязей между выгоранием и личностными особенностями, является выявление взаимозависимости выгорания и таких характеристик личности, как тревожность, эмоциональная сензитивность. Показано наличие положительной связи между выгоранием и агрессивностью, тревожностью и отрицательной – с чувством групповой сплоченности [2].

В рамках отечественных теорий А. А. Рукавишников, В. Е. Орёл выделяют основные параметры «выгорания»: 1) психоэмоциональное истощение (процесс исчерпания эмоциональных, физических, энергетических ресурсов профессионала, работающего с людьми), проявляется в хроническом эмоциональном и физическом утомлении, равнодушии и холодности по отношению к окружающим; 2) личностное отдаление (отчуждение), проявляется в уменьшении количества контактов с окружающими, повышенной раздражительности и негативизме по отношению к другим людям; 3) профессиональная мотивация рассматривается как самооценка профессиональной компетентности и степени успешности в работе с людьми [3].

Специфика работы специалистов профессий субъект-субъектого типа заключается в том, что она характеризуется высокой эмоциональной и коммуникативной насыщенностью, когнитивной сложностью осуществления межличностных связей в процессе профессионального общения.

Как уже показано ранее, одной из главных задач исследования синдрома «психического выгорания» является изучение его природы, а также тех внутренних факторов, которые влияют на возникновение и динамику его проявления. Одним из путей решения этой задачи и является исследование взаимосвязей психического выгорания с различными личностными особенностями человека.

Исходя из этого, было проведено исследование, касающееся изучения взаимосвязей синдрома психического выгорания и рядом базовых характеристик личности.

Методический аппарат исследования представлен двумя психодиагностическими методиками: многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла 16-PF и Опросник психического выгорания для работников социальной сферы. Цель исследования состояла в том, чтобы определить наиболее тесные взаимосвязи между особенностями личности, с одной стороны и основными характеристиками психического выгорания с другой стороны.

Выборка исследования: представители профессий субъект-субъектного типа, а именно: медицинские работники (n=56). Возрастной диапазон выборки от 20 до 60 лет.

Анализ полученных результатов показал, что у 32% испытуемых выгорание наблюдается в степени, достаточной для нарушения личного благополучия и профессиональной деятельности, и 56% находятся на грани этого.

Для решения поставленных задач мы проранжировали всех участников исследования по уровню выраженности психического выгорания, что позволило в дальнейшем сформировать две группы: «выгоревших» и «невыгоревших» испытуемых, между которыми затем проводилось сравнение.

Выявлена закономерность, показывающая, что у «выгоревших» испытуемых показатели по субшкалам более высокие по сравнению с «невыгоревшими». Значимость различий подтверждена с помощью критерия Стьюдента ($t=2,42$ при $p=0,05$).

После применения методики 16-PF на обеих группах испытуемых, результаты были подвергнуты статистической обработке. Наиболее существенные отличия групп наблюдаются по факторам A, B, C, E, L,

Q1,Q2. Более глубокому анализу был подвержен фактор А. В результате, были выявлены значимые различия по нему между группами. Это говорит о том, что «выгоревшие» медицинские работники отличаются сдержанностью в межличностных контактах, стремлением «уйти в себя», ригидностью, склонностью к обидам.

С помощью коэффициента корреляции Спирмена значимые корреляционные связи были получены между психическим выгоранием и такими личностными характеристиками, как низкий уровень коммуникабельности, холодность, негибкость в отношении к людям, эмоциональная неустойчивость, субъективность, подозрительность.

Таким образом, анализ результатов эмпирического исследования позволяет высказать предположение, что на возникновение синдрома «психического выгорания» оказывают влияние личностные особенности работников. На формирование выгорания влияют такие личностные черты, как сдержанность в межличностных контактах, агрессивность. Сам же процесс выгорания оказывает влияние на эмоциональную чувствительность, проницательность. Тем самым процесс влияния представляется двусторонним, не только личностные особенности могут детерминировать возникновение выгорания, но и сам синдром может провоцировать появление тех или иных личностных черт.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о высоком риске возникновения синдрома «психического выгорания» у медицинских работников, как представителей профессий субъект-субъектного типа и необходимости дальнейшего изучения всего спектра факторов, детерминирующих формирование данного феномена.

Библиографический список

1. Большакова Т.В. Личностные детерминанты и организационные факторы возникновения психического выгорания у медицинских работников: дис. … канд. психол. наук. Ярославль, 2004. 168 с.

2. Орёл В. Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: Эмпирические исследования и перспективы // Психологический журнал, 2001. Т. 22. №1. с. 90-101.

3. Орёл В. Е. Рукавишников А. А. Феномен «выгорания» как проявление воздействия профессиональной деятельности на личность // Психология субъекта профессиональной деятельности: сб. науч. тр. М.; Ярославль, 2001. С. 72-81.

4. Freudenberger H. J. Staff burnout // Journal of Social Issues, 1974. № 30. pp. 159-165.

5. Maslach C. Burnout: A multidimensional perspective // Professional burnout: Recent developments in the theory and research / Ed. W. B. Shaufeli, Cr. Maslach and T. Marek. Washington D. C.: Taylor & Trancis, 1993. P. 19-32.

В ПОИСКЕ ОСНОВ УСТОЙЧИВОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

М.Е. Дементьева

В наш век информационных технологий и динамичных социально-экономических преобразований все больше требований предъявляется к ресурсам человека. Для реализации себя и достижения успеха человеку необходимо одновременно и быстро реагировать на изменения ситуации и оставаться устойчивым (стабильным). Требование времени породило научный поиск факторов, позволяющих человеку при неблагоприятных внешних условиях внутренне не разрушаться и сохранять эффективность деятельности. Прикладная сфера психологии также испытывает необходимость в поиске методов повышения такой устойчивости.

Важно отметить, что по мере того, как технический прогресс и социальные преобразования набирали обороты, на рубеже столетий сменился ракурс рассмотрения человека в трудных обстоятельствах. В конце XXв. в центре внимания исследователей находились *механизмы запускающие* стресс, и реакции человека *совладающего* характера (G Selye, Appley & Trumbull, С. В. Касл, А. Б. Леонова Л. А. Китаев-Смык, Е. Г. Шевырева, С. В. Величковская). Проверка реальностью показала, что невозможно исключить стрессовое воздействие внешних условий, и нет «правильных» противодействий стрессу потому, что сегодня за «сложными обстоятельствами жизни» каждый раз стоит разный набор неблагоприятных факторов. В начале XXI века возникает волна новых исследований, в центре которых находятся качества человека, позволяющие ему выдерживать давление жизненных обстоятельств, оставаясь при этом *психически стабильным* и *способным действовать эффективно*. Такое свойство личности получило название hardiness в американской исследовательской традиции (S. Maddi, S. Kobasa, S. Koshaba, M. Hoover), и sense of cogerence – в западной (A. Antonovsky, C. Richardson, P. Ratner, B. Zumbo). Еще раз подчеркнем, что все эти исследования велись и ведутся в одной предметной области – взаимодействие человека с современным сложным и быстро меняющимся миром.

Рассмотрим структуру этого свойства личности. А. Антоновски называет три фактора sense of coherence: 1) *понятность*, т.е. уверен-

ность в том, что мир познаваем, а так же что и себя самого, и реальность можно понять; 2) *выполнимость*, т.е. вера в свою способность принимать решения и влиять на происходящее; 3) *осмысленность*, т.е. вера в то, что все подчинено некоторой высшей логике и имеет смысл. Важно, что эти когнитивные факторы действуют не на сознательном уровне, а на уровне установок (мало знать, нужно *верить*). Sense of coherence по Антоновски – это «мужество быть», определяющее человеческую живучесть.

У С. Мадди и С. Кобаса в их изначальной концептуальной модели *hardiness* есть функция трех факторов: *«включенность»* (commitment) – характеризует взаимодействие человека с окружающим миром, готовность участвовать в происходящем; «контроль» (control) – внутреннее чувство ответственности за свою жизнь, которое является мотивацией к изменениям; *«вызов» (challenge)* – когнитивная открытость реальности, принятие ситуации.

В отечественной психологии провел интеграцию идей С. Мадди и А. Антоновски и обозначил новый угол рассмотрения возможностей человека в сложных жизненных обстоятельствах Д. А. Леонтьев. В психологический тезаурус он ввел дефиницию ***жизнестойкости*** – понятие характеризующее способность личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность личности и не снижая успешность деятельности (Д. А. Леонтьев «Тест жизнестойкости», 2006г.), тем самым обозначив предметную область исследований. Адаптировав тест жизнестойкости С. Мадди, Д. А. Леонтьев создал условия для развития данной темы в отечественной психологии.

По мнению Т. В. Наливайко, в отечественной традиции разработка этой проблематики связана также с другими сходными явлениями: с исследованиями совладания со сложными ситуациями (Либин А. В., Либина Е. В.), смысла жизни и акме (Чудновский В. Э.), с проблемой жизнетворчества (Леонтьев Д. А.), реализации своей субъектности (А. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, В. А. Петровский, А. К. Осницкий), личностно-ситуационного взаимодействия (Коржова Е. Ю.), самореализации личности (Коростылева Л. А.), саморегуляции активности личности (Осницкий А. К., Моросанова В. Н.).

В более поздних зарубежных исследований С. Мадди и его последователи переходят от чисто установочных компонентов жизнестойкости к описанию в ней *психологических* и *деятельностных* составляющих. И вправду, реальность нельзя изменить без активности, и хороши те установки, которые «действуют». Ведь под сложными жизненными

обстоятельствами подразумевается ситуация, которая не только психологически давит на человека, но и объективно угрожает его комфорту и безопасности (а может и самой жизни). И это нельзя игнорировать. А изменить ситуацию может только ***делание***.

Есть суфийская притча про то, как один ученик спросил учителя: «Учитель, что бы ты сказал, если бы узнал о моем падении?» «Вставай!» «А на следующий раз?» «Снова вставай!» «И сколько это может продолжаться – все падать и подниматься?» «Пока живешь». И есть известное изречение уже нашего времени: «Успешный человек не тот, кто не падал, а тот, кто на один раз больше поднимался». Так что без реальных действий со стороны личности не возможно изменить качество жизни, а значит не изменить и самоощущение (по крайней мере невозможно человеку дать стабильное положительное ощущения себя, пока он бездействует и находится не в *управляющем*, а в *страдательном* отношении к судьбе). Но почему одни люди способны действовать в сложных ситуациях, а другие нет?

Психологическую составляющую жизнестойкости находим в анализе выделенных Антоновски и Мадди компонентах. Это ***вера***. Переход от побуждения к самому действию есть функция: страхи < (меньше) позитивных ожиданий, т.е. веры. Если страхи оказываются больше, человек застревает в невротическом бездействии. Тогда энергия может уйти, например, в психосоматические симптомы. К тому же воздействие неблагоприятных факторов продолжается и ситуация все равно как-то развивается, и в результате он всегда может найти подтверждение своим опасениям.

Все равно в какие силы мы верим и на какой исход (позитивный или негативный) мы надеемся – вера помогает нам структурировать ситуацию неопределенности. А значит она помогает нам переступить через страхи и начать действовать. Кроме того, уже после фазы делания, мы перерабатываем полученный опыт и ищем смысл случившегося согласно нашей системе верований. Вера помогает присвоить позитивные результаты и понизить значимость негативных результатов.

Образцы того, какая вера повышает жизнестойкость, показаны в уже существующих моделях С. Мадди, А. Антоновски. Однако мало знать что «мир управляемый», «решение мне под силу» и т. д. Надо в это верить. Но как? Каков механизм веры?

Психологией веры занимались Э. Фрома, К. Г. Юнг, А. Лоуэн, Б.С. Братусь, В. Р. Букин и Б. А. Ерунова, Ю. Ф. Борунков, Р. М. Грановская, А. К. Козырев, К. К. Платонов, Н. С. Пряжников, Т.П. Скрипкина, Д. М. Угринович, П. Н. Шихирев, но механизм веры так и не был

до конца расшифрован. Однако у каждого человека в индивидуальном опыте есть опыт веры. Если Вы читаете эту статью, можно предположить, что Вы человек, верящий в психологию (кроме всего прочего). Иначе, зачем Вы тратите время на эти бирюльки. На самом-то деле ни Вы, ни я, ни наши предшественники, не можем точно и обоснованно ответить на вопросы: познаваема ли суть человеческой психики, и как это правильно делается. При этом мы имеет позитивный опыт извлечения такого знания и его проверки практикой.

Теоретический анализ проблематики механизмов веры показывает, что вера связанна с предшествующим позитивным опытом и потребностью структурировать существующую ситуацию неопределенности, а так же вера является энергией для делания (тут возникает метафора топлива для двигателя). Если энергии для изменения ситуации не хватает, и самостоятельная инвентаризация своего опыта не помогла найти веру, то может помочь Другой. Как раз в таких ситуациях часто и осваивается сфера психологических услуг. Психологическое консультирование по сути и есть помощь личности в ориентации в своих же ресурсах с помощью Другого. Отличает ее от дружеской поддержки и религиозных практик – честность и разумность (в значении осмысленности), которые достигаются прозрачностью договоренностей в контакте клиент-психолог.

В одинаковых условиях (а мы все, по большому счету, в одинаковых условиях – живем в одно время, в одной социально-экономической ситуации, в одной стране, а может и в одном городе) всегда есть люди, которые оказываются более успешными. Классическая ошибка атрибуции заставляет нас думать, что им повезло. Да еще и социальные нормы предписывают успешным людям не говорить о неудачах. Но если приглядеться, у них не увидишь помощницу волшебницу-фею как у Золушки. Так что их отличает? А то, что это люди делающие и верящие. Сложившаяся социально экономическая ситуация диктует запрос на исследование факторов жизнестойкости и поиск путей их развития.

Итак, общее во всех моделях, описывающих жизнестойкость – это идея о том, что некоторые внутренние факторы позволяют личности достичь максимально возможного в заданной ситуации. В описании таких факторов указывается на действие *установок*, в которые человек *верит* и согласно которым *действует*. Но анализ существующих концепций не позволяет ответить на ряд вопросов о специфике структуры жизнестойкости в разных сферах жизнедеятельности субъекта: какие факторы и в каких связях между собой определяют жизнестойкость

относительно физических травм, семейных проблем, карьерных неудач, и т. д. Возможность повышения жизнестойкости личности на данном уровне теоретической разработанности уже очевидна и многие авторы на нее намекают в своих работах, но конкретные стратегии психологической помощи не выявлены. Существующие противоречия и вопросы показывают актуальность темы жизнестойкости и стимулируют к дальнейшей работе над данной проблематикой.

Библиографический список

1. Грановская Р. М. Психология веры. СПб.: Речь, 2004. с. 539.
2. Леонтьев Д. А. Тест жизнестойкости: методическое руководство / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. Смысл. 2006, 63с.
3. Наливайко Т.В. К вопросу осмысления концепции жизнестойкости С. Мадди // Вестник интегративной психологии. Вып. 4. 2006. С. 127-130.
4. Eriksson M., Lindstöm B. Validity of Antonovsky's sense of coherence scale: a systematic review. Journal of Epidemiology and Community Health. №59, 2005– P. 460-466.
5. Maddi S. R. Relevance of Hardiness Assessment and Training to the Military Context // MILITARY PSYCHOLOGY. 2007. № 19(1). P. 61–70.

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Ю.В. Демиденко

Правовое сознание личности не возникает с момента рождения, оно формируется по мере взросления в течение всей жизни человека и является результатом сложного, порой даже противоречивого взаимодействия индивида, с его уникальной психологической организацией, и общества, через свои институты влияющего на этого индивида. Современный старший школьник – это подросток, чье правовое сознание формировалось на изменяющихся социальных основе корыстно-индивидуалистических ценностей (может не так категорично?), культивируемых в постперестроичный период в сознании большинства россиян. Это не могло не привести к трансформации представлений молодого поколения о законности и беззаконии, правильности и ложности, добре и зле. Такая социальная актуальность проблемы изучения правового сознания старших школьников (подростков) и обусловила актуальность исследовательскую. В связи с этим целью нашей работы стало изучение структурно-содержательных особенностей правового

сознания школьников состоящих на учете в комиссии по делам несовершеннолетних (КДН) и их «законопослушных» сверстников.

Под правовым сознанием (правосознанием) мы понимаем сферу общественного, группового и индивидуального сознания, отражающую правовую действительность в форме юридических знаний, оценочных отношений к праву и практике его применения, правовых установок и ценностных ориентации, регулирующих человеческое поведение в юридически значимых ситуациях. В след за А. Р. Ратиновым [1], разработавшим наиболее полную, на наш взгляд, функциональную структуру правосознания мы выделили для анализа следующие компоненты: общую правовую осведомленность, поведенческие позиции личности в правовых ситуациях и оценочные суждения (отношение к праву и практике его применения).

Эмпирическую базу нашего исследования составили школьники, состоящие на учете в КДН Северского района в количестве 30 человек в возрасте от 13 до 17 лет (7 девушек и 23 юноши) – первая группа и обычные учащиеся общеобразовательных школ в возрасте от 13 до 17 лет – 30 человек (10 девушек и 20 юношей) – вторая группа. Для изучения выделенных компонентов правосознания мы использовали разработанные нами методики. Первая – «Опросник оценки правовых знаний старших школьников», составленный на основе демонстрационных материалов ЕГЭ за 2002 – 2010 гг. направлена на определение уровня правовой осведомленности и самооценки личности своих знаний в этой жизненной сфере. Вторая – проективная методика «Как поступить» представляет собой модифицированный вариант методики для диагностики эмоционально-оценочного компонента нравственного сознания [2] и направлена на изучение правовой самооценки, нравственно-правовых установок и отношенческого компонента правосознания через атрибутирование поведения школьников.

На первом этапе эмпирической работы нами было проведено исследование правовой осведомленности старших школьников. Оценка правовых знаний школьников показала, что 10% респондентов из первой группы и 10% респондентов из второй группы демонстрируют низкий (но близкий к среднему) уровень правовых знаний. 30% школьников, состоящих на учете в КДН и 27% их «законопослушных» сверстников проявляют средний, но близкий к высокому уровень правовых знаний. 60% респондентов из первой группы и 63% респондентов из второй группы – обладают высоким уровнем правовых знаний. К тому же все школьники, как из первой, так и из второй группы продемонстрировали адекватную оценку своих правовых знаний. Таким

образом, можно сделать вывод о том, что школьники, состоящие на учете в КДН, и их «законопослушные» сверстники демонстрируют одинаковую правовую осведомленность и обладают минимальной суммой необходимых знаний об объектах и объективных условиях правовой действительности, что может свидетельствовать о наличие основы социально-приспособительной деятельности школьников в правовой сфере.

На втором этапе эмпирической работы нами было проведено исследование правовой самооценки и поведенческих нравственно-правовых установок школьников. Полученные результаты позволяют нам утверждать, что у 23% респондентов из первой группы (состоящие на учете в КДН) противоправное поведение сформировано на уровне установки. Таким образом, эти люди предрасположены к демонстрации противоправного поведения в большинстве правовых социальных ситуаций, каким либо образом затрагивающих их интересы. Выбор поведенческих решений этой группы респондентов продиктован в первую очередь личной выгодой, затем принадлежностью к группе и пренебрежительным отношением к нормам права.

У 77% респондентов из первой группы и 73% респондентов из второй группы наблюдается стойкая тенденция к проявлению противоправного поведения, пока еще не сформированная на уровне установки. Выбор поведенческих позиций этой группы продиктован в первую очередь принадлежностью к группе, затем групповыми нормами и нравственными установками (зачастую идущими в разрез с нормами, предусмотренными законом). Отметим также тот факт, что эти ребята проявляют готовность к противоправному поведению в ситуациях, связанных с присутствием референтно значимых других (друзей и одноклассников), что, по нашему мнению, говорит о высокой степени конформизма и подверженности негативному влиянию со стороны социального окружения. На наш взгляд именно эти школьники составляют так называемую «группу риска» – это как раз те ребята, которые еще могут трансформировать свои ценностные ориентации под воздействием групповых норм, референтно значимого окружения, коррекционного либо воспитательного воздействия. Интересно то, что количественный показатель ребят, имеющих стойкую тенденцию на проявление противоправного поведения, велик как в первой, так и во второй группе. Подобное положение дел, по нашему мнению, может быть объяснено отсутствием нравственных идеалов и трансформацией нравственно-правовых ориентиров у современной молодежи, воспитанной в постперестроичный период.

У 27% респондентов из второй группы не наблюдается тенденции к проявлению негативного поведения. Для них оно зачастую является следствием принадлежности к определенной группе и необходимостью следовать групповым нормам. К тому же в этой группе респондентов противоправное поведение – результат борьбы морально-нравственных установок и диктуемых законом правовых норм. В ситуациях же не предполагающих подобную «борьбу» школьники демонстрируют положительное правовое поведение.

Методика «Как поступить», направленная на изучение правовой самооценки, нравственно-правовых установок и отношенческого компонента правосознания через атрибутирование поведения школьников предоставила нам огромный пласт информации, анализ которой еще не закончен. На следующем этапе нашей работы над проблемой правового сознания школьников планируется дальнейший анализ атрибутирования подростками демонстрируемого ими поведения, выделение и анализ их смысложизненных и ценностных ориентаций, а также исследование взаимосвязи между ценностными ориентациями и характером поведенческих установок.

Библиографический список

1. Ратинов А.Р. «Структура правосознания и некоторые методы его исследования» // Методология и методы социальной психологии. М., 1981.

2. Головей Л.А., Рыбалко Е.Ф. Практикум по возрастной психологии. СПб., 2002.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ СИТУАЦИИ УСПЕХА И НЕУДАЧИ РАБОТАЮЩИМИ И БЕЗРАБОТНЫМИ ЛЮДЬМИ

Ю.В. Дружкина

В отечественной психологии к проблеме переживания обращались следующие авторы: Л. С Выготский, С. Л. Рубинштейн, Б. М. Теплов, Ф.Е. Василюк, К. А. Альбуханова-Славская, Т. Д. Марцинковская, К.К. Платонов, П. В. Симонов. В зарубежной литературе: А. Маслоу, Эдмунд Гуссерль, А Шюц, Р. Лэнг, Феликг Крюгер, А. Веллек, Л.М. Веккер.

Согласно данным подходам переживание понимается как: эмоции (Ф. Крюгер, П. Симонов), как понимание (А. Шюц), как познание (С.Л. Рубинштейн), как единение аффекта и интеллекта (Л.С. Выготский), как деятельность (Ф. Е. Василюк, К. А. Альбуханова-Славская), [2] как единение анализа и деятельности (Т. Д. Марцинковская) и наконец, как действительность, в которой мы живет (Р. Ленг).

На основе этих заключений сформулируем наше понимание данного конструкта: переживание – это процесс, объединяющий в себе этапы эмоционального переживания, когнитивной оценки и деятельности по преобразованию внутреннего мира [1]. Далее нам предстоит более подробно описать эти этапы и обосновать их присутствие в предложенной схеме, однако до этого обратимся к проблеме успеха и неудачи, чтобы на основе данной информации иметь возможность выделить особенности структуры переживании в контексте заявленной темы исследования.

В своих работах проблему успеха и неудачи затрагивают следующие авторы: У. Джеймса, А. В. Либин, Ф. Хоппе, Т. Котарбинский, Н.С. Пряжников, К. Хорни, Х. Томэ и У. Лер, А. Бандура, Г. Селье, К. Обуховский, В. С. Ротенберг, Н. А. Батурин.

Ситуация успеха. В дальнейшем будем различать понятия «успех» и «ситуация успеха». Ситуация – это сочетание условий, которые обеспечивают успех, а сам успех – результат подобной ситуации. Ситуация – это нечто объективное, то, что способен организовать субъект [5]; переживание же радости, успеха – нечто более субъективное, скрытое в значительной мере от взгляда со стороны. Под ситуацией неудачи будем понимать нечто обратное успеху.

Анализ литературы по данному вопросу позволяет сделать нам следующий вывод: ситуация успеха и неудачи- тесно связанные явления, представляющие собой особые сложные комплексы, и имеющие особенные последствия и структуру, схожую со стрессом.

Однако, вспоминая представления о переживании Ф. Е. Василюка [3], представляющий его как деятельность по преобразованию окружающего мира, попробуем провести параллель переживания успеха и неудачи с преодолением стресса. Для этого обратимся к трансакционистскому направлению в исследовании стрессов.

В данном направлении «взаимодействие» является центральным понятием. «Личность» и «ситуация» считаются независимыми переменами, а их взаимодействие обуславливает поведение личности.

В трансакционистских моделях учитываются взаимные причинные связи. Это означает, что не только ситуация воздействует на поведение личности, но также и ее поведенческие проявления, являясь активным фактором, влияют на ситуацию и среду. К этому направлению относится *Трансакционная модель* М-Грата [4], по аналогии с которой мы и предлагаем предельно упрощенную модель процесса переживания успеха и неудачи, в которой объеденены все вышеуказанные компоненты (этапы):

1. Цикл переживания ситуации упеха\неудачи начинается с оценки ситуации. То есть, при стечении определенных обстоятельств человек дает определенную когнитивную оценку ситуации (на основе предыдущего опыта), в которой он оказался, таким образом определяя, ситуация ли это успеха или неудачи. Однако следует помнить, что оценка ситуации и определение ее к разряду удачных или неудачных на данном этапе лишь первично, ведь это лишь обстоятельства.

2. После первичной оценки ситуации возникают определенные эмоции. Они возникают в результате оценки. Здесь речь идет о сложных когнитивно-аффективных комплексах

3. На третьем этапе, после того, как человек определился что это за ситуация и какие эмоции она вызывает, начинается процесс по преобразованию внутреннего мира: человек стремится объяснить причины, по которым он оказался в ситуации.

4. На основе данной когнитивной работы человек начинает действовать, прибегая к атрибуции. Действия его (внутренняя работа) направлены на достижение жизненного равновесия (выбор той или иной стратегии копинг-поведения).

5. Далее следует очередная оценка результата проделанной деятельности, в результате которой и определяется окончательно успех это или неудача.

Все это определило цель исследования – изучить особенности переживания через его структуру, и выявить различия в переживании ситуации жизненного успеха и неудачи у людей с различным статусом занятости.

Объект исследования: особенности переживания ситуации успеха и неудачи.

Предмет исследования: различия особенностей переживания ситуаций жизненного успеха и неудачи у людей с разным статусом занятости.

Гипотеза исследования: особенности переживания ситуации жизненного успеха и ситуации жизненной неудачи отличны у людей с разным статусом занятости.

Обратимся к результатам эмпирического исследования.

Выборка составила 28 человек, из них 19 женщин в возрасте от 22 до 46 лет и 9 мужчин в возрасте от 25 до 48 лет. Выборка поделилась на следующие группы: люди, имеющие постоянную работу – 16 человек, 12 безработных.

Испытуемым предлагалось ответить на вопросы 3-х методик: копинг тест Лазаруса в модификации (в инструкции предлагалась ситуа-

ция успеха а затем ситуация неудачи, варианты ответов были одинаковы); тест атрибутивных стилей Л. М. Рудина; авторская методика ранжирования эмоций на основе классификации Изарда; предлагалось оценить свой статус занятости, а так же предложить в свободной форме ответы на вопросы: Что такое успех? Что такое неудача? Описать самые яркие ситуации успеха и неудачи из собственного опыта.

В итоге выявлено, что в ситуации успеха работающие и безработные чаще всего прибегают к стратегии «Положительная переоценка», что означает приложение усилий по созданию положительного значения с фокусированием на росте собственной личности. Следующая стратегия, к которой прибегают работающие, как и безработные – это «Бегство-избегание». Третья стратегия по частоте использования у работающих и безработных в ситуации успеха– это самоконтроль, усилия по регулированию своих чувств и действий. Таким образом, мы видим, что в ситуации успеха работающие и безработные прибегают к одним и тем же копинг стратегиям – положительная переоценка, бегство и самоконтроль.

В ситуации неудачи работающие прибегают к планированию решения, конфронтации и положительной переоценке, как и безработные.

Анализ результатов теста атрибутивных стилей показал, что работающие воспринимают продолжительность удачи весьма пессимистично, т.е. определяют непостоянство в объяснении хороших событий. Безработные наиболее оптимистично настроены – но все же успех воспринимается как непостоянный. Продолжительность неудач воспринимается безработными как постоянная, когда как у работающих неудачи более краткосрочны. Широта удачи (распространение на многие сферы жизни) людьми, имеющими постоянную работу, воспринимается более оптимистично, нежели безработными. Когда как неудача, по мнению безработных, распространяется на все сферы жизни, а работающие убеждены, что неудача более локальна.

Приписывать себе причины удачи более склонны безработные, нежели работающие, так же как и в отношении неудачи, безработные склонны приписать себе причины неудачи.

Анализируя полученные данные методики «Эмоции» мы получаем следующее

В ситуации успеха работающие испытывают: радость интерес, стыд, безработные испытывают радость, презрение, удивление.

В ситуации неудачи работающие испытывают горе, отвращение, вину и стыд, безработные в свою очередь горе, отвращение, презрение, гнев.

Таким образом, мы получаем 4 различных «портрета» переживания успеха и неудачи.

Работающие переживают успех испытывая при этом радость интерес и стыд, воспринимают успех как непостоянный, распространяющимся на все сферы жизни и мало от него зависящим. Для преодоления ситуации (уравновешивания внутреннего мира) в ситуации успеха работающие чаще всего прибегают к положительной оценке, бегству и самоконтролю.

Работающие переживают неудачу испытывая при этом горе, отвращение, вину и стыд, воспринимают неудачу как временную, не распространяющуюся на многие сферы жизни, не склонны приписывать себе причины неудач.

Безработные переживают успех, испытывая при этом радость, презрение(вероятно к окружающим), удивление. Успех носит непостоянный характер, не распространяется на все сферы жизни и причины успеха приписываются себе. Сратегии: положительная переоценка, бегство и самоконтроль.

Безработные в ситуации неудачи испытывают горе, отвращение, презрение, гнев, воспринимают неудачу как постоянную, распространяющуюся на все сферы жизни, так же безработные склонны приписывать себе причины неудач. Копинг-стратегии: планирование решения, конфронтация и положительная переоценка.

Теперь обратимся к результатам качественного исследования (ответы в свободной форме на вопрос что такое успех и что такое неудача). Критерием для анализа послужил критерий распознавания успеха и неудачи (почему это успех, а это неудача)

Работающие описывают успех как соотнесение с желаемым, целью, стечение обстоятельств и оценка окружающих (минимальное количество ответов).

Работающие описывают неудачу как неудача в достижение, плохая оценка со стороны, стечение обстоятельств.

Безработные описывают успех как положительные испытываемые эмоции и оценка окружающих, неудачу как стечение обстоятельств и не достижение поставленных целей.

Для подтверждения взаимосвязи компонентов, в предложенной схеме переживания проведен корреляционный анализ Пирсона, который показал, что значимые связи на уровне менее 0,05 существуют

практически всех пунктов, выделяемых нами в предложенных компонентов. Таким образом, мы можем подтвердить наличие связи между компонентами в предложенной нами модели.

Для определения значимости различий между особенностями переживания успеха и неудачи применялся Т-критерий Стьюдента (парный двухвыборочный Т-тест).

Значимые различия на уровне менее 0,001 существуют по параметрам конфронтационный копинг у работающих и безработных, так же у этих двух групп существуют различия по параметру бегство-избегание и положительной переоценке и поиска социальной поддержки. У безработных различаются переживание успеха и неудачи по параметру планирование решения проблемы. Выводом служит то, что работающие по-разному воспринимают широту неудачи, а безработные – приписывают причины в разных случаях по-разному. В процессе переживания значимые различия у безработных существуют по пунктам отвращение, горе-страдание, вина. У безработных: печаль, гнев, горе- страдание.

Для выявления уровня различий особенностей переживания успеха и неудачи работающими и безработными респондентами был применен t-критерий Стьюдента (двухвыборочный t-тест с различными дисперсиями).

В результате применения данного критерия выявились следующие различия (на уровне тенденции). В ситуации успеха существует значимое различие на уровне тенденции по критерию принятие ответственности. В ситуации успеха одна из групп в меньшей степени прибегает к этому копингу, чем другая. Так же в ситуации неудачи были выявлены значимые различия на уровне тенденции по пункту дистанцирование. Анализ показал, что существуют значимые различия в восприятии неудачи, по распространению на все сферы жизни у работающих и безработных.

Обобщая полученные данные, мы можем сделать вывод о том, что существуют значимые различия в процессе переживания неудачи между работающими и безработными людьми по параметрам стыд и интерес. Особенности переживания ситуации успеха и неудачи различны. Так же отличаются особенности переживания успеха работающими и безработными людьми по блоку копинг-стратегии или деятельности по преодолению (на уровне тенденции). Существуют различия в переживании ситуации неудачи работающими и безработными людьми по трем блокам: блок когнитивной оценки, блок эмоций и блок деятельности-преодоления.

В ходе анализа и интерпретации результатов были получены следующие выводы:

1. Существует достоверная связь по всем трем пунктам, предложенным в схеме процесса переживания. Это свидетельствует о том, что конструкт, предложенный нами валиден.

2. Различия достоверны по параметрам переживания ситуации успеха и неудачи по всем трем пунктам, таким образом, переживания ситуации успеха и неудачи отличны.

3. Различия существуют на уровне тенденции у двух выборок (работающих и безработных) в ситуации успеха по копинг стратегии, в ситуации неудачи по всем трем параметрам: копинг, когнитивная оценка, эмоции.

Гипотеза о том, что особенности переживания ситуации жизненного успеха и ситуации жизненной неудачи отличны у работающих и безработных людей подтвердилась.

Библиографический список

1. Батурин Н. А. Влияние успеха и неудачи на функциональное состояние человека // Вопросы психологии. 1984. № 2.

2. Василюк Ф. Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. МГУ. 1984.

3. Выготский Л. С. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 6. М., 1984.

4. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. М.: Наука. 1983.

5. Марцинковская Т. Д. Переживание как механизм социализации и формирования идентичности в современном меняющемся мире // Вопросы психологии. 2003. № 1.

ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК КЛЮЧЕВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

А.А. Дыжова

В статье используются результаты опросов проведенных в 2010 г. в рамках научно-исследовательской темы: «Правовая культура молодежи: состояние, проблемы, тенденции развития». В статье анализируются данные по молодежной выборке составляющей 842 респондента в возрасте от 18 до 31 года.

Целью исследований являлось комплексное изучение такого многопланового явления, как правовая культура, в частности определение уровня правовой культуры учащейся молодежи на современном этапе развития общества, анализ степени информированности молодежи о своих правах и гарантиях их защиты, определение уровня правового

мышления и восприятия правовой действительности молодыми людьми.

Для современной жизни характерно переплетение разнообразных интересов, потребностей отдельных людей и социальных групп, соответственно и различное отношение людей к общественным явлениям, в том числе и к юридической действительности. Одни сознательно выполняют предписания правовых норм и законов, другие – так или иначе (умышленно или неумышленно) – допускают отступление от них. Иными словами, у людей, социальных групп, неодинаковое понимание и отношение к юридической действительности (правовым нормам, юридически значимым действиям и так далее), т.е. у них разное правосознание [1].

Укрепление дисциплины и организованности, развитие демократизма в стране во многом зависят от уровня правовой культуры населения, от правильного понимания каждым гражданином своих прав и свобод и умения их использовать, от готовности исполнять свои обязанности, поступать всегда в соответствии с законом. Поэтому дальнейшее упрочнение правовой основы государственной и общественной жизни обуславливает необходимость формирования правового сознания и улучшения правового воспитания населения и в особенности молодежи.

Специфика правового сознания состоит в том, что оно воспринимает, а затем и воспроизводит жизненные реалии через призму справедливого, праведного, свободного. Оно требует установления общеобязательных норм поведения. Правосознание очерчивает границы правового и неправового, правомерного и противоправного. Оно требует юридических мер для обеспечения права. В отличие от других форм сознания правовому в большей степени присущи формализованность, определенность и категоричность. Ему свойственно требовать жесткого контроля за исполнением правовых обязанностей. Но в первую очередь правовое сознание сориентировано на создание всех условий для осуществления прав человека и гражданина.

Правосознание людей, объединенных в социальные общности, – явление во многом объективное, складывающееся под воздействием сочетания многочисленных факторов: социально-экономических, политических, этнопсихологических, культурно-исторических. Но это вовсе не означает, что на процесс формирования сознания молодежи в юридической области нельзя воздействовать целенаправленно.

Наоборот, правосознание, как и сознание нравственное, религиозное, научное, нуждается в систематическом рациональном формиро-

вании, стимулировании, позитивном социальном развитии. Система мер, направленных на интеграцию в сознание молодых людей политико-правовых идей, норм, принципов, представляющих ценности мировой и национальной правовой культуры, выступает как правовое воспитание.

Правовое воспитание – это целенаправленная деятельность государства, общественных организаций, отдельных граждан по передаче юридического опыта; систематическое воздействие на сознание и поведение человека в целях формирования определенных позитивных представлений, взглядов, ценностных ориентаций, установок, обеспечивающих соблюдение, исполнение и использование юридических норм.

Содержанием правового воспитания является приобщение молодежи к знаниям о государстве и праве, законности, правах и свободах личности, выработка у молодых людей устойчивой ориентации на законопослушное поведение.

Правовое воспитание – сложная и многоаспектная система деятельности. Конечно, многие правовые ценности, имея основу и происхождение в моральных нормах, усваиваются личностью в процессе разнообразной социальной практики, через иные, не правовые формы и каналы формирования общественного сознания. Однако правовое воспитание предполагает создание специального инструментария по донесению до разума и чувств каждого человека правовых ценностей, превращение их в личные убеждения и внутренний ориентир поведения.

Таким образом, формы, средства и методы правового воспитания выступают организационным и методологическим механизмом, с помощью которого субъекты правового воспитания воздействуют на общественное и индивидуальное сознание, помогая последнему воспринять правовые принципы и нормы.

Правовое воспитание есть целенаправленная деятельность по передаче правовой культуры, правового опыта, правовых идеалов и механизмов разрешения конфликтов в обществе от одного поколения к другому. Правовое воспитание тесно связано с правовым обучением: воспитание не может происходить без обучения, а обучение, так или иначе, оказывает воспитательный эффект. Само участие в правовой жизни общества оказывает воздействие на правосознание индивида, способствует усвоению им правовых знаний и навыков. Целью правового воспитания является выработка устойчивых, твердых социальных качеств личности и социальных обязанностей, которые можно в целом

охарактеризовать как высокую правовую культуру, включающую в себя все элементы правосознания и правового поведения; обладание необходимыми правовыми знаниями, выработку навыков и умений правомерного поведения и самостоятельной правовой оценки действительности; утверждение в сознании гражданина взглядов и убеждений, обеспечивающих высокое уважение к законам государства; нетерпимость к правонарушителям, а также высокую правовую активность, творческое участие в применении норм права и их совершенствовании, охране правопорядка [2].

Правовое воспитание может проводиться в различных формах. Это прежде всего юридическое образование, просвещение, правовая пропаганда, широкая гласность в правотворческой и правоприменительной практике. Оно осуществляется путем преподавания основ права в общеобразовательных, средних специальных и высших учебных заведениях, проведение занятий в системе повышения квалификации, правовой пропаганды и просвещение через печать и телевидение, посредством организаций лекций и бесед на правовые темы для населения и др.

Важное значение для правового воспитания имеет деятельность судебных, других правоохранительных органов, всех юридических учреждений. Практика их работы на примере квалифицированного разрешения конкретных юридических дел демонстрирует суть законов, особенности правового регулирования разносторонних общественных отношений и т. д. При этом правоохранительную практику отличает глубина эмоционального воздействия особенно на молодое поколение, так как применение закона почти всегда сопровождается серьезными переживаниями человека, к которому закон, по их мнению, применен неправильно. Сила воздействия правоприменительной практики на правосознание молодежи определяется множеством факторов: престижем правоохранительных органов, состоянием законности в стране и в регионе, убедительностью, обоснованностью и справедливостью применяемых решений и т. п. И вот здесь правовое воспитание, осуществляемое через правовую пропаганду, правовое образование, правовую ориентацию и индивидуальную воспитательную работу, способно приводить молодежь к правильному поведению, к выбору социально полезной правовой позиции, к формированию определенных качеств правосознания. [4].

Проведенные научные исследования правосознания молодежи обнаруживают заметные различия в содержании и уровне правовых знаний и степени практического владения ими. Так при проведении со-

циологического опроса на вопрос анкеты: «значимый вклад в ваше правовое «Хорошо ли Вы знаете законы?», 67,7% опрошенных ответили, что не очень хорошо знают законы, 15,3% – плохо знают законы и лишь 13,8% – хорошо знают законы. Но лишь правовая осведомленность, наличие у молодого человека определенного объема юридической информации составляют основу его правосознания. Поэтому в процессе правового воспитания молодежи должен быть предусмотрен такой качественный, содержательный уровень, который способен обеспечить у граждан сознательное, основанное на стойком внутреннем убеждении, отношение к закону, исходя не только из сугубо личных, но и общественных интересов. Нами также был задан вопрос: «Кто внес значимый вклад в Ваше правовое образование и воспитание?», при этом большая часть молодых людей указали преподавателей и учителей (70,3%), также родителей (68%) и средства массовой информации (54,3%), была дана возможность выбора нескольких вариантов ответа.

С целью повышения уровня правовой культуры молодежи, обращает на себя внимание, прежде всего необходимость развития всех сторон правового сознания. Нельзя упускать из вида и формы правового сознания: государственно-правовую, уголовно-правовую, гражданско-правовую и другие. Ведь молодые люди вступают в самые разные правоотношения, и им нужны основы знаний всех или большинства отраслей права. Поэтому правовоспитательные мероприятия должны исключать однобокость предусматривать гармоничное, всестороннее развитие правосознания личности, общественного и группового правосознания. В значительной мере правовое сознание и воспитание ориентируется на борьбу с правонарушениями, предупреждение преступлений и проступков. Такое социальное назначение правового воспитания нельзя недооценивать, его ориентация на устранение дефектов правосознания у склонных к правонарушениям лиц вполне обоснована. Так, из общего числа опрошенных 55,8% допускают возможность нарушить закон, если его вынудят обстоятельства и лишь 34,7% считают это невозможным ни при каких обстоятельствах. Приходится также констатировать, что из общего числа респондентов 17,8% совершали противоправные действия по собственной инициативе, при этом 16,1% из них вообще не знали о противоправности их действий и возможности понести за это наказание.

Сложность борьбы с негативными отклонениями от общественного правосознания в современных условиях развития общества объясняется тем, что правовоспитательная деятельность затрагивает пред-

ставителей различных классов и социальных групп. Ориентация правовоспитательной работы на наиболее многочисленные слои населения и составляет основные направления этого вида идеологического воздействия. К ним в настоящее время относятся: правовое воспитание подростков и молодежи, рабочих, предпринимателей, интеллигенции, должностных лиц, членов общественных организаций, депутатов и др.

Считается, что каждый разумный человек может регулировать свое поведение в соответствии с действующими нормами права. Однако для этого необходимо, чтобы он обладал необходимым минимумом юридических знаний, чтобы у него было воспитано внутреннее осознанное убеждение в необходимости следовать по пути, указанному законодателем, чтобы у него была сформирована устойчивая привычка правомерного поведения. Только тогда можно говорить о высоком уровне правосознания, о должной содержательности воспитательной работы, обеспечивающей такое развитие сознательности личности. Ибо правопорядок тем прочнее, чем выше уровень правосознания гражданина, его политическая и правовая культура, которые никакому закону не подчинишь.

Конечно же правовая культура – часть общей культуры общества. Она тесно связана с правосознанием и правовым воспитанием, опирается на них, но представляет собой относительно самостоятельную категорию, так как включает в себя не только социально-психологические процессы, протекающие в обществе, но и юридически значимое поведение членов общества; правовую деятельность в виде правотворчества и его результатов; традиции правотворчества; практику функционирования правовых институтов в целом [3].

Правовая культура диктует каждой личности принципы правового поведения, а обществу – систему правовых ценностей, правовые идеалы, обеспечивающие единство и взаимодействие правовых институтов и учреждений. Правовая культура – показатель уровня и особенностей правового развития общества, зеркало его правосознания.

В заключении можно отметить, что поддержание и повышение правовой культуры требует постоянных усилий на пропагандистском, просвещенческом и образовательном уровнях. Формы такой работы известны: лекции среди граждан, пропаганда и просвещение средствами массовой информации; лектории правовых знаний; специальные циклы лекций на предприятиях, в организациях и учреждениях в системе политико-правовой учебы; преподавание в общеобразовательных учебных заведениях, в техникумах и вузах; юридическое образование; занятия в системе повышения квалификации.

Формирование подлинно государственного правосознания должностных лиц связано с преодолением узковедомственных, национальных и региональных интересов. В центр политики ставится гражданин как духовно свободная, творческая личность, которая нуждается в помощи и защите со стороны государства. Политика нашего государства в сфере правового регулирования, юридическая практика должна строиться так, чтобы в сознании людей утверждалось отношение к праву как к ценности, без которой невозможно добиться социального порядка, основанного на справедливости, утверждения прав и свобод личности.

Библиографический список

1. Каминская, В. И., Ратинов, А. Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания: сб. М., 1974. С. 42-43

2. Кондратьев, Н. Н.. Правовое сознание.. 2005. URL: http://5ballov. qip. ru/referats/preview/36579/.

3 Кнырко, С. Г. Правосознание и правовая культура. 2004. URL: http://www. neuch. ru/referat/29762. html

4. Общая теория государства и права: учеб. пособие / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбаток, В. А. Кучинский; под общ. ред. проф. В. А. Кучинского. 2-е изд., допол. Минск: Амалфея, 2004. С. 408-409

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КАК ФОРМЫ АНТИЦИПАЦИИ

Е.В. Жукова

Способность человека прогнозировать будущие события и действовать с упреждением во времени привлекает внимание психологов со времен возникновения психологии как самостоятельной научной дисциплины. Сложность данных феноменов, многообразие их проявлений обусловили возникновение целого ряда подходов к их исследованию, каждый из которых предлагает свою терминологию.

В управлении совместной деятельностью одной из форм антиципации является управленческое видение – отношение руководителя к будущему организации, которое включает антиципирующий образ ее будущего состояния и готовность доведения его до сотрудников. Содержание образа будущего, предположительно, может включать в себя представления руководителя о сотрудниках организации, сценариях ее развития, об идеальном состоянии, о способах стимуляции и мотивации и т. д.

В современной зарубежной научной литературе можно выделить два подхода к исследованию видения.

Наиболее актуальным направлением в рамках зарубежной теории управления является исследование видения как одного из факторов, определяющих успешное функционирование и развитие организации [4, с. 351].

Другим подходом к изучению видения является собственно психологический подход, ориентированный на изучение влияния личностных особенностей руководителя на его управленческое видение [3, с. 88; 5, с. 12-16].

На наш взгляд, управленческое видение – понятие близкое к понятиям антиципации и прогнозирования, однако к ним не сводится.

К настоящему времени в психологической литературе достаточно обширно представлены научные работы по проблемам предвосхищения будущего и вероятностного прогнозирования в работах П. К. Анохина, И. М. Фейгенберга, Е. А. Сергиенко, М. А. Цискаридзе; появились публикации, обобщающие имеющиеся разрозненные исследования В. Д. Менделевича, Н. П. Ничипоренко, Л. А. Регуш; отдельными исследовательскими школами изучаются те или иные аспекты прогнозирования.

Сложность феноменов антиципации, многообразие их проявлений обусловили возникновение целого ряда подходов к их исследованию. Для описания психических процессов и явлений, связанных с прогнозированием будущего, чаще всего используются такие термины как антиципация, вероятностное прогнозирование, опережающее отражение действительности, прогностическая способность, ожидание.

Понятие антиципация стало использоваться раньше других**,** оно было введено в психологию еще В. Вундтом. В отечественной психологии под антиципацией пониматеся способность (в самом широком смысле) действовать и принимать те или иные решения с определенным временно-пространственным упреждением в отношении ожидаемых, будущих событий [2, с. 278]. Чтобы сделать возможным систематическое изучение проявлений процессов антиципации, Б. Ф. Ломовым и Е. Н. Сурковым были определены ее функции, а также описано уровневое строение процессов антиципации.

Б.Ф. Ломовым и Е.Н. Сурковым были выделены следующие уровни антиципации:

1. Сенсомоторный уровень – антиципирующий эффект является здесь выражением относительно элементарного временно-пространственного обнаружения, различения и опережения стимула.

2. Перцептивный уровень – характеризуется определенным усложнением интеграции психических процессов, следствием которой является установка индивида на конечный эффект и синтез прошлого опыта; здесь используются локальные антиципирующие схемы в форме вторичных образов – представлений, которые позволяют выделить задачу, заранее представить возможные реакции и их результат в соответствии заданному критерию.

3. Уровень представлений – предполагает активное использование «структурных» схем, хранящихся в оперативной и долговременной памяти. На этой основе возникает особый специфический эффект панорамного предвосхищения. Эффект панорамного предвосхищения переживается человеком как временно-пространственная непрерывность той среды, в которой он действует и будет действовать в ближайший отрезок времени.

4. Речемыслительный (вербально – логический) уровень, т. е. уровень преимущественно интеллектуальных операций, связан с еще большим усложнением интеграции психических процессов и появлением других, качественно новых форм предвосхищения, осуществляющих внеситуационное, заблаговременно упреждающее планирование действий до наступления ожидаемых событий, составляется метаплан наряду с планами, определяющими ситуационные действия человека от момента к моменту. Это позволяет субъекту формировать гипотезы об ожидаемых событиях (еще более усложняется процесс антиципации в структуре мышления человека при включении при решении групповых, коллективных задач, особенно в условиях противодействия).

5. Субсенсорный уровень – это уровень неосознаваемых нервномышечных преднастроек и движений, обеспечивающих многообразные тонические и позднотонические эффекты, с которыми связанно выполнение предстоящих действий. Эффекты антиципации этого уровня своеобразны и касаются широкого спектра функциональных сдвигов преимущественно в нервномышечной системе.

Полученная в итоге схема стала называться системно-уровневой концепцией антиципации. В соответствии с данной концепцией, исходя из предложенной Б. Ф. Ломовым классификации функций психики, выделяется три функции антиципации: когнитивная, регулятивная и коммуникативная. Регулятивная функция проявляется в прогнозировании личностью результатов собственной активности. Прогноз результатов делает активность целенаправленной и саморегулируемой.

Вместе с тем, прогнозирование может предполагать представление о состоянии некоторого процесса, протекающего независимо от субъекта, в котором он не принимает участия, и на который он не в силах повлиять. С этим связано выделение в социальных науках категории прогнозирования как особой формы антиципации.

Прогнозирование – это не просто высказывание о будущем, а систематическое исследование перспектив развития того или иного явления или процесса с помощью средств современной науки. Результатом прогнозирования является прогноз, т.е. не просто предвидение, а особый вид его, который существенно отличается от всех прочих видов (особенно от прорицания и предвосхищения) высокой степенью обоснованности, научной основательности, объективности [1, с. 258].

Под прогнозом понимается система научно обоснованных представлений о возможных состояниях объекта в будущем, об альтернативных путях его развития. Прогноз в сравнении с гипотезой имеет гораздо большую определенность, так как основывается не только на качественных, но и на количественных показателях и поэтому позволяет характеризовать будущее состояние объекта количественно. Прогноз выражает предвидение на уровне конкретно-прикладной теории, и поэтому более достоверен. В то же время прогноз неоднозначен и носит вероятностный и много вариантный характер.

Термин «прогнозирование» по сложившейся традиции используют для обозначения проявлений способности к антиципации в мыслительной деятельности [2, с. 278]. Прогнозирование включено в планирование и соответствует речемыслительному уровню по классификации Б. Ф. Ломова и Е. Н. Суркова. Этот уровень является ведущим в регуляции поведения и деятельности личности.

Итак, понятие антиципациияв является наиболее общим, которое используется в тех случаях, когда речь идет о проявлении способности психики к опережающему отражению. Антиципация рассматривается как универсальный механизм психической организации человека, причем в этом понятии связываются воедино прошлые, настоящие и будущие события. Когда человек решает мыслительную задачу, он предвосхищает (прогнозирует) будущее решение, которое в начале является совсем неизвестным. Результатом прогнозирования являются высказывания о будущем, в том числе собственно «прогнозы», т.е. научно обоснованные представления о развитии событий.

Без планирования, предвосхищения своих поступков жизнь индивида как бы исключается из социума. Социум ставит перед человеком условие учета жизни окружающих, так как индивид является членом

этого сообщества. То есть человек, используя способность предвосхищать возможные последствия совершаемых поступков, может прогнозировать результаты собственной активности.

С точки зрения индивидуально-психологических процессов, управленческое видение основывается на способности предвосхищать события и является прогнозированием. Вместе с тем, управленческое видение является социально-психологическим феноменом, так как предполагает формирование и трансляцию подчиненным образа будущего организации, воодушевляющего ее сотрудников.

Таким образом, управленческое видение можно расматривать как специфический вид антиципации, в рамках которого на речемыслительном уровне реализуется индивидуальное и коллективное прогнозирование будущего организации, формируются групповые представления о целях совместной деятельности.

Библиографический список

1. Араб-Оглы Э. А., В лабиринте пророчеств. М., 1973

2. Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1980

3. Das T. K. The subjective side of strategy making: Future orientations and perceptions of executives. N. Y.: Praeger, 1986

4. Kouzes J. M., Posner B. Z. The Leadership Challenge, Jossey-Bass, 2003

5. Thoms P., Driven by time: time orientation and leadership, 2004

ПРИЗНАКИ ОДАРЁННОСТИ И РАБОТА С ОДАРЁННЫМИ ДЕТЬМИ

О.Н. Завадская

Признаки одаренности проявляются в реальной деятельности ребенка и могут быть выявлены на уровне наблюдения за характером его действий. Признаки явной (проявленной) одаренности зафиксированы в ее сущности и связаны с высоким уровнем выполнения деятельности. Вместе с тем об одаренности ребенка следует судить в единстве категорий «могу» и «хочу», поэтому признаки одаренности охватывают два аспекта поведения одаренного ребенка: инструментальный и мотивационный. Инструментальный характеризует способы его деятельности, а мотивационный – отношение ребенка к той или иной стороне действительности, а также к своей деятельности.

Государственная система работы с одаренными детьми включает несколько уровней. Основой этой системы является школа, охватывающая наиболее широкий круг детей. На уровне школы необходи-

мым условием является наличие, у учителя навыков распознавания одаренности своих учеников, создание для них оптимальных условий в плане учебы и отношений со сверстниками. А при необходимости – указание путей обращения во внешкольные заведения, работающие с одаренными детьми. Желательно также, чтобы школа допускала обучение по гибким программам, позволяющим получать дополнительные знания тем ученикам, кто в них нуждается, что является редкостью.

Оценка конкретного ребенка как одаренного в значительной мере условна. Самые замечательные способности ребенка не являются прямым и достаточным показателем его достижений в будущем. Нельзя закрывать глаза на то, что признаки одаренности, проявляемые в детские годы, даже при самых, казалось бы, благоприятных условиях могут либо постепенно, либо весьма быстро исчезнуть.

Психологические особенности детей, демонстрирующих одаренность, могут рассматриваться лишь как признаки, сопровождающие одаренность, но не обязательно как факторы, ее порождающие. Блестящая память, феноменальная наблюдательность, способность к мгновенным вычислениям и т. п. сами по себе далеко не всегда свидетельствуют о наличии одаренности. Поэтому наличие указанных психологических особенностей может служить лишь основанием для предположения об одаренности, а не для вывода о ее безусловном наличии.

Одаренность выступает как интегральное проявление разных способностей в целях конкретной деятельности. Один и тот же вид одаренности может носить неповторимый, уникальный характер, поскольку отдельные компоненты одаренности у различных людей могут быть выражены в разной степени. Одаренность может состояться только в том случае, если резервы самых разных способностей человека позволят компенсировать недостающие или недостаточно выраженные компоненты, необходимые для успешной реализации деятельности.

Психологи, изучающие одаренных и талантливых детей (Ю.Д. Бабаева, Э. А. Голубева, Е. Л. Григоренко, В.Н. Дружинин, О.М. Дьяченко, Н. С. Лейтес, Т. М. Марютина, А.М. Мустафин, Н.Н. Поддьяков, И.В. Равич-Щербо, Г. Д. Чистякова Л.В. Попова, В.Э. Чудновский, В.С. Юркевич и др.), отмечают, что одаренные часто выделяются среди остальных. Их непохожесть объясняется не только яркостью и неповторимостью таланта, оригинальностью и своеобразием мышления. Многие ученые едины в своем мнении: одаренный ребенок нередко быстрее взрослеет, у него раньше формируется личность, и в среде

сверстников он отличается благодаря наличию определенных личностных качеств и свойств.

Современное социально-экономическое положение, сложившееся в нашей стране, к сожалению, во многом не способствует расцвету талантов. Появилось большое количество семей, находящихся в крайне сложных материальных условиях. У детей из таких семей нередко ограничен кругозор, речь неправильна, может сопровождаться ненормативной лексикой, если семья имеет и низкий культурный уровень. Учителя в школах зачастую не могут в таких детях разглядеть признаки одаренности, так как их заслоняют встречающиеся трудности и проблемы в развитии. Поэтому психологи при работе с данной категорией школьников рекомендуют обращать внимание на следующие характеристики одаренных детей:

– живость и любознательность;
– независимость в действиях;
– инициатива, стремление участвовать во всем новом;
– использование воображения в мышлении;
– гибкость в подходах к проблемам;
– разнообразные интересы;
– сочинение историй;
– чувство юмора.

Практика показывает, что в традиционном школьном обучении на 90% преобладает монолог учителя, рассчитанный на передачу учащимся знаний в готовом виде. Даже на тех уроках, где присутствует диалог, функции его ограничиваются чаще всего репродуктивным воспроизведением изученного материала. При этом учителя не обращают внимания на содержание задач, характер и форму вопроса, их место в системе урока. В большинстве случаев используются репродуктивные задачи, ориентирующие на однозначные ответы, не активизирующие мыслительную деятельность ученика.

Работа с одаренными детьми выступает одним из вариантов конкретной реализации права личности на индивидуальность. Вообще массовое образование является одним из наиболее важных институтов современного общества. Это образование по самой своей природе обязано заботиться, в первую очередь, о большинстве учеников. Однако ориентированная на средний уровень школа оказывается не очень хорошо приспособленной для тех, кто сильно отличается от этого среднего уровня как в сторону меньших, так и больших способностей.

Демократизация образования и всей образовательной деятельности, в том числе через развитие форм государственно-общественного

управления, позволяет расширение возможностей для реализации права выбора педагогическими работниками методик обучения и воспитания, методов оценки знаний обучающихся, воспитанников, использования различных форм образовательной деятельности обучающихся, развитие культуры образовательной среды образовательного учреждения. Разнообразие организационных форм и учет индивидуальных особенностей каждого обучающегося (включая одаренных детей), обеспечивает рост творческого потенциала, познавательных мотивов, обогащение форм взаимодействия со сверстниками и взрослыми в познавательной деятельности. Для развития потенциала обучающихся, прежде всего одаренных детей, могут разрабатываться с участием самих обучающихся и их родителей индивидуальные учебные планы.

Выявлять и развивать способности обучающихся можно через систему клубов, секций, студий и кружков, организацию общественно-полезной деятельности, в том числе социальной практики, используя возможности образовательных учреждений дополнительного образования детей, через интеллектуальные и творческие соревнования, научно-техническое творчество и проектно-исследовательскую деятельность.

Следует помнить, что как бы не был одарен ребенок, его нужно учить. Важно приучить к усидчивости, приучить трудиться, самостоятельно принимать решения. Одаренный ребенок не терпит давления, притеснений, окриков, что может вылиться в проблему. У такого ребенка трудно воспитывать терпение, усидчивость и ненавязчивость. Необходима огромная нагрузка ребенка, с дошкольного возраста его следует приобщать к творчеству, создавать обстановку для творчества.

Изучив психолого-педагогическую литературу по проблеме одарённости, мы решили проверить, как обстоят дела с решением этой проблемы в массовой начальной школе. Для этого мы разработали анкету, в которой выявили отношение учителей к этому явлению, трудности работы с одарёнными учащимися.

В результате обработки анкет мы выявили, что учителя – практики начальной школы недостаточно осознают проблему работы с одарёнными детьми и не имеют базовых психолого-педагогических знаний по ней. Они путают даже понятия одарённости и способности, не знают видов одарённости, не знают, что способствует развитию одарённости детей, её признаков, истоков. И естественно, не могут практически построить систему работы с такими детьми. Это является одной из важнейших проблем работы с одарёнными учащимися.

Итак, в данной статье, мы отметили признаки, условия, понятие одарённости и одну из проблем работы с одарёнными учащимися начальной школы.

Библиографический список

1. Лейтес Н.С. Психология одарённости детей и подростков. М., Академия, 1996. 416 с.
2. Матюшкин А.В. Загадки одарённости. М.: Школа – Пресс, 1993.
3. Савенков А.И. Одарённые дети в детском саду и школе: Учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2000.
4. Юркевич В.С. Одарённый ребёнок: иллюзии и реальность. М., 1996. с. 16-55.
5. Богоявленская Д. 2-я Международная конференция по проблемам одарённости: обзор работы // Вопросы психологи. 2004. № 3. с. 120–121.

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА ГОТОВНОСТИ УЧАЩИХСЯ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО МАРШРУТА

С.С. Игнатович

Готовность – одно из самых широко употребляемых понятий в научных исследованиях, практически, по всему спектру проблем, связанных с образовательной и профессиональной деятельностью человека. В собственно педагогическом аспекте чаще всего рассматривается профессиональная *готовность* учителей и студентов педагогических вузов (В.П. Бедерханова, Е.В. Бондаревская, А.К. Маркова, В.В. Сериков, В.А. Сластенин и др.) и *готовность* учащихся к учебной деятельности в ее различных аспектах (Н.А. Алексеев, С.Д. Поляков, В.В. Сериков). При этом различается широкий и узкий смысл этого понятия. В *широком смысле* готовность – это «*целостное явление*, скрепленное убеждениями, морально-волевыми качествами личности, *способов* поведения, *знаний* о профессии и *практических умений и навыков*» [3]. В этом смысле готовность рассматривается как достаточно устойчивое качество личности. В *узком смысле* готовность может пониматься как ситуативное явление, обеспечивающее эффективность выполнения субъектом определенных функций в некоторый конечный промежуток времени.

В широком смысле понятие готовности характеризует субъекта деятельности в триединстве его развития, формирования и адаптации. В данной концепции (Ю. М. Забродин) выделяется несколько уровней готовности, среди которых базовым выступает личностный уровень. В

этой связи В.П. Бедерханова предлагает следующие характеристики «генерализированного понятия личностной готовности»: создание функциональной основы психической регуляции деятельности; расширение взглядов и знаний на мир профессий, мир трудовой деятельности, формирование ценности и значимости труда в обществе, личных ценностей, склонностей, способностей, ориентаций и т. д. ; формирование личного опыта и присвоение ценностей культуры; интеграцию ценностно-мотивационной, операционной и функциональной (эмоциональной) готовности в едином субъекте [1].

Большинство исследователей (О. Б. Дмитриева, В. В. Сериков, Е.К. Черниченко, В. Т. Чичикин, А. Э. Штейнмец) выделяют в качестве структурных компонентов готовности личности к осуществлению определенного вида деятельности мотивационно-целевой, содержательный и процессуальный. Мотивационно-целевой компонент включает в себя побуждающие мотивы, цели, смыслы осуществляемой деятельности, благодаря которым она становится подлинно субъектной, а также детерминируемые ими личностные качества. Содержательный компонент связан с компетентностью субъекта в решении определенного круга задач в рамках осуществляемой деятельности (В.А. Сластенин). Процессуальный компонент представлен сформированностью схем и алгоритмов практических действий и соответствующих им способов социального поведения.

Эти общие представления о содержании и структуре готовности как системного личностного качества могут быть применены и к проблемам обеспечения субъектного участия школьников в образовательном процессе. Целостный подход к проблемам формирования различных видов готовности старшеклассников представлен во многих работах. Так, рассматривая проблему готовности старшеклассников в аспекте их жизненного самоопределения, Т.Н. Сапожникова выделяет два подхода к определению ее содержания и структуры: *личностный* и *функциональный*. Личностный подход позволяет определить данную готовность как «особое интегральное образование сущностных сфер личности старшеклассника (мотивационной, эмоциональной, интеллектуальной, предметно-практической, экзистенциальной, волевой и саморегуляционной), которое формируется и проявляется в момент узловых жизненных событий» [4]. С точки зрения функционального подхода готовность старшеклассника к жизненному самоопределению понимается автором как «способность осознавать смысл собственной жизни на основе анализа происходящих и ожидаемых событий» [4].

Решающую роль в этом играют прогностические и рефлексивные способности субъекта.

Весьма интересна позиция В.В. Серикова, где готовность школьников к освоению учебного материала связана с формированием личной учебной системы ученика, основание которой составляет его собственное представление о смысле учебной деятельности. Автор утверждает, что наивысшего качества учебная деятельность достигает тогда, когда она представляется не средством достижения каких-либо лежащих за ее пределами результатов, а выступает именно как самоцель, самоценность. Очевидно, что речь здесь идет именно о ценностно-смысловом компоненте готовности. Дополнительным по отношению к нему, по мнению автора, выступает компонент организации учебной деятельности – ее предмет и пространственно-временные характеристики. Готовность школьников в этом случае представлена их стремлением следовать следующим принципам: стремление всегда и везде делать что-то полезное для своего развития; освоение предмета и любого дела «и вширь, и вглубь»; четкое дробление предстоящей работы «на порции» и безукоризненное выполнение плана; постоянное стремление проверить уровень своей подготовки, сравнить себя со «знатоками»; состязательность, создание для себя барьеров, получение удовольствия от преодоления трудностей; наличие «знания о знании» – о видах знания, их происхождении и функциях, о сути и природе научного познания; использование рациональных способов учения; восприятие учебы как увлекательной игры [5].

В нашем исследовании мы исходим из следующих базовых положений. *Во-первых*, любая рассматриваемая с позиции субъекта его готовность к осуществлению самых разных видов деятельности и отношений имеет инвариантную структуру, включающую мотивы, цели и ценностно-смысловые ориентации, личностные качества субъекта; его компетентности, включая способности мыслить, искать, сотрудничать с другими людьми и т. д. ; доступные способы деятельности и схемы социального поведения. В своем единстве эти компоненты образуют системное качество личности, позволяющее ей реализовать в осуществляемой деятельности собственную субъектность и получать личностно значимые результаты. *Во-вторых*, готовность имеет ценностно-смысловой и пространственно-временной планы. С учетом характеристик этих планов (плоскостей), данных К. А. Абульхановой-Славской и М. Р. Гинзбургом, можно сказать, что в *ценностно-смысловом* плане готовность заключается в способности отражать деятельность в процессе самопознания, формировать соответствующие установки и субъ-

ектные отношения, проецировать свое индивидуальное Я в будущее. *Пространственно-временной* план готовности включает в себя непосредственно опыт осуществления деятельности, процессы самореализации в деятельности и конкретное планирование деятельности во времени.

Специфическое же содержание готовности полностью обусловлено особенностями ее предмета. Чем сложнее и разностороннее предмет деятельности субъекта, тем сложнее и многограннее представляется его готовность к ее осуществлению в обоих указанных планах. С учетом этого нам предстоит выделить содержательные характеристики готовности школьников к проектированию индивидуальных образовательных маршрутов.

В первую очередь обратимся к мотивационно-целевому компоненту. Проблемы учебной мотивации подростков и старшеклассников в условиях современной массовой школы стоят особенно остро. Но даже высокий уровень сформированности внутренних мотивов учебной деятельности как таковой «учебы из интереса» не обеспечивает мотивационную готовность школьника к проектированию индивидуального образовательного маршрута. Интерес ребенка к учению может развиваться и вне контекста социальной и личностной значимости его результатов, т.е. удовлетворение познавательных интересов может выступать для ученика целью, в то время как его роль в определении содержания образования и его связи с проблемами личностного и профессионального самоопределения может оказаться минимальной.

Готовность ученика к проектированию индивидуального образовательного маршрута должна опираться на смыслообразующие мотивы более высокого уровня. Их основу должны составлять представления школьника о собственной индивидуальности, достижение которой может быть обеспечено только опытом самореализации в тех сферах социально значимой деятельности, которые ему еще не известны. Мотивация проектирования индивидуального образовательного маршрута – это мотивация *поиска самого себя*, своей *социокультурной идентичности*. В этом плане в сознании ученика должно произойти сращение событийного ряда его школьной жизни с реальными процессами вхождения во «взрослый» мир во всем многообразии его аспектов – профессионального, социального, личностного, гражданского, гендерного и т. д. Часто ученики, в первую очередь старшеклассники, воспринимают свою жизнь в школе и жизнь вне школы вне всякой связи друг с другом: «В школе я получаю знания, а жизненный опыт я получаю самостоятельно, и школа не должна иметь к этому отношения».

В процессе проектирования индивидуального образовательного маршрута должен произойти, говоря словами А.Н. Леонтьева, «сдвиг» внутреннего смыслообразующего мотива поиска своего Я в осознаваемую приоритетную цель – найти, «путешествуя» по специально подготовленному для этого образовательному пространству школы, именно те социокультурные практики, творческое преобразование которых позволит ученику обнаружить и максимально реализовать свои творческие возможности. Продвижение по индивидуальному образовательному маршруту должно стать для ученика старших классов *моделью проживаемого этапа жизни*, который Д. Сьюпер характеризует как приходящий на смену «этапу роста» «этап разведки», проживаемый под знаком исследования своих сил и устремлений. Его главное содержание связано, по мнению автора, с апробацией своих сил в различных видах трудовой и учебной деятельности. В этой связи мотивационная готовность школьника к проектированию индивидуального образовательного маршрута – готовность совершать пробы своей субъектности в разных видах деятельности, а не просто усваивать готовые порции учебной информации. Мотивационная готовность школьника должна обеспечить его стремление моделировать не только позитивные контакты с культурой и обществом, но и проживать при этом неизбежные кризисы, когда соприкосновение с очередной социокультурной практикой выявляет разрыв между ее *внутренним содержанием* и *собственным Я ребенка*. Мотивационно-целевая готовность ученика к проектированию индивидуального образовательного маршрута «уравнивает» по своему личностному значению положительные и отрицательные результаты освоения социокультурных практик. Отрицательный результат ни в коем случае не должен восприниматься ребенком как «неудача», обусловленная его собственным несоответствием требованиям учебного процесса, а напротив, должен служить образом своеобразной «развилки», предполагающей поиск в новых направлениях.

Содержательный компонент готовности школьника к проектированию индивидуального образовательного маршрута представляет собой спектр компетентностей, обеспечивающих его эффективный выбор и освоение различных социокультурных практик. Следует выделить два слоя этих компетентностей. *Первый* описан в современных исследованиях (Э.Ф. Зеер, А.В. Хуторской и др.) и характеризует ключевые компетентности, востребованные в любой деятельности субъекта. Это мобильность, способность вносить оперативные изменения в намеченные планы действий, чуткое реагирование на изменения в ок-

ружающей социокультурной среде, принятие интуитивных, опережающих события решений, действовать до известной степени спонтанно и т. д. *Второй*, более специфичный слой компетентностей субъекта проектирования индивидуального образовательного маршрута определяется спецификой предмета, который сближает его характеристики с закономерностями личностного и профессионального самоопределения:

– способность анализировать ситуацию собственного личностного и профессионального становления, выделять и осмысливать разрывы и противоречия между «опережающими» (устремленными в будущее) потребностями профессионально-личностного самоопределения и освоенными на данный момент жизни средствами их удовлетворения;

– умение ставить дальние и ближние цели своего развития и социализации, вхождения в мир профессий, гражданские, гендерные отношения, и способность вовремя внести в них необходимые коррективы в случае непредвиденных изменений внешней ситуации;

– умение планировать деятельность по достижению поставленных целей и эффективно распределять во времени и пространстве необходимые для этого информационные и образовательные ресурсы;

– способность определять и мобильно осваивать новые средства достижения поставленных целей; оценивать достигнутые результаты, соотнося их с поставленными целями и реальными тенденциями изменения окружающей действительности.

В данной модели готовности эти компетентности должны комплексно «участвовать» в освоении учениками самых разных социокультурных практик, отличающихся друг от друга конкретной предметностью, но объединенных общим отношением субъекта и объекта, которое характеризуется понятиями «творчество», «преобразовательная активность», «проектирование».

Процессуальный компонент готовности ученика к проектированию индивидуального образовательного маршрута в логике жизненного самоопределения должен характеризоваться уровнем развития его саморегулятивных способностей [4]. По мнению многих современных исследователей, понятие «социальная роль» наиболее точно раскрывает механизм формирования субъектного социального опыта ребенка. Социальной ролью (И.С. Кон) называется «такой аспект поведения, деятельности лица, который является для него неорганичным, переживается как нечто внешнее, ненастоящее, отличное от его “подлинного Я”… “Быть в роли” – значит притворяться, играть, осознавать искусственность своего поведения. Но такое разграничение является субъ-

ективным, оно описывает лишь соотношение различных образов самосознания, ничего не говоря об их происхождении» (цит. по: [2]). Исполняя эти роли, ребенок получает соответствующий эмоциональный импульс, ощущение себя как «другого», причастного к глубинным смыслам осваиваемой реальности. В процессе своего личностного и профессионального самоопределения старший подросток стремится в первую очередь «примерить» новые для него социальные роли. Профессиональная среда выступает одним из возможных аспектов проектируемых социокультурных практик. В каждой социокультурной практике могут быть представлены свои специфические социально-ролевые позиции учащихся, выступающие для них эффективными регуляторами деятельности и поведения. Особо в этой связи следует подчеркнуть особенность исполнения учениками различных социальных ролей, на которую указывает Н.Ф. Голованова: «Такой подход позволяет проникнуть в механизм усвоения субъектом опыта его взаимоотношений с окружающей социальной действительностью. По существу это процесс приобретения ролей, и особенно интенсивно и успешно он происходит в игре… Поэтому повзрослеть – это значит достаточно определиться в системе социальных ролей» [2]. Это означает, что каждая социокультурная практика, из которых соткан индивидуальный образовательный маршрут ученика, должна быть как бы «пронизана» игрой. Это обстоятельство определяет эффективность ее освоения и обретение ребенком соответствующего социального опыта. Занимаясь научными исследованиями, социальным проектированием, литературным творчеством, сценическим и изобразительным искусством во взаимодействии с другими учащимися, ребенок именно играет «в ученого», «в артиста», «в изобретателя», «в художника» и т. д. Только дух игры может сделать осваиваемую практику подлинно культурной для ребенка и обеспечить взаимосвязь мотивационно-целевого и содержательного компонентов готовности стать субъектом своего образовательного продвижения по выбранному маршруту. Таким образом, процессуальный компонент готовности ученика к проектированию индивидуального образовательного маршрута характеризуется, с одной стороны, способностью к саморегуляции деятельности выбора и творческого освоения социокультурных практик, с другой стороны – установкой на исполнение множества (соответствующих избираемым практикам) социальных ролей и сформированностью внутреннего игрового плана осуществляемых при этом социальных взаимодействий.

Сформированная готовность ученика к проектированию индивидуального образовательного маршрута обеспечивает ему возможности не только его формального выбора, но и конструирования ценностно-смыслового и пространственно-временного планов возникающего при его прохождении событийного ряда. Каждая социокультурная практика, с которой сталкивается ученик, проходя избранный им маршрут, призвана стать значимым событием его жизни, т.е. в какой-то мере изменить отношение ученика к жизни. Готовность как целостная, устойчивая внутренняя позиция старшеклассника проявляется при выборе им индивидуального образовательного маршрута как способность и стремление оценивать свой прошлый опыт, понимать мотивы совершенных действий и поступков в призме рефлексируемых установок и личностных ценностей; осознавать происходящие в личностной сфере изменения, познавая таким путем самого себя как субъекта жизни общества; проецировать в процессе осуществляемой деятельности свое в субъективно переживаемое будущее, совершать опережающую «примерку» разнообразных социальных ролей. В пространственно-временном плане эта готовность обнаруживает себя в способности старшеклассника аккумулировать прошлый опыт как средство решения задач сегодняшнего и завтрашнего дня; стремлении к творческой самореализации и получении высоких результатов в процессе освоения различных социокультурных практик; планировании своего непрерывного образовательного продвижения в избранных направлениях.

В целом, такая готовность выступает необходимым условием обретения учеником субъектного опыта жизни и деятельности, взаимодействия с другими людьми, обществом и культурой.

Библиографический список

1. Бедерханова В.П. Становление личностно ориентированной позиции педагога: монография. Краснодар, 2001.
2. Голованова Н. Ф. Социализация и воспитание ребенка. СПб., 2004.
3. Ершова Н.Г., Вихрева С. Ю. Интегративные характеристики личностно профессионального развития студентов – психологов высших учебных заведений физической культуры // Педагогика и жизнь: международный сборник научных трудов. Вып. 5. Воронеж, 2007.
4. Сапожникова Т.Н. Изучение готовности старшеклассников к жизненному самоопределению // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 4.
5. Сериков В.В. Обучение как вид педагогической деятельности / под ред. В.А. Сластенина, И.А. Колесниковой. М., 2008.

ФЕНОМЕН ЗНАЧИМОГО НАРРАТИВА

А.Е. Корнилова

Нарратив – (лат. narrare – языковой акт, т.е. вербальное изложение) – понятие, привнесенное в психологическую науку философией постмодерна, делающей акцент на процессуальности самоосуществления как *способе бытия повествовательного* (или, по Р. Барту, "сообщающего" текста).

Феномен значимого нарратива – явление, при котором художественное произведение обретает массовую популярность в разных социальных группах на протяжении длительного времени. Можно предположить, что в некий момент времени появляется некая рассказанная кем-либо история, которая находит отклик в сознании большого количества людей, принадлежащих к разным социальным группам. При этом такое воздействие нарратива носит продолжительный характер – по крайней мере, на протяжении жизни одного поколения.

Периодически наблюдается феномен появления художественного текста или фильма, влияние которого на определенную часть зрителей/читателей выходит далеко за пределы удовлетворения тяги к новым впечатлениям или краткосрочного возбуждения эмоции. Такая «рассказанная история» организует сообщества людей, которые не только обсуждают ее и совместно переживают сюжет, но и пытаются его продолжать, воспроизводить и т. д.

Авторы, работающие в парадигме бытия личности, рассматривают мир личности как созданный посредством ее активности. «Мы рассматриваем бытие как следствие самоактуализации личности, или, иными словами, как создаваемое личностью бытие. Бытие личности – это объективированная в процессах и предметах мира субъективность» … «Творчество – это извлечение личностью из своего внутреннего мира умозрительного конструкта и «делание» из него объективной реальности, той реальности, которая становится её продолжением» [3].

Эти слова можно было бы счесть метафорой, но в некоторых случаях актуализация субъективного мира личности происходит буквально: нарратив оказывается включенным в систему саморегуляции его почитателей и взаимодействие с ним удовлетворяет какие-то потребности его целевой аудитории. Вымышленный мир их усилиями транслируется в реальный, овеществляется, становится частью повседневной жизни. Психологическое содержание этого феномена изучено недостаточно, хотя можно ожидать существенных социальных последствий его проявлений. В подобный нарратив оказываются вовлечены не

только зрители/читатели, почитающие его «культовым», но и те, кто соприкасаются с ними – родственники, сотрудники, работники госучреждений и т. д.

По итогам недавних переписей населения, проводившихся в разных странах, в том числе и в России, многие люди в качестве национальной принадлежности называли гномов, орков, джедаев, эльфов, магов прочих выдуманных персонажей. Таким образом, результаты переписей, церковь джедаев, «ролёвки» и миллионные тиражи с массовыми переизданиями подтверждают социальную значимость указанного феномена.

Можно выделить две условные группы потребителей такого массового нарратива: те, кто полностью погружается в мир, предложенный автором, уходя от реального, и те, кто, оставаясь в реальном мире, дополняют свою жизнь картинами мира иного, существующего по иным законам, зачастую отличным от нашего. И в том, и в другом случае существуют некие потребности, удовлетворяемые этим нарративом, но вторая группа представляется более интересной с точки зрения исследования. В самом деле, люди, живущие полноценной жизнью, зачастую успешные люди (ибо полноценные «ролёвки» требуют немалых материальных затрат – помимо дорожных расходов необходимо также приобретать кольчуги, мечи, луки и прочий реквизит), на какое-то время становятся эльфами, хоббитами, джедаями, магами и прочими вымышленными персонажами. Чего же не хватает им в реальном мире, какие потребности остаются неудовлетворёнными?

Реально живущий и действующий человек не может быть понят в отрыве и изоляции от того мира, в котором и по законам которого разворачивается его жизнь [1].

Таким образом, для более полного понимания особенностей личности и взаимоотношений с социумом обширных сообществ людей необходимо изучить тот мир, в котором разворачивается их жизнь – тот сплав, слияние мира реального и нарратива, порождённого воображением некоего рассказчика.

Если «разложить» эти нарративы на составляющие, можно выделить ещё один общий признак – все они описывают миры, отличные от нашего, существующие в других парадигмах. Но это не приводит нас к пониманию того, что же заставляет читателей/зрителей продлевать общение с выдуманными мирами, погружаться в них, делать их частью собственной реальности. Не секрет, что фантастические/фэнтезийные произведения, будь то литературное произведение, художественный или анимационный фильм, пользуются очень боль-

шой популярностью. Но сколько таких нарративов проходит через читателей/зрителей, вызывая положительные/отрицательные эмоции, при этом не порождая желания погрузиться в их мир, продлить его существование в реальность.

Выдуманные миры привлекают внимание множества людей по всему миру. Примечательно, что основная масса таких миров, обретающих огромное количество поклонников, создана англичанами – Артур Конан-Дойл, Алан Александр Милн, Джон Рональд Руэл Толкиен, Клайв Стейплз Льюис, Филип Пулман, Джоан Кэтлин Роулинг. Вероятно, объяснение этому феномену следует искать в имперском прошлом Великобритании. С 1815 года до Первой мировой войны небольшое островное государство определяло политику, экономику и культурное развитие всего мира. И лишь в двадцатом веке, начиная с 1922 года, золотой век великой империи начал клониться к закату. Британия теряла одну колонию за другой, одновременно теряя и политический вес на мировой арене. Но именно в двадцатом столетии англичане создали виртуальные миры – империи, которые живы и поныне, и всё так же будоражат умы читателей по всей ойкумене.

Отличительной чертой Британской империи был её состав: народы, входящие в неё, обладали собственной историей, культурой, традициями, сохранёнными при вхождении в империю. И так же точно вымышленные миры, порождённые англичанами, стоят на стыке разных традиций и культурном смешении. Вероятно, отчасти именно в этом кроется секрет такой популярности.

Любой потребитель нарратива, независимо от расовой, возрастной, культурной принадлежности может найти в таком вымышленном мире что-то, близкое именно ему, удовлетворяющее именно его потребности.

Из этого можно сделать вывод, что для обретения массовой популярности и удовлетворения потребностей большинства потребителей нарратив должен нести в сюжете конфликт мультикультурализма, работать со смешением множества традиций.

При этом отличительной особенностью значимых нарративов является дихотомия добра и зла, чёрного и белого, предоставление читателю чётких ориентиров. Современный мир характеризуется смешением и смещением ориентиров, их нечёткостью и итоговым разочарованием в них. В противовес дисгармоничности реального бытия значимые нарративы дают своим потребителям возможность на время оказаться в мире, где есть чётко выраженные Добро и Зло, и где моральные ориентиры целостны и однозначны.

Нарратив – это то, как истории, циркулирующие в обществе, конституируют нашу жизнь и жизнь других [4]. Такие истории влияют на бытие большинства людей безотносительно их непосредственного употребления. Субъект, имеющий достаточно активную социальную позицию, даже не читая значимый нарратив, знает о его существовании и вкратце представляет себе сюжет.

Потребление нарратива является деятельностью, а любая деятельность прежде всего целенаправленна, т.е. по ее итогам предполагается получение некоего результата. Представив примерный перечень целей потребления нарративов, можно получить вытекающие из них функции: познавательная, коммуникативная, нравственно-воспитательная, гедонистическая, эстетическая.

Нами было проведено интервью, тематическими вопросами которого были следующие вопросы: «С какой целью Вы читаете/смотрите книги/фильмы?», «Перечитываете/пересматриваете ли Вы книги/фильмы?», «Зачем Вам повторное прочтение/просмотр?». Выборка состояла из людей от 25 до 36 лет, имеющих высшее образование, примерно в равном количестве мужчин и женщин.

Мотивация повторного обращения к нарративу описывалась преимущественно как желание получить те же ощущения, что и при первоначальном прочтении/просмотре: «в частности, восхищение стилистикой и сюжетом»; «при прочтении погружаюсь в картинки другого мира, это дает отдых, удовольствие, изменяет на некоторое время привычную картину мира вокруг»; «открываешь дверь и смотришь одним глазком на этот (выдуманный) мир, тем самым оживляя некие, возможно, детские фантазии».

Полученные ответы подтверждают предположение о гедонистической, эстетической функции обращения к нарративу.

Долгое время было принято считать, что при прочтении/просмотре нарративов читатели/зрители ориентируются в первую очередь на описание действий главных героев, возможно, в разной степени идентифицируют себя с ними. Респонденты, участвующие в интервью, никак не подтвердили это предположение. Более того, на дополнительный вопрос о возможной самоидентификации с героями нарратива были получены следующие ответы:

– «Важно общее ощущение и отчасти сюжет. Герои являются лишь неотъемлемой частью произведения, но не воспринимаются как пример для подражания или зеркало».

– «Главный герой – это декорация, колонна, на которую опирается мир конкретного произведения. Соответственно, воспринимается лишь как неотъемлемая часть книги».

– «Герои могут восприниматься как хорошие знакомые, люди, которые живут неподалеку, с которыми часто встречаешься, но идентификации с ними не возникает, как и примера для подражания».

Таким образом, можно говорить о том, что употребление нарратива (тем более – многократное употребление) не связано с идентификацией потребителя нарратива с героями произведения. Следовательно, многократное употребление дает удовлетворение иной потребности, которую мы предварительно можем обозначить как переживание иной системы отношений, чем доступна нам в повседневной действительности.

Система отношений проводится через ключевые ситуации сюжета, которые удалось хорошо описать В. Я. Проппу [2]. К примеру, в одном из значимых нарративов – «Властелине колец» Толкиена – мы можем наблюдать такой ряд типических ситуаций: отлучка, вредительство, недостача, отправка, клеймение, наказание врага и воцарение героя. Налицо сходство значимых нарративов с мифами и волшебными сказками.

Миф, в какой бы форме его не сохраняла традиция, всегда есть поэзия. Способами поэзии, средствами воображения он передает рассказ о вещах, которые представляются людям вправду случившимися. Он может быть полон самого глубокого и самого священного смысла. Границу между мыслимым как возможное – и невозможным человеческий дух проводит исподволь, по мере роста культуры. Для дикаря с его ограниченной логикой упорядочения мира, собственно, еще все возможно. Миф, с его невероятными абсурдами, с его безмерным преувеличением и путаницей отношений и связей, с его беззаботными несоответствиями и присущими игре вариациями, пока еще не кажется ему чем-то немыслимым [5].

Сложив вышесказанное, можно сделать предположение, что потребители значимых нарративов пытаются обрести некую упорядоченность, которая, возможно, отсутствует в их реальном бытии. Однозначно выраженные, положительно окрашенные ценностные ориентиры, чётко выраженные добро и зло в реальном современном мире практически отсутствуют. При этом определённая категория субъектов может ощущать внутреннюю нехватку такой однозначности, простоты ощущений, какая, возможно, была в детстве. И именно стремление вновь обрести это восприятие, погрузиться в него хотя бы ненадолго,

пусть и посредством прочтения книги/просмотра фильма, может способствовать появлению феномена значимых нарративов.

Библиографический список

1. Кимберг А.Н., Улько Е.В. Мир, соразмерный человеку: конструкт ситуации // Психология субъекта и психология человеческого бытия / под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. Краснодар, Кубанский гос-ун-т, 2010. С. 291-306.
2. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л. Изд-во ЛГУ, 1986.
3. Рябикина З. И. Субъектно-бытийный подход к изучению развивающих личность противоречий //Психологический журнал, Т. 29, №2, 2008. С. 78-87.
4. Фридман Д., Комбс Д. Конструирование иных реальностей. Истории и рассказы как терапия. НФ Класс, 2001.
5. Хейзинга Й. “Homo ludens” («Человек играющий») М.: Прогресс, 1997.

К ВОПРОСУ УПОТРЕБЛЕНИЯ НЕНОРМАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ МОЛОДЕЖЬЮ

Е.М. Коротеева, К.В. Черноскутова

Значительные перемены в жизни общества всегда сопряжены с ломкой устоявшихся норм нравственности, общей вседозволенностью. Наше время не стало исключением. Напротив, на всем постсоветском пространстве появились такие нравы, что «стало стыдным, не быть бесстыдным». И на это немедленно отреагировала речевая практика: речь современного человека стала грубой, стилистически сниженной. По результатам опросов 71% респондентов регулярно использует ненормативную лексику в повседневном общении. Одним из самых распространенных видов ненормативной лексики является мат. Согласно общепринятой морали, публичное употребление мата может расцениваться как хулиганство. Однако в настоящее время употребление мата не редкость во всех слоях и половозрастных группах общества [3]. И вместе с тем на сегодняшний день нецензурная лексика изучена недостаточно. Практически отсутствуют научные данные, касающиеся изучения факторов, влияющих на употребление личностью мата. Знание которых, на наш взгляд, поможет бороться с засоренностью русского языка, распространением мата, позволит разработать профилактические мероприятия, направленные на повышение общей культуры речевого поведения молодого поколения. Мы считаем, что одним из основных факторов, детерминирующих употребление личностью мата,

являются индивидуально-психологические особенности личности, прежде всего, экстраверсия, нейротизм, вербальная агрессия, гедонистические ценностные ориентации.

В связи с этим, целью нашего исследования явилось изучение индивидуально-психологических особенностей и типов лиц, употребляющих матерную лексику.

Данная цель конкретизировалась нами в следующих основных задачах.

1. Выявить частоту, особенности употребления и отношение личности к матерной лексике.

2. Определить экстраверсию/интроверсию, нейротизм, ценностные ориентации, агрессивность, враждебность лиц, употребляющих матерную лексику.

3. Построить типологию лиц, употребляющих матерную лексику.

Общий объём выборки составил 41 человек в возрасте от 16 до 21 года.

В исследовании применялись следующие методы: опросник Г. Айзенка на определение уровня экстраверсии/интроверсии, нейротизма [2]; методика «Ценностные ориентации» М. Рокича [2]; опросник уровня агрессивности Басса-Дарки [1]; авторская анкета, разработанная на основе теоретического анализа литературы и направленная на выявление частоты, особенностей употребления и отношения личности к матерной лексике.

Для статистической обработки полученных данных мы применяли следующие методы: первичная описательная статистика (среднее значение и стандартное отклонение); частотный анализ и процентили; критерий согласия распределения Пирсона (хи-квадрат); кластерный анализ (методом К-средних).

Согласно результатам нашего исследования 68,3% респондентов употребляют матерную лексику. Причем 92,7% испытуемых, хотя и не употребляют ее регулярно, но не менее одного раза использовали в речи. Среди них: 4,9% делают это часто, 41,5% употребляют мат иногда, 46,3% делают это редко. В итоге, только 7,3% респондентов ответили, что никогда не употребляли в своей речи матерную лексику. Достаточно интересным является тот факт, что при почти стопроцентном употреблении матерной лексики в речи 56,1% респондентов осуждающе относятся к ее употреблению, для 39% испытуемых характерно безразличное отношение и только 4,9% – одобряют её употребление в речи. Самой популярной ситуацией, детерминирующей употребление матерной лексики, является стрессовая ситуация (75,6% респонден-

тов). На втором месте – употребление мата в компании друзей (31,7% респондентов) и применение его для выражения чувств, как регулятора негативных эмоциональных состояний (31,7% респондентов).

Изучив индивидуально-психологические особенности респондентов, мы с помощью процедуры кластерного анализа выдели два типа лиц, употребляющих матерную лексику. На формирование кластеров влияние оказали следующие характеристики:

1) терминальные ценности: жизненная мудрость ($F=16,6$ при $p\leq0,001$), интересная работа ($F=8,0$ при $p\leq0,05$), развлечения ($F=5,1$ при $p\leq0,05$), наличие хороших и верных друзей ($F=3,1$ при $p\leq0,05$);

2) инструментальные ценности: непримиримость к недостаткам в себе и других ($F=13,2$ при $p\leq0,05$), широта взглядов ($F=10,4$ при $p\leq0,05$), эффективность в делах ($F=4,6$ при $p\leq0,05$), рационализм ($F=3,4$ при $p\leq0,05$);

3) экстраверсия/интроверсия ($F=2,5$ при $p\leq0,05$);

4) частота ($F=12,0$ при $p\leq0,001$), особенности употребления и отношение личности к матерной лексике ($F=10,3$ при $p\leq0,01$ соответственно).

Ниже представлено описание выделенных типов лиц, употребляющих матерную лексику.

Первый тип, названный нами «Гедонисты-матерщинники», составляет 68% всей выборки. Лица данного типа используют в своей речи мат достаточно часто и безразлично относятся к его употреблению другими людьми. Обычно мат используется ими в компании друзей. На наш взгляд, последнее обстоятельство обусловлено, прежде всего, тем, что люди данного типа общительны и обращены во вне (экстраверты по натуре), а, как известно, типичный экстраверт добродушен, весел, оптимистичен, беззаботен и не всегда способен контролировать свои чувства и эмоции. Это подтверждается и анализом ценностных ориентаций. Для представителей этого кластера, типичными ценностями-целями являются наличие хороших и верных друзей и развлечения, а также рационализм и эффективность в делах как инструментальные ценности.

Второй тип, названный нами «Деятели-интеллектуалы», составляет 32% всей выборки. Лица данного типа практически не используют в своей речи мат и осуждают тех, кто это делает, включая самих себя. Но при этом выявляется один парадокс. При негативном отношении к матерной лексике, эти люди всё же выделяют ситуацию, при которой они могли бы употребить мат – это любая стрессовая ситуация. Люди этого типа спокойны, застенчивы, склонны к самоанализу, сдержаны

(интроверты по натуре), а, как известно, типичный интроверт контролирует свои чувства, его нелегко вывести из себя, кроме того он высоко ценит нравственные нормы. Для представителей данного кластера основной терминальной ценностью, а соответственно целью является жизненная мудрость. А реализовать эту цель они стремятся через такие образы действий, как рационализм, широта взглядов и эффективность в делах.

Резюмируя сказаное выше, можно сформулировать следующие основные выводы:

1) матерная брань употребляется большим количеством людей достаточно часто, как правило, в стрессовых ситуациях, а также в компании друзей и для выражения чувств;

2) подавляющее большинство молодых людей осуждающе или безразлично относится к употреблении матерной лексики в речи;

3) существует два типа личности, употребляющей матерную лексику. Типы условно названы «Гедонист-матерщинник» и «Деятель-интеллектуал».

Библиографический список

1. Агрессия: понятие, подходы, диагностика: учебно-методическое пособие / сост. Л. И. Дементий, В. Е. Купченко. Омск: ОмГУ, 2001.

2. Альманах психологических тестов / под ред. Р. Р. Римских. 3-е издание. М.: КСП, 1996.

3. Гуц Е. Н. Ненормативная лексика в речи современного городского подростка. М.: Дрофа,1994.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ В СФЕРЕ ВИРТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ (НА ОСНОВЕ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА МНЕНИЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ РУНЕТА)

Е.И. Косивченко

Долгое время пользователи Интернета ищут в виртуальной сети свою нишу, комфортную и отвечающую их требованиям к жизни online. Этот процесс непрерывен – начавшись много лет назад, он продолжается до сих пор. Поиск начался с безликого обмена данными, который производился из единственного места хранения на сайты по всему миру. Позже появилась личная электронная почта, которая ярче отражала человека в сети, но еще не так полноценно, как сегодня. Вскоре и эти рамки стали слишком узки – у человека появлялась потребность заявлять о себе. Активно начали создаваться личные сайты,

чаты, форумы, блоги. С каждым новым шагом пользователь приближался к своему уникальному «Я» в сети Интернет.

В чатах, программных месенджерах (ICQ), на форумах пользователи применяли в качестве самоидентификации «ники» (вымышленные имена). Появление блогов так же началось с весьма ощутимого присутствия страниц, чьи хозяева были анонимны. Параллельно появлялась практика двойной жизни, когда человек вел два блога: один, где его личность была известна, и другой – под маской. Пользователи меняют имена, образы, играют с возрастами и полами, исследуя новые границы своего виртуального «Я». [2] Тот факт, что в Интернете люди создают себе некие «виртуальные личности», создает дополнительные возможности для изучения идентичности. Вопрос о том, как соотносится реальное «Я» с виртуальной личностью и, где границы между самопрезентацией, симуляцией и самоактуализацией – основной вопрос, возникающий при рассмотрении игр с идентичностью [4].

Постепенно заигрывание с собственной идентичностью и ведение сразу нескольких жизней в сети становилось все менее интересным и все более утомительным. Это привело к появлению на виртуальной сцене социальных сетей, чья идея изначально заключалась в предоставлении реальной личности во всемирной паутине, которую могли бы узнать знакомые и с которой могут познакомиться незнакомые люди. Эта идея была активно поддержана «жителями» мировой сети. Несомненно, остаются те, кто не желает афишировать в сети свои личные данные и «срывать маски», но по сравнению с ситуацией десятилетней давности их составляет значительное меньшинство.

Говоря о сложной структуре образа «Я» пользователей социальных сетей, нельзя не опираться на источники – мотивы и потребности, стимулирующие его к взаимодействию с внешним миром, в том числе и миром виртуальным. Потребность – внутреннее условие, одна из обязательных предпосылок жизнедеятельности, направляющая и регулирующая конкретную деятельность субъекта в определенной среде. Функции Интернет-среды можно разделить на три основные группы: удовлетворяющие потребности человека как индивида, как личности; удовлетворяющие потребности определенных социальных групп и человека как члена группы; удовлетворяющие потребности общества в целом как целостной социальной системы и соответственно человека как члена общества. [1] Социальные сети заключают в себе немного от каждого из этих типов. С их помощью пользователи реализуют множество своих потребностей, которые стали предметом нашего исследования.

Исходя из этого, можно выдвинуть гипотезу: многоплановое и гибкое виртуальное пространство, предоставляемое современными социальными сетями, позволяет личности реализовать возникающие у нее потребности, которые, возможно, фрустрированны в реальной жизни или реализованы в недостаточно желаемой степени.

Многие зарубежные и отечественные ученые представляли свои классификации потребностей. Например, польский психолог К. Обуховский насчитал 120 классификаций. П. М. Ершов в своей книге «Потребности человека» считает наиболее удачными две классификации: Ф. М. Достоевского и Гегеля. Каждая из их классификаций – оригинальна, но узконаправленна, непригодна для общего применения. [3] Помимо этого существует множество теорий мотивации: двухфакторная теория Ф. Герцберга, теория мотивации Д. МакКлеланда, К. Альдерфера. [1]

На наш взгляд, наиболее подходящей для данной работы является классификация потребностей А.Г. Маслоу, предложенная им в 1954 году. [5] Иерархия человеческих потребностей по А.Г. Маслоу представлена в семи ступенях (по возрастанию):

1. Физиологические потребности (голод, жажда, половое влечение и т. д.).

2. Потребность в безопасности (чувство уверенности, избавление от страха, неудач).

3. Потребность в принадлежности и любви.

4. Потребность в уважении (достижение успеха, одобрение, признание).

5. Познавательные потребности (знать, уметь, исследовать).

6. Эстетические потребности (гармония, порядок, красота).

7. Потребность в самоактуализации (реализация своих целей, способностей, развитие собственной личности).

Все эти потребности в большей или меньшей степени реализуются личностью в виртуальной социальной сети.

В рамках работы, направленной на изучение потребительского поведения пользователей ведущих российских социальных сетей – «Вконтакте. ру» и «Одноклассники. ру», – нами был проведен контент-анализ мнений пользователей этих сервисов, которые они оставляли на страницах одного из тематических сайтов. На момент проведения исследования в опросе приняли участие более 450 человек. В контент-анализе были учтены 416 ответов (за вычетом некорректных). В числе ответивших 176 мужчин и 208 женщин, пол не определен у 32 ответивших. Пол отвечающих мы определяли по выбранному «нику»

или по контексту сообщений. Однако гендерный срез в ответах мы не принимали во внимание, поскольку, в ходе работы было выяснено, что с точки зрения полов, ответы пользователей не отличались друг от друга.

Опрос был запущен в 2007 году и продолжается до сих пор, поэтому у нас появилась уникальная возможность пронаблюдать динамику мнений и удовлетворенностей социальными сетями Рунета. Стоит отметить, что изучаемая нами среда крайне быстро развивается и совершенствуется – порой то, что еще вчера было недостатком, сегодня уже привлекательное достоинство сайта.

В соответствии с иерархией А.Г. Маслоу, можно систематизировать потребности личности в социальной сети следующим образом:

1. *Физиологические потребности* – удовлетворяются посредством социальных сетей в виде возможности получения необходимой информации для жизнедеятельности личности. Она выражается в том, что личность в социальной сети чувствует себя причастной к обществу с постоянным притоком информации. Пользователи видят ценность Интернета, как источника информации, средства общения и взаимодействия с обществом, равноправного участия в его жизнедеятельности (1. регистрация в самой социальной сети, состояние в тематических группах и сообществах (35,6% пользователей «Вконтакте»); 2. причастность к широчайшей студенческой базе данных (12,3% пользователей «Вконтакте»); 3. доступность информации о других пользователях (6,14% – пользователей «Вконтакте», 4,55% – пользователей сайта «Одноклассники»); 4. возможность быть в курсе личной жизни других интересующих пользователей (16% пользователей «Вконтакте», 9,1% – пользователей сайта «Одноклассники»).

2. *Потребность в безопасности* – в условиях активно развивающегося информационного общества складываются иные правила, нормы и типы социальных взаимодействий. У человека может появиться чувство дезориентации в социуме, потеря или невозможность определения своего места в нем. Эту глобальную проблему на уровне социальных сетей личность решает с помощью анонимности, настроек приватности, «бесследности» на страницах, дифференциации круга своего общения и т. д. (10,43% – «Вконтакте», пользователи сайта «Одноклассники» вовсе не оставили *одобрительного* мнения на этот счет, в то время как 19,7% ответивших недовольны открытостью и незащищенностью своей личной информации; отсутствием анонимности недовольны 25% ответивших пользователей сайта «Одноклассники».) Так же можно назвать позитивным фактором и то, что пользователи

имеют в своем распоряжении фактически неограниченные информационные ресурсы Интернета, которые свободно размещают и обсуждают на страницах сайта.

3. *Потребность в принадлежности и любви (социальная потребность)* – человек нуждается в ощущении принадлежности к определенным социальным слоям и группам, он очень остро воспринимает возможность одиночества и изоляции. Ему необходимо не просто быть частью какого-то процесса, но и принимать в нем активное участие, контролируя и формируя его, имея право выбора, за что в результате он готов нести ответственность. Для этого в социальных сетях пользователи активно вступают в тематические группы и сообщества (35,6% «Вконтакте»), четко дифференцируют круг своего общения (3,7% «Вконтакте»).

4. Потребность в уважении – в современном мире многим людям трудно устанавливать и поддерживать социальные контакты, отстаивать свое положение по отношению к другим в сообществах. В социальных сетях пользователи имеют возможность как самостоятельно по выбору устанавливать контакты, так и прекращать их. В свою очередь свойственная соц. сетям возможность формирования под своим реальным именем свое идеальное «Я» в социальных сетях, обогащает возможности самопрезентации человека (44% «Вконтакте»). Он конструирует свою идентичность по своему выбору, нередко увлекаясь этим процессом. С другой стороны пользователь может лучше узнать интересующего его человека, что упростит процесс знакомства с ним (9,21% «Вконтакте», 4,55% «Одноклассники»), это раскрепощает его и сближает с нужными людьми.

5. *Познавательные потребности* – как в Интернете в целом, так и в социальных сетях в частности, эти потребности выражается в возможности получения новой развивающей информации текстового характера на любую интересующую тему, уникальных материалов аудио- и видео-формата, развивающих кругозор личности и т. д. (69% «Вконтакте», 10,3% «Одноклассники»).

6. *Эстетические потребности* – выражаются в основном в желании иметь в своем распоряжении удобные и комфортные сервисы, отвечающие потребностям удобства работы и поиска, привлекательности интерфейса, удобства с точки зрения функционала и т. п. («Вконтакте» – 78,7%, «Одноклассники» – 18,2%).

7. *Потребность в самоактуализации* – выражается в возможности самовыражения, применения своих способностей, приобретении нового опыта. Особенности среды социальных сетей Интернета предостав-

ляют личности практически безграничные возможности для самовыражения и самореализации через написание текстовых заметок, публикация в сети своих творческих работ с возможностью получения отзывов, их реализации и получения прибыли (38,2% «Вконтакте», 9,1% «Одноклассники»).

Подводя итоги проведенного исследования, можно утверждать, что выдвинутая нами гипотеза доказана – попадая в виртуальные социальные сети, человек реализует свои наиболее актуальные в данный момент времени потребности. Удовлетворив низшую физиологическую потребность быть частью сообщества, вступив в него и заняв свое место, он ступень за ступенью движется дальше. Говоря об этом, наиболее уместно будет употребление понятия – *аутентичность*. Аутентичный человек развивает свои психологические потребности, стремясь полнее реализовать те способности, которыми он обладает, изыскивая для этого новые пути и возможности. Значимость социальных сетей Интернета для аутентичной личности заключается в удовлетворении потребностей: в постоянном притоке интересующей информации; в общении и обмене мнениями об актуальных проблемах, ситуациях, процессах, а так же в отношении собственных творческих и интеллектуальных достижений; в развитии общего кругозора, повышающего интеллектуальный уровень личности в целом; в развлечениях, планировании своего досуга и отвлечении (уходе, от повседневных дел и обыденности окружающей жизни) [1]; в выработке навыков формирования мнения о себе и представлений о других людях, дифференцируя круг своего общения.

Интернет является средой активного формирования нового качества отношений личности и социума, нового типа культуры взаимодействия, где временные и территориальные раки сводятся к минимуму и расширяются рамки возможностей. Социальные сети – это относительно новое виртуальное общество, которое существует неотрывно от реального, неизменно пересекаясь с ним и дополняя его.

Современная ситуация развития социальных сетей очень стремительна и с трудом поддается прогнозированию. Вместе с этим происходит активное формирование проблемного поля для многих наук, в том числе и психологической. Для прогнозирования динамики потребительского поведения личности в виртуальных социальных сетях, а, следовательно, для формирования представления об образе «Я» личности пользователя социальной сети требуется продолжительная аналитическая и исследовательская работа, ставящая перед собой серьезные практические задачи.

Библиографический список

1. Алиева Н. З., Ивушкина Е. Б., Лантратов О. И. Становление информационного общества и философии образования: монография. URL: http://www. rae. ru/monographs/23-643
2. АсмоловА. Г., Асмолов Г. А. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформация идентичности в виртуальном мире // Вестник московского университета, сер. 14, Психология, 2010, №1. С. 10-11
3. Бережной Н. М. Человек и его потребности. 2000. URL: http://lib. vvsu. ru/books/servis/page0001. asp#xex1
4. Жичкина А. Е. Социально-психологические аспекты общения в Интернете, 2003. URL: http://flogiston. ru/articles/netpsy/refinf
5. Маслоу А. Г. Мотивация и личность. К.: PSYLIB, 2004. URL: http://psylib. org. ua/books/masla01/index. htm

ОСНОВНЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СТУДЕНТА, ПОЛУЧАЮЩЕГО ВТОРОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Е.В. Кружкова, С.Д. Некрасов

Для граждан современной России растет важность получения высшего профессионального образования, а в последние годы все больше и больше специалистов с высшим образованием принимают решение о получении второго высшего профессионального образования.

Возникают вопросы, зачем зрелому человеку необходимо второе высшее образование, каковы ведущие профессиональные ориентиры самосознания студента, получающего второго высшего образование, есть ли личностные особенности у студентов, различающихся профессиональными ориентирами на получение второго высшего образования. Поиску ответов на эти и подобные вопросы посвящено настоящее исследование.

В жизни зрелого человека важными личностными ориентирами является построении собственной профессиональной траектории, получение профессиональной компетентности. Человек, окончив вуз, как правило, находит себе работу, как по полученной специальности, так и по другой специальности. Во многом этому способствует сложная социально-экономическая ситуация, характеризуемая неопределенностью отечественного рынка труда, рассогласованностью системы подготовки кадров и потребности в трудовых ресурсах.

Установлено (А. К. Абульханова-Славская, А. Н. Демин, Э.Ф. Зеер, С. Л. Рубинштейн и др.), что на этапе профессионального развития выпускника вуза, как субъекта труда происходит вхождение молодого специалиста в систему профессиональных и межчеловеческих отношений, формирование и развитие его профессионального самосознания, обретение истинной профессиональной компетентности. Обретая опыт человек как субъект труда, вырабатывает собственное профессиональное самосознание, в том числе собственное отношение к своему труду, самооценку результатов труда, представления о себе как профессионале. Профессиональное самосознание является одним из ведущих компонентов личности человека, содержащее ориентиры на решение человеком профессиональных задач, хотя и не лишенные внутренних противоречий, влияющие на выработку своей профессиональной траектории, собственной профессиональной позиции [1, 2, 3, 4].

Согласно исследованиям Э. Ф. Зеера, человека волнует постоянное уточнение своего места в мире профессий (либо конкретной профессии), и это постоянное уточнение своего профессионального места является важным фактором, определяющим для человека получение второго высшего образования, влияющим на его образ профессионального будущего [3]. По мнению А. Н. Демина «индивидуальный кризис занятости, с одной стороны, фиксирует индивидуальные, т. е. переживаемые отдельной личностью, формы социально-экономической динамики, переводя, таким образом, социальные и экономические процессы в плоскость психологических явлений. С другой стороны, он является частью жизненного пути личности, дополняет известные кризисы личности имеет свою специфику» [2, с. 27].

Можно предположить, что осознание собственной профессиональной компетентности для одних специалистов становится важной ценностью, регулятором повышения квалификации. У других порождает сомнения в правильности выбора будущей профессиональной траектории, сомнения влияют на изменение профессиональной траектории. Для первых, профессиональными ориентирами становятся самореализация в выбранной трудовой сфере, ориентиры на профессиональный рост. Для вторых, ориентиры на получение другой профессии становятся существенными. Скорее всего, ведущими профессиональными ориентирами зрелого человека являются ориентиры на профессиональный рост или ориентиры на получение другой профессии, при-

чем имеется связь профессиональных ориентиров человека и свойств его самосознания.

Для поиска подтверждения предположения было проведено исследование, направленное на выявление основных профессиональных ориентиров студентов, получающих второе высшее образование по направлению «Психология», и связи ориентиров со свойствами самосознания. Исследование было проведено на базе выборочной совокупности студентов Кубанского государственного университета, получающих второе высшее профессиональное образование по направлению «Психология». Объем выборки – 76 респондентов, возраста 30,4±7,1 лет. Для выявления основных профессиональных ориентиров респондентов были разработаны частично структурированное интервью «Причины получения второго высшего образования» и опросник «Самооценка профессиональных способностей». Для исследования свойств самосознания были использованы опросник «Кто Я», созданный М. Куном и Г. Макпартлендом, а также методика измерения мотивации профессиональной деятельности К. Замфир в модификации А. Реана.

Проведенное исследование позволило выделить три группы основных профессиональных ориентиров студента:

– ориентация в основном только на профессиональный рост;

– ориентация в основном только на смену профессии;

– сбалансированные ориентиры, как на профессиональный рост, так и на смену профессии.

Анализ статистически значимых ($p < 0,05$) отличий свойств самосознания студентов, получающих второе высшее образование, позволил выделить особенности самосознания студентов, отличающихся профессиональными ориентирами.

Студенты, ориентированные в основном только на профессиональный рост, высоко оценивают собственные профессиональные знания и умение применять эти знания на практике, при этом считают для себя наиболее важным повышение уровня уже имеющихся знаний и способностей, а также получение новых знаний, которые помогут им в продвижении по службе. Студенты стремятся получать удовлетворение от самого процесса работы, при этом для них важнее повышение материального достатка, способствующего улучшению их собственного уровня жизни и их семьи. Они стремятся к стабильности и продвижению по карьерной лестнице теми путями, которые не потребуют от них серьезной ответственности, но принесут значительный доход. Скорее всего, выбранный профессиональный путь для них является

одной из основных ценностей собственной жизни, которая повлияла на выбор второго высшего образования.

Студенты, ориентированные в основном только на смену профессии, не чувствуют уверенности в своих профессиональных знаниях, переживают неуверенность в своих способностях и эффективности в работе, но высоко оценивают свои возможности к самообучению стремятся к тому. Для них важно, чтобы сам процесс работы приносил им удовлетворение, которого сложно достигнуть в выбранной профессии, поэтому для них важным является получение новых знаний и обретения способностей решать новые профессиональные задачи. Для студентов является важным получение признания окружающих их людей и коллектива, поэтому они пытаются освоить новую профессию, которая может помочь им в достижении этой цели. Вместе с тем, им необходимо постоянство в работе, уверенность в том, что они могут обеспечить себя и свою семью, поэтому они готовы уделить профессиональной переподготовке значительную часть своего времени. Скорее всего, сомнения правильности выбора профессионального пути, является основным регулятором получения второго высшего образования.

Студенты со сбалансированными ориентирами как на профессиональный рост, так и на смену профессии достаточно высоко оценивают собственную профессиональную компетентность, свои способности профессионального общения с коллегами и руководством, свой интеллектуальный багаж. Они полагают, что в какой-то мере достигли социального престижа и уважения со стороны других, они успешно выполняют поставленные профессиональные задачи. При этом студенты этой группы осознают наличие собственного свободного времени, как для выполнения профессиональных задач, помимо основной работы, так для обучения, приобретения знаний, обретения способностей решать задачи, о «которых мечтал в юном возрасте». Для части студентов этой группы получение второго высшего образования является средством, чтобы занять свое личное время интересным занятием. Ценности самоактуализации для студентов со сбалансированными ориентирами являются основным регулятором получения второго высшего образования.

Подытожим. Исследование позволило выявить основные регуляторы получения второго высшего образования зрелым человеком.

Для одних студентов регулятором являются личностные ценности выбранного в юном возрасте профессионального пути, собственной работы.

Для других регулятором являются личностные сомнения в правильности выбора профессионального пути в юности, неудовлетворенность от процесса и результатов работы.

Для третьих регулятором являются ценности самоактуализации в профессии и осознание необходимости занять собственное свободное время интересным обучением.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М., 1980.

2. Демин А. Н. Личность в кризисе занятости: стратегии и механизмы преодоления кризиса. Краснодар, 2004.

3. Зеер Э. Ф. Психология профессий. М., Екатеринбург, 2003.

4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2006.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ТРУДОМ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ

В.И. Крыцына

В психологии и социологии ученые проявляют все больший интерес к исследованию профессиональной деятельности человека, поскольку именно профессиональная деятельность является одним из главных направлений становления человеческой сущности. Профессиональная жизнь человека во многих аспектах является не просто трудовой деятельностью, а мотивируется стремлением к достижению определенного социального и должностного статуса, к самореализации и успеху в профессии.

Часто поднимаемый в исследованиях вопрос в рамках профессиональной жизни человека – это фактор удовлетворенности трудом. Тема удовлетворенности трудом является одной из значимых, так как от степени выраженности этого параметра зависят такие показатели, как производительность труда, психическое и физическое здоровье человека, использование его индивидуальных ресурсов, профессиональная успешность.

Этой теме посвящено немало публикаций отечественных и зарубежных психологов, где выявлялась связь удовлетворенности трудом с удовлетворенностью жизнью; влияние особенностей мотивационной сферы личности на удовлетворенность трудом; связь этого феномена с возрастом, полом, образованием, социальным статусом и другими характеристиками личности. Но зачастую остается без внимания, на наш

взгляд, одна из главных сторон в этой теме: что же психологически означает человек как профессионал, его смысловая сфера, какими смыслами он наделяет свою профессию? Несмотря на такое обилие работ, сами понятия «удовлетворенность трудом» и «слагаемые удовлетворенности трудом» имеют различные толкования у авторов, что говорит о сложности и неполной проработанности темы.

Наше исследование направлено на изучение удовлетворенности трудом личности сотрудника пожарной охраны посредством обращения к анализу его смысловой сферы через эмоционально – оценочный компонент. Поскольку эта профессия связана с риском для здоровья и жизни, требует адаптации к опасным ситуациям и подчинения ей своей жизнедеятельности, то для нас интересно поле смыслов человека, пришедшего в рискоопасную профессию.

Для начала разберемся с понятием «удовлетворенность трудом». Каждый автор дает свое определение в зависимости от области исследования [3]. Известный отечественный социолог Л. С. Бляхман считает, что удовлетворенность трудом является характеристикой степени соответствия между требованиями работника к условиям трудовой деятельности и уровнем их реализации на предприятии. К. Замфир дает определение этого понятия, исходя из понимания той роли, которую труд играет в жизни человека. Она определила удовлетворенность трудом как показатель того, насколько потребности и мотивы человека реализуются в трудовой деятельности. В свою очередь, Л. Джуэл подчеркивает, что удовлетворенность трудом – это психологический конструкт, наличие и степень выраженности которого влияет на профессиональное поведение человека.

На сегодняшний день сложилось немало подходов к пониманию феномена удовлетворенности трудом. Его интерпретируют как показатель: отношения к труду; показатель социального статуса индивида и как мера адаптации индивида к социальной реальности; степень адаптации работника к производственной ситуации; степень соответствия личностных и вещественных факторов производства; характеристика трудовой активности; показатель успешности трудовой деятельности и т. д. [2].

Д.Ю. Кузнецов, Ю.П. Поваренков, Н.А. Цветкова рассматривали динамику изменения удовлетворенности трудом в зависимости от профессионального стажа. Как эмоциональное состояние удовлетворенность трудом может быть положительным или отрицательным, в зависимости от оценки субъекта степени реализации компонентов его мотивационной сферы в рамках данной профессиональной деятельно-

сти. Потребности, установки, профессиональные интересы и убеждения могут выступать в качестве слагаемых мотивационной сферы, которые оказывают непосредственное влияние на удовлетворенность трудом. Человек тогда удовлетворен трудом, когда обнаруживает, что в профессиональной деятельности заключены такие свойства, особенности и характеристики, которые соответствуют его интересам, убеждениям, установкам и могут стать предметами его потребностей [3].

Ронгинская Т. И., рассматривая организационные факторы удовлетворенности трудом как показатель психического здоровья сотрудника, выделила особое место субъективной оценке успешности профессиональной деятельности, которая является отражением индивидуально-психологической установки работника по отношению к роду, объёму и качеству исполняемой деятельности [5].

Один из основных подходов в рассмотрении удовлетворенности трудом исходит из понимания труда как процесса удовлетворения потребностей человека (Т. А. Китвель, В. А. Ядов, А. А. Киссель, И.М. Попова и другие). Таким образом, в теорию удовлетворенности трудом вводятся такие термины, как потребность, мотив, отношение, установка. Следовательно, в соответствии с этим направлением, удовлетворенность трудом рассматривается как оценка степени насыщения потребностей, которые личность стремится удовлетворить в процессе труда. В исследованиях, касающихся удовлетворенности трудом, структура удовлетворенности в большинстве случаев рассматривается в виде структуры мотивов или факторов удовлетворенности [2].

А. А. Грачев, рассматривая организационные факторы удовлетворенности трудом и жизнью рабочих и служащих, выявил, что удовлетворенность работой у рабочих определяется факторами, связанными с самореализацией, так же большую значимость имеют рабочие установки в коллективе [1].

К удовлетворенности трудом обращался и Андре Бюссинг, считая, что удовлетворенность трудом и трудовая мотивация являются взаимосвязанными факторами, которые оказывают влияние на деятельность и поведение в организации. Исследователь рассматривает эти два аспекта в качестве очень важных ресурсов. Согласно его мнению, удовлетворенность трудом должна интерпретироваться как результат сложного процесса взаимодействия между человеком и его рабочей ситуацией. [4].

Как мы видим, исследования затрагивают разные аспекты удовлетворенности трудом: это и взаимосвязь этого явления с мотивацией, и зависимость от профессионального стажа, и удовлетворенность тру-

дом как показатель психического здоровья, также как и факторы удовлетворенности трудом и жизнью. Удовлетворенность рассматривается как мера удовольствия, которое получает работник от своей работы: объективные условия труда и личностные особенности работника определяют интерпретацию условий работы, что и формирует в конечном счете удовлетворенность. В нашей работе за основу взято понятие Д. Ю. Кузнецова, который полагает, что удовлетворенность трудом – это эмоциональное состояние, которое является результатом определенной оценочной деятельности человека. И практически в каждом исследовании авторами признается связь удовлетворенности с мотивационной сферой личности, так же влияние профессионального статуса и содержания труда: чем выше статус и богаче содержание труда, тем выше удовлетворенность.

В своей работе мы обратились к смысловому полю личности пожарного, чья деятельность связана с экстремальными ситуациями. В центре нашего внимания находился эмоционально-оценочной компонент представлений испытуемых о своей профессии, о ее значимости и мотивах выбора, о себе как профессионале. категории как показателя удовлетворенности трудом.

Для сбора эмпирического материала мы применяли две группы методик: на выявление ценностно-мотивационной сферы служащего пожарной охраны и на выявление представлений: метод неоконченного предложения, метод семантического дифференциала; методика М. Рокича «ценностные ориентации», мотивация профессиональной деятельности (методика К. Замфир в модификации А. Реана). Параметры, которые мы рассматривали, были: мотивация профессиональной деятельности, представление образа Я в профессии, представление о профессии, представление о Другом (Спасаемом) и ценностные ориентации сотрудника. Также для получения более полной смысловой картины личности, нами использовалось качественное феноменологическое исследовательское интервью.

В определении удовлетворенности трудом было сформировано две группы сотрудников: «удовлетворен» и «слабо удовлетворен».

Обратимся к мотиву выбора профессии, насколько этот выбор был сознателен. Это довольно сложный мотивационный процесс, от которого будет зависеть удовлетворенность работника своей деятельностью. В определении мотива выбора профессии мы руководствовались классификацией Э. С. Чугуновой. Она выделяет доминантный тип профессиональной мотивации (устойчивый интерес к профессии), ситуативный тип профессиональной мотивации (влияние привходящих

жизненных обстоятельств, которые не всегда согласуются с интересами человека) и конформистский тип профессиональной мотивации (влияние со стороны ближайшего социального окружения – советы родных, друзей, знакомых) [4]. Анализ полученных данных показал, что из 14 опрошенных человек только трое можно отнести к доминантному типу профессиональной мотивации: «…с детства мечтал быть пожарным», «служил в армии в пожарных войсках. Понравилось. Решил продолжить дальше», «раздумий не было. Только в пожарные». Три человека – ко второму типу мотивации: «жизненные обстоятельства заставили. Пришлось выбрать именно эту профессию». Остальные же восемь человек – к конформистскому типу профессиональной мотивации: «мне предложили, и я пошел», «служили несколько товарищей в пожарных войсках и мне предложили», «отчим здесь работал, мне посоветовал» и т. д.

К группе пожарных, «удовлетворенных» трудом, относится 4 человека из 14. Это, во-первых, 3 человека с доминантным типом профессиональной мотивации и 1 пожарный – с конформистским типом. К «слабо удовлетворенной» группе – 10 человек – это доминантный и ситуативный тип мотивации.

Анализ ценностных ориентаций показал, что в группе «удовлетворенных» среди терминальных ценностей предпочтение отдается таким параметрам, как здоровье, любовь, счастливая семейная жизнь, активная деятельная жизнь и 5-ое место разделили 2 качества: жизненная мудрость и наличие хороших друзей. Среди инструментальных ценностей – твердая воля уверенно занимает первые позиции в списке у всех четырех человек, смелость взглядов и третье место разделяют такие качества как воспитанность и честность.

У «слабо удовлетворенных» предпочтения среди терминальных ценностей немного отличается. Все десять человек выделили те же качества: любовь, здоровье, счастливая семейная жизнь, наличие хороших друзей и 5-ое место заняли два параметра: интересная работа и активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни). В рамках инструментальных ценностей: аккуратность, воспитанность и жизнерадостность.

Разница существенна в инструментальных ценностях между первой и второй группами. В первой группе пожарные особое место отвели твердой воле и смелости взглядов, в то время как во второй – это были аккуратность и воспитанность. Интересен тот факт, что во второй группе среди терминальных ценностей 6 человек из 10 выделили интересную работу.

Следующий аспект, который мы изучали, – это «представление о профессии», его эмоционально-оценочный компонент. Нами рассматривалось представление служащего до поступления на работу и после. Мы получили следующие данные. В первой группе у двух человек до поступления на работу был предшествующий опыт, они знали, куда и зачем идут: «… я в армии служил в пожарных войсках. Работа понравилась, и я пошел дальше. Устроился сюда», «… я служил в особых войсках, и там служба подготовила к риску». У остальных двух – не было опыта, но было огромное желание: «… мечта детства. С детства мечтал быть пожарным», «… особых раздумий не было, когда стоял выбор. Хотелось именно в пожарные и никуда больше». «С течением времени отношение к профессии немного меняется, так как ты начинаешь видеть смысл своей деятельности»,- ответ 3-х из 4-х человек. Ценность выбранной профессии видели в том, что «мне просто нравится моя работа-профессия пожарного», «мне нравится тем, что я вижу результат своей работы. Я действительно могу помогать людям. Здесь случайных людей нет», «… работа должна приносить удовлетворение. Я, например, реализовал себя в этой профессии. А основная ценность для меня – оказание помощи людям», и один пожарный ответил, что ему нравится коллектив, и он сразу прибрел много друзей. На вопрос о том, что значит быть профессионалом в данном виде деятельности, 2 человека из 4-х дали четкие и лаконичные характеристики, остальные же 2 ответили, что такого понятия в данном виде деятельности нет. На вопрос: считают ли они профессию пожарного работой или призванием в первой группе все ответили, что это призвание.

Во второй группе ни у кого не было представления о профессии пожарного и соответственно предшествующего опыта: «… опыта не было. Так сложились обстоятельства», «… жизненные обстоятельства заставили. Пришлось выбрать эту работу», «… у меня отчим работал. Слышал его отзывы. Решил попробовать. Понравилось. Остался», «… решил поменять профессию» и т. д. Ценность данного вида деятельности 6 человек из 10 увидели в помощи людям, тушении пожаров, спасении имущества. Ответы четырех остальных работников были следующими: «… кто-то все равно должен. Нравится удобным графиком работы и коллектив», «… профессия важная, без нее никак», «… выслуга лет, стаж, на пенсию. Больше ничего такого нет, здесь больше ничего не получишь». На вопрос, что значит быть профессионалом, 2 работника пожарной охраны не дали четких определений каких-либо навыков или умений, указав на количество проработанных лет: «… когда много практики, долго проработал», «… это долгий процесс». Еще

несколько ответили: «… в этой профессии такого нет: профессионал или не профессионал. Просто делаешь работу». Остальные работники четко определили на их взгляд необходимые качества профессионала, обозначив их как решительность, выдержка, умение правильно оценить сложившуюся ситуацию на пожаре, уважение к пострадавшим людям, выносливость и ряд других параметров. Вопрос о том, является ли работа пожарного призванием или работой, 1 человек ответил, что «… это, скорее всего, призвание, так как понравился распорядок: работа 2 через 2», еще несколько человек обозначили как «… наверно, больше призвание», один сотрудник заметил: «… кому-то надо выполнять эту работу. Кто-то должен это делать. Это – не призвание, так как у меня уже были предпосылки несколько раз уволиться…». И почти все остальные относятся к этому как «работа – есть работа, как и все остальные».

Итак, «представление о профессии» в группе «удовлетворенных» четко обозначено, так как до поступления на работу был предшествующий опыт и желание работать именно в этой сфере деятельности. Они точно знали, куда и зачем идут. На вопрос о ценности профессии пожарного звучали развернутые ответы людей, которые красноречиво говорили о том, что выбранная профессия им нравится, что они получают удовлетворение от труда. И все 4 человека обозначили профессию пожарного – своим призванием.

Во второй группе картина меняется: ни опыта, ни особого желания работать в этой сфере не было. В основном шли на эту работу из-за сложившихся обстоятельств или по совету кого-либо. Ценность профессии часть опрошенных пожарных видели в прямом ее назначении (тушении пожаров, спасении людей и имущества), а часть – в графике работы, стаже, выслуге лет. А что такое быть профессионалом – картина в первой и во второй группе примерно идентична: кто-то обозначает черты характера, профессиональные умения и навыки, а кто-то считает, что такого в этой профессии нет или все дело в количестве проработанных лет. На вопрос о призвании один сотрудник, не задумываясь, четко ответил, что это не является его призванием, так как несколько раз возникали предпосылки уволиться.

Изучение «представления образа Я в профессии» показало, что в первой группе три человека полагают, что профессия сказалась на их характере и мировоззрении: «… взгляд на жизнь немного меняется. Эта работа все время показывает насколько тонкая грань между жизнью и смертью. Стал более внимательным и решительным… », «… стал ответственнее относиться ко многим вещам, на мир по-другому

посмотрел. Стал более сдержан в поступках и мыслях…», «… за годы работы вырабатывается профессионализм, знаешь, что и как делать. Меня профессия научила дружбе и сплоченности в коллективе…». И только один пожарный ответил, что эта сфера деятельности никак на него не повлияла, хотя «… эта профессия заставляет его самосовершенствоваться и быть более ответственным».

Во второй группе на 3-х человек эта профессия не оказала особого влияния: «… на характере особо не сказалась. Работа как работа, как и у всех…», «… наверно, ничего не приобрел, не потерял. Работа особо не повлияла», «… привычка помогает справиться с работой…». Остальные считают, что коррективы были внесены: «… конечно характер меняется. Где-то в лучшую, где-то в худшую сторону. Стал по-другому на жизнь смотреть. Начинаешь ценить жизнь человека», «…получаешь жизненный опыт, учишься на ошибках других…», «вероятно, стал более осторожный…», «… учишься жить в коллективе, общаться…» и т. д. Сравнение результатов исследования в группах испытуемых позволяет прийти к выводу: поскольку профессия связана с постоянным риском и опасностью для жизни как самого пожарного, так и людей, которых он спасает, эта область не могла ни повлиять на характер и мировоззрение человека. Из всех опрошенных независимо от группы («удовлетворенные», «слабо удовлетворенные») только несколько пожарных считают, что профессия никак не повлияла на них, все же остальные – противоположного мнения.

При изучении «образа Другого» (Спасаемого) в двух группах был, можно сказать, образ собирательный – «человек», только несколько пожарных явно выделил детей и стариков с сопутствующими этим событиям эмоциями: горечь и сожаление. «… на меня большое впечатление оказывает тот факт, когда погибают дети. Горько…», «мы зашли в задымленную зону, так как там была девочка. Мы ее вытащили к машине скорой помощи. Она была жива. Сразу испытываешь чувство гордости! Ничего себе, ребенка спас?!». То есть, независимо от группы мало кем из опрошенных был ярко выделен образ Спасаемого.

Итак, подведем итоги нашего исследования. Изучая эмоционально-оценочные компоненты сотрудника пожарной охраны в двух группах, мы видим, что наиболее устойчивы и постоянны в своем интересе к работе те сотрудники, у которых был предшествующий опыт или желание работать именно пожарным. Такие работники быстрее адаптируются к новым условиям труда, без особых трудностей находят общий язык с коллективом и при этом получают удовлетворение от своей деятельности. Выбор профессии у такого человека осознан и,

как правило, он обладает твердой волей и смелостью взглядов. Ценность данного вида деятельности для такого человека заключается в том, что он может себя реализовать, стремится помочь людям и профессию пожарного считает своим призванием. Следовательно, такой работник будет эффективным в труде и получать удовлетворение от выбранной деятельности.

«Слабо удовлетворенный» – тот сотрудник, у которого, как правило, не было предшествующего опыта, заинтересованности в данном виде деятельности и выбор профессии продиктован какими-либо обстоятельствами, а не стремлением работать именно в этой сфере деятельности. И практически ни один сотрудник не считает эту профессию своим призванием.

Полученные данные могут быть полезны при приеме на работу и в работе с коллективом.

Библиографический список

1. Грачев А. А. Организационные факторы удовлетворенности трудом и жизнью рабочих и служащих // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. №62. С. 225-230
2. Ильясов Ф.Н. Удовлетворенность трудом (анализ структуры, измерение, связь с производственным поведением). Ашхабад, 1988
3. Кузнецов Д.Ю., Поваренков Ю.П., Цветкова Н.А. Профессиональный стаж как фактор изменения удовлетворенности трудом // Вестник ТГПУ. 2006. Вып. 2 (53), Сер. Психология. С. 27-32
4. Психология работы с персоналом в трудах отечественных специалистов. СПб.: Питер, 2001
5. Социально-экономическое положение России в новых геополитических и финансово – экономических условиях: реалии и перспективы развития: сб. науч. ст. СПб.: Институт бизнеса и права, 2008

НЕГАТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

И. Лымарева

В ситуации нестабильности современного российского общества индивид не может с уверенностью определить свое место в социальном пространстве, поэтому инструментом его социальной ориентации становится переживаемая им идентичность. Результат процесса становления идентичности – построение индивидом своего собственного образа (личностная идентичность) и образов тех групп, с которыми он себя соотносит и которым себя противопоставляет (социальная идентичность). Самоопределение относительно МЫ и ОНИ групп является

важнейшим условием включения человека в сеть социальных взаимосвязей.

Исследование негативной социальной идентичности является многоаспектным и носит междисциплинарный характер, поскольку затрагивает проблемы влияния социальных трансформационных процессов на формирование социальной идентичности, структуры идентичности, механизмов ее формирования, условий и последствий возникновения нарушений в становлении структурных компонентов социальной идентичности, которые исследуются в социологии, социальной психологии, культурологи и все еще остаются открытыми. Нерешенность этих вопросов, касающихся возникновения проблем в процессе социального самоопределения, делает исследование негативной социальной идентичности особенно актуальным.

«Негативная идентичность» в социологическом понимании – это «самоконституция от противного», выраженная в форме отрицания каких-либо качеств или ценностей у их носителя, персонифицирующего все, что неприемлемо для членов группы или сообщества. Проще говоря – первичная реакция на «врага» и все, что вообще кажется враждебным, на чужое и чуждое.

Теория социальной идентичности (H. Tajfel) строится на следующих общих положениях. Люди стремятся к позитивной «Я-концепции». Социальные группы или категории и членство в них связаны с позитивным или негативным ценностным смыслом, поэтому социальная идентичность может формироваться позитивным способом (переживание причастности к привлекательным группам), но также и негативным способом (заявлением отвержения или непричастности к некоторым группам).

Описывая социальную идентичность, можно выделить такую важнейшую ее составляющую, как социальные стереотипы. Под социальным стереотипом обычно понимают упрощённый, схематический, эмоционально-окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо социальной группы или общности, с лёгкостью распространяемый на всех её представителей. Другими словами, социальные стереотипы – это представления о характеристиках, свойствах и поведении членов определенных социальных групп.

В психоаналитическом прочтении в основе негативной идентичности лежит не сходство, а различие (осознанное желание быть непохожим). Негативная идентификация – это следствие тяжёлого быта и конфликтных взаимоотношений в семье, это пощечина прозе жизни и протест против отсутствия романтики и духовности, это противопо-

ложность тому, чего бы хотели родители и взрослые, это выбор в пользу деструктивного после продолжительной и бессмысленной конструктивной работы. Негативная идентификация – это преодоление своей ущербности, незащищенности, неуверенности посредством эпатажа и вызова, это длительная фиксация (застревание, зависание) в состоянии оппозиции, это разрушение способности к продуктивной работе, это размывание чувства времени и нежелание строить планы на будущее. Негативная идентификация – это изживание фрагментарного представления о себе, это лучший способ собрать себя воедино (что-то представлять собой), когда нет четкого понимания «кто ты такой» и «какой среде принадлежишь», это маргинальное состояние души, которая пытается, но пока не может обрести себя.

Показательным примером негативной идентичности могли бы послужить многие молодёжные неформальные объединения, особенно экстремистской направленности. Их контркультурная идеология имеет главной задачей противопоставление себя старшему и политически привилегированному поколению. Юношеские объединения антиобщественной направленности – это индикатор кризиса духовных ценностей. Не случайно, наиболее активно уличные группировки действуют в тех районах городов, где социальные условия жизни (от экологии до материального обеспечения) и организация культурного досуга максимально неблагоприятны (т. е. разительно отличаются от благополучных районов и не вызывают ничего, кроме общего раздражения). Однако отвержение каких-то групп, выделение их как аут-групп («Они») работает и как механизм поддержания личностной идентичности. Мы полагаем, что по характеру отвергаемых человеком групп можно получить определенную информацию о его личностной идентичности. По набору отвергаемых социальных групп можно составить психологический портрет человека.

Методом исследования стало интервью с параллельным заполнением респондентом двух опросников. Первый из них – известный тест двадцати предложений Куна-Мак-Партленда «Кто Я?». Второй опросник задает респонденту вопрос о группах людей, к которым он принадлежит, и о группах, к которым он точно не принадлежит.

Отвергаемые человеком группы обладают одной несомненной характеристикой: они тем или иным образом значимы для респондента. Одна из версии этой значимости состоит в том, что субъект активно отрицает ту идентичность, которая могла бы быть возможной для него, но отклоняется доминирующим оценочным взглядом (как внешним социальным, так и глубоко присвоенным личностно).

Анализ данных выполнялся следующим образом: суждения опросника «Кто Я?» при рассмотрении объединяются с суждениями о группах положительной идентификации. Затем рассматриваются два полюса: положительной идентификации и негативной идентификации. Полюс негативной идентификации (перечень отвергаемых групп) анализируется по возможному привлекательному компоненту, который может в них содержаться. Он должен быть антагонистичен какому-то социально одобряемому и существенному компоненту идентичности в списке положительных (принимаемых) качеств и групп принадлежности. Если эта связь находится, то конструкция считается правдоподобной.

Для иллюстрации приведем анализ двух случаев.

М. Ф., женщина, 47 лет. Набор отвергаемых («не Я!») групп: бомжи, холостые, безработные, безграмотные, бездетные. Довольно сложно найти позитивный компонент, объединяющий эти группы, но он есть: отсутствие социальной ответственности, дающее свободу. Анализ позитивных идентификации дает, как и ожидалось, большое количество социальных ролей, связанных с ответственностью и ведущих субъекта к писхологической перегрузке.

А. В., женщина, 36 лет. Отвергаемые группы: сатанисты, готы, эмо, бомжи, миллионеры. Позитивным компонентом этих групп может быть свободное выражение негативных эмоции и агрессии к окружающим с претензией на скрытую мощь. Первые шесть позиции позитивной самоидентификации по опроснику «Кто Я?» – профессиональная медсестра, уравновешенная, веселая, хороший друг, независтливая, незлопамятная – вполне обрисовывают центральный компонент позитивной идентичности: ориентацию на контроль негативных эмоции во взаимоотношениях с людьми.

Апробируемый в ходе исследования способ анализа данных интервью может найти применение в практической деятельности психологов, занимающихся проблемами индивидуального консультирования.

СОВРЕМЕННЫЙ КОУЧИНГ: ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ КОМАНДОЙ

М.В. Матыко, И.Е. Штенникова

В настоящее время коучинг, являясь симбиозом из многих наук о человеке и об обществе, вобрал в себя все самое эффективное и передовое и ставит своей задачей – создание условий, в которых человек

самостоятельно научается: отвечать на поставленные им же вопросы; понимать то, что ему важно; видеть наиболее эффективные пути достижения своих целей; проживать свою жизнь со смыслом, наполняя ее радостью.

Появление коучинга на пространствах России очень своевременно и актуально. Потому что в последние два десятилетия изменения – процесс в нашей стране непрекращающийся. В результате меняется и внутренний мир людей: идеалы, убеждения, ценности. Ценностью становится индивидуальность, неповторимость личности, обретение собственной уникальности.

Многие студенты испытывают сегодня трудности в сфере общения и партнерского взаимодействия, проявления организаторских и управленческих способностей, что в дальнейшем сказывается на будущей профессиональной деятельности. Смогут ли они реализовать свой творческий потенциал, испытывая трудности в общении и партнерских отношениях, а также в проявлении организаторских способностей в новой для них социально-трудовой сфере деятельности?

Любой специалист профессии типа «человек-человек», будь то педагог или психолог, врач или социальный работник, приступив к самостоятельной работе, быстро обнаруживает, что для успеха мало только профессиональных знаний, умений и навыков. Требуется нечто большее, а именно: умение слушать собеседника и точно выражать собственные мысли, чувствовать эмоциональное состояние партнера по общению, вникать в мотивы его поведения, устанавливать доброжелательные отношения в межличностных контактах, уметь быть организатором как своей собственной деятельности, так и уметь организовать коллектив людей [1].

Согласно С. Торпу сущность коучинга заключается в особом характере отношений при усвоении новых знаний, умений, опыта. Эти отношения располагаются на континиуме лидер-ведомый, однако роли и лидера, и ведомого, во-первых, не закреплены жестко за участниками взаимодействия, т. е. могут переходить от обучающего к обучаемому, и наоборот; а во-вторых, степень их выраженности также меняется в зависимости от развития процесса обучения. Более того, в результате коучинга реально возрастает потенциал каждой из сторон, т. е. наряду с целевым результатом коучинга для обучаемого имеется и личное (профессиональное) развитие обучающего. Такие отношения могут возникнуть в процессе руководства, наставничества, тренерства, консультирования, обучения и т. д. Для этих отношений характерно признание личных мотивов и интересов обеих сторон, опора на силь-

ные стороны обучающегося, особая эмоциональная атмосфера доверия и создания уверенности в успехе [2].

Особую актуальность тема коучинга приобретает в связи с развитием и становлением обучающейся организации. Обучающаяся организация – это та, которая эффективно отвечает на вызов изменений бизнес-среды путем создания новых технологий, и овладения новыми знаниями и умениями. Она в кратчайшие сроки интегрирует новые знания и умения для преобразования своей основной деятельности. Чтобы соответствовать таким требованиям, персоналу необходимо постоянно повышать свою квалификацию и профессиональный потенциал.

Центром взаимодействия в коучинге безусловно является общение. Для обеих сторон, но для коуча в особой степени, необходимо именно умелое ассертивное применение развитых коммуникативных умений: активного слушания, взаимного проговаривания чувств и ожиданий, задавания особым образом сконструированных вопросов, мотивирующей обратной связи. Важна атмосфера искренности и отсутствие малейших намеков на манипуляцию друг другом. Такое общение является превосходным средством личностного роста, не говоря уже о достижении целей коучинга [1].

Создание продуктивной эмоциональной атмосферы взаимоотношений в коучинге – это главное условие его успеха. На наш взгляд, прекрасная технология и прекрасное владение приемами коммуникации не создадут продуктивного коучинга, если не будут построены отношения «от сердца к сердцу». Опытные коучи знают, что это главный практический секрет. Овладение им происходит в процессе сопереживания и совместного обсуждения проблем, неудач и достижений.

Итак, придерживаясь взглядов С. Торпа, М. Рейнольдса, Дж. Харриса, мы определяем коучинг как процесс помощи субъекту в улучшении количественных или качественных характеристик его деятельности посредством отражения того, каким образом этот субъект использует специфические умения и знания. Таким образом, коучинг помогает личности выйти за рамки ее возможностей [2].

Поэтому цель нашей экспериментальной работы заключается в том, чтобы выявить позитивное влияние коучинга, как процесса управления личностным ростом человека, на развитие коммуникативной компетентности, социального интеллекта, профессиональной успешности, уровня самосознания личности студента, его социальной зрелости, а также разработать программу лично- командного коуч-тренинга для студентов с целью улучшения количественных и качест-

венных характеристик умений и знаний, ведущих к повышению эффективности учебной и будущей профессиональной деятельности, содействия тому или иному субъекту в достижении нового уровня применения своих знаний, умений и навыков в различных областях жизни.

Для достижения цели нами были поставлены и решены следующие задачи:

– изучение литературы по проблеме, в результате решения этой задачи был рассмотрен современный взгляд на коучинг;

– выявлены личностные особенности участников эксперимента, характерной особенностью которых является получение психологического образования, стремления к самопознанию и личностному росту.

Результаты, полученные нами на сегодня в ходе экспериментального психологического исследования позволяют заключить, что психологическая адаптивность, социальный интеллект, коммуникативные способности, уровень субъективного контроля и субъективного благополучия играют значимую роль в поведении, деятельности и общении студентов. При этом студенты с разным уровнем развития психологической адаптивности, локус контроля, субъективного благополучия, социального интеллекта, коммуникативных способностей по-разному проявляют себя в поведении, в деятельности и межличностном общении.

Экспериментально-психологическое исследование показало также, что определенные индивидуально-психологические личностные особенности, такие как социальный интеллект и коммуникативные способности, локус контроля, психологическая адаптивность, являясь компонентами структуры личности, и при этом недостаточно развитые приводят к дезадаптивному, конфликтному межличностному поведению и общению, низкой эффективности учебной и профессиональной деятельности.

Так, у всех испытуемых практически был выявлен средний социальный интеллект по композитной оценке. Однако по отдельным субтестам у 1/3 испытуемых в ходе обследования были выявлены низкие показатели соответствующие двум баллам, что свидетельствует о низком уровне социального интеллекта по отдельным составляющим и предрасположенности этих лиц к социальной дезадаптации в поведении, сфере общения и взаимодействия в коллективе как учебном, так и рабочем, а также низкой эффективности учебной деятельности.

Результаты УСК находятся в рамках показателей ниже среднего и в основном среднего по уровню общей интернальности. Что касается самооценки психологической адаптивности, то здесь у 60 % испытуемых наблюдается средний уровень.

По результатам исследования можно также сделать вывод, что лично-командный коучинг, предложенный студентам, является достаточно эффективным. С помощью лично-командного коучинга можно эффективно влиять на развитие социального интеллекта, коммуникативных и организаторских способностей, улучшать взаимодействие, взаимопонимание и взаимовлияние в общении с людьми, принятие себя, своего внутреннего мира, обрести внутреннюю силу и взять ответственность за свою жизнь.

Библиографический список

1. Ньюстром Дж. В., Дэвис К. Организационное поведение. Поведение человека на рабочем месте. СПб: «Питер», 2000.

2. Торп С., Клиффорд Дж. Коучинг: руководство для тренеров и менеджера. СПб: Питер, 2004.

ОСОЗНАННАЯ СТАРШИМ ШКОЛЬНИКОМ СОБСТВЕННАЯ УЧЕБНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ВАЖНОЕ ПСИХИЧЕСКОЕ НОВООБРАЗОВАНИЕ ЕГО СУБЪЕКТНОСТИ

А.С. Некрасов

Выделение структурных компонентов осознания старшим школьником собственной учебной компетентности осуществим в рамках субъектного подхода к исследованиям жизни человека, который сложился в психологии из разнородных психологических концепций психологии личности и человеческого бытия (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, Н. Я. Большунова, З. И. Рябикина, Е. А. Сергиенко, Е.А. Харламенкова и др.)

Применяя субъектный подход к исследованию основных психических новообразований старшего школьника, понятие субъект будем рассматривать как важнейшее качество человека, характеристика его активности в жизни, способ активности человека, проявляющийся в способности действовать, познавать, сознавать и добиваться цели.

Субъект – это опосредованное отношение человека к объекту в единстве с непосредственным объектом, т.е. «осознанное бытие» человека. Субъектность – это осознанный способ бытия человека, реализуемый в конкретных жизненных задачах. Считаем, что субъектный подход дает возможность системно исследовать особенности психических новообразований школьника, целостно рассматривать его на соответствующей стадии развития его личности, учитывать социальные и биологические факторы, изучать взаимодействие внешних и собственных оценок решаемых школьником задач бытия.

Возраст человека – категория психологии, обозначающая конкретную временную стадию развития человека. Соотношение индивидуальных и возрастных особенностей становления и развития субъектности человека является одной из основных проблем педагогической психологии. Несмотря на различные границы возраста, выделяемые разными концепциями, исследователи (Л. С. Выготский, В. В. Давыдов, Д. Б. Эльконин, Э. Эриксон и др.) солидарны в том, что существуют последовательные этапы (ступени, стадии, периоды) развития человека в онтогенезе. Характеристикой этапов являются психические новообразования возраста. В каждом возрасте отдельные виды деятельности становятся для ребенка ведущими, имеют большое значение для развития, а другие виды деятельности – небольшое.

В педагогической психологии особый статус имеет школьный возраст. С одной стороны, в отечественной школе для обучения школьников созданы общие условия, которые различаются по ступеням обучения (начальных, средних и старших классах). С другой стороны, обретение учебной компетентности отдельным школьником осуществляется в соответствии с его индивидуальными задатками и личностными особенностями. Следовательно, выделение особенностей обретения школьником учебной компетентности является актуальной проблемой, как педагогической психологии, так и практики обучения.

Предметом настоящего исследования являются психические новообразования человека в юношеском возрасте, границы которого исследователи связывают с социальной ситуацией в стране, оказывающей существенное влияние на формирование социальной позиции школьника, своего Я. Юношеский возраст имеет определенные возрастные границы в российской школе (от 12 до 17 лет), и называется старшим школьным возрастом.

Акцентируя внимание на психических новообразованиях старшего школьника, можно предположить, что учебная компетентность, способности старшего школьника решать задачи и разрешать проблемные ситуации может рассматриваться как основной инструмент реализации активности, характеристикой его субъектности.

Не смотря на различие психологических концепций развития личности можно выделить группы основных психических новообразований человека в юношеском возрасте (А. Р. Кирпичников, Т. И. Куликова, В. В. Селиванов, Д. И. Фельдштейн, Г. А. Цукерман и др.):

– осознание собственного Я (способность самотождественности, способности осознавать себя, осознание собственной принадлежности к определенному полу, появляющиеся личные смыслы жизни);

– осознание отношений Я и среда (способность осознавать социальные требования, способности осознавать свое приобщение к среде, ориентация на нравственный реализм, осознание необходимости развивать свои способности выстраивать отношения с Другими);

– учебная субъектность (собственный интеллектуальный потенциал, знания о возможностях собственного развития, согласованность свойств личности и познавательных функций).

Исследователями достаточно основательно описаны проблемы юношеского возраста, касающиеся осознания собственного Я и отношений Я и среда, вместе с тем, мало психологических исследований касающихся развития учебной субъектности старшего школьника. Следовательно, актуальной психолого-педагогической задачей являются исследования специфики учебной субъектности старшего школьника.

Выделение структурных компонентов учебной компетентности старшего школьника начнем с рассмотрения понятия «компетентность».

В словаре русского языка находим самое общее определение: «Компетентность – свойство по значению прилагательного компетентный». Тогда как «компетентный – обладающий основательными знаниями в определенной области, знающий». Данное определение очень широкое, которое термины «компетентный» и «знающий» определяет как синонимы. Но если они синонимы, то зачем использовать оба термина, тогда как достаточно только одного. Здесь можно согласиться с ироническим размышлением Г. А. Цукерман и И. В. Ермаковой о том, что «В российское психолого-педагогическое сообщество слово «competence» залетело как новая мода. И судьба у компетентностного подхода к отечественному образованию может сложиться такая же, как и у любой моды: поносят 1-2 сезона и сменят на более модное. Сейчас «модники» от педагогики бойко обновляют гардероб: переименовывают все свои педагогические результаты в компетентности. Раньше говорили «первоклассник научился вести себя на уроке», теперь говорят «стал компетентным школьником». Раньше говорили «выучился читать», теперь – «приобрел читательскую компетентность»… Слова, слова, слова…» [6].

Однако, продолжим поиски, скорее всего, компетентность – это свойство человека не только обладать знаниями в определенной области, но еще и их применяющего. Подтверждение этого предположения находим у И. А. Зимней, Ю. Г. Татура, А. В. Хуторского.

Понятие компетентность И. А. Зимняя определяет «как основывающийся на знаниях, интеллектуально и личностно обусловленный опыт социально-профессиональной жизнедеятельности» [2, с. 34-42]. Согласно Ю. Г. Татуру: «Компетентность – качество человека, завершившего образование определенной ступени, выражающееся в готовности (способности) на его основе к успешной (продуктивной, эффективной) деятельности с учетом ее социальной значимости и социальных рисков, которые могут быть с ней связаны» [4, с. 24]. А. В. Хуторской пишет, что: «компетентность – владение, обладание человеком совокупностью взаимосвязанных качеств личности, задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов, и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним, включающий личное отношение человека к компетентности и к предмету деятельности» [5, с. 139].

Попытку обобщения использования в психологии понятия «компетентность» находим у С. Д. Некрасова, согласно которому «компетентность представляет собой свойство субъектного мира человека, содержащее совокупности способностей созидательно действовать, познавать мир, эффективно общаться – это характеристика «человека способного решать задачи». Компетентность является, компонентом субъектности личности, обретаемым (а не врожденным) человеком в процессе познания, общения и деятельности. Компетентность проявляется в бытии субъекта как способности обучения, освоения систем общения, осуществления практической деятельности» [3, с. 131].

Имеем, компетентность – это свойство субъектности человека, определяющее успешное выполнение им деятельности, а также готовности к ней. Соответственно, учебная компетентность старшего школьника – это свойство учебной субъектности школьника, определяющее успешное выполнение им учебной деятельности. Компонентами учебной компетентности старшего школьника являются его способности и готовность решать учебные задачи.

Субъектность школьника как осознанный способ бытия, реализуемый в конкретных жизненных задачах, в том числе учебных, в юношеском возрасте начинает носить избирательный характер. Приближение окончания школьного периода жизни побуждает школьника к выбору одних учебных задач как важных, других как не важных для его будущей жизни. В настоящее время на личностный выбор существенное влияние оказывает единый государственный экзамен (ЕГЭ), процедура которого диктует необходимость сделать выбор учебных

предметов, и, соответственно, учебных задач. Насколько осознанно производится старшим школьником выбор учебных предметов ЕГЭ?

Можно предположить, что осознание старшим школьником собственных способностей решать учебные задачи может рассматриваться как основной инструмент реализации активности в выборе будущей специальности, разрешения возникшей сложной проблемной ситуации выбора будущей профессии. Как следствие происходит осознание необходимости развития собственных способностей решать задачи по выбранным учебным предметам.

А.В. Брушлинский выделил одну из основных проблем развития субъекта, осуществляющего решение задачи: «чем ближе сам индивид подошел к успешному решению задачи тем, казалось бы, ему меньше нужна помощь извне, но и тем легче ее реализовать; и наоборот, чем дальше он находится от верного решения, тем больше ему необходима помощь со стороны, но тем труднее ему ее использовать». Данные парадокс саморазвития объясняется и разрешается благодаря непрерывному взаимодействию общественного и индивидуального в ходе формирования психики человека» [1, с. 70]. Можно предположить, что в юношеском возрасте у школьника выделенный парадокс саморазвития усиливает его самоопределение в жизни, в первую очередь, в выборе профиля обучения в школе. По мере приближения срока получения школьного аттестата, актуальным становится выбор места и специальности получения профессионального образования.

Таким образом, субъектный подход и исследования новообразований школьника в юношеском возрасте дают основания полагать, что важным психическим новообразованием субъектности старшего школьника является осознанная учебная компетентность, влияющая, с одной стороны, на выбор школьником учебных предметов, необходимых для развития собственных способностей решать задачи по этим учебным предметам. С другой стороны, влияющая на уровень осмысленности личностных ориентиров на получение специальности профессионального образования.

Для поиска подтверждений этого предположения было проведено эмпирическое исследование. Выборка образована из учащихся старших классов школ г. Краснодара (41 респондент), в том числе 25 учеников из класса с филологическим профилем, 16 учеников из класса с обычным профилем. Основными методиками исследования были, разработанные автором статьи, тест «Личностные ориентиры старшеклассника» и частично структурированное интервью «Мое ближайшее будущее».

Тест «Личностные ориентиры старшеклассника» содержит 10 альтернативных пар утверждений, позволяющих выделить уровень осознания респондентом собственных учебных способностей, своей будущей специальности и ориентиров на приобретение профессии или создание собственной семьи после окончания школы. Интервью «Мое ближайшее будущее» содержало вопросы об основаниях выбора респондентом профиля обучения в школе, выбора будущей профессии, продолжении обучения в профессиональном образовательном учреждении, а также о значимых Других, которые оказали влияние на выбор школьником его ближайшего будущего.

Анализ распределения ответов на вопросы о выборе профиля обучения в школе позволил выявить респондентов с высоким (46%) и невысоким (54%) уровнем самостоятельности в выборе профиля. В группу с высоким уровнем самостоятельности попали респонденты, которым не нужны были чьи-либо советы в выборе профиля, для них важны высокие оценки по выбранным учебным предметам, они считают себя успешными и самостоятельными в решении выбранных учебных задач. В группу с невысоким уровнем самостоятельности в выборе попали респонденты, многие из которых нуждались в советах родителей (64%) и значимых Других (36%), у них нет предпочтительных учебных предметов, они считают, что им сложно самостоятельно справиться с решением многих учебных задач. Причем, в классах с обычным профилем обучения школьников с высоким уровнем самостоятельности в выборе профиля обучения (75%) статистически значимо больше ($p < 0,01$, φ -критерий Фишера), чем в классах с филологическим профилем обучения (28%).

Анализ распределения ответов на вопросы о выборе будущей специальности показал, что подавляющее большинство (92%) респондентов будущую специальность намереваются получать в вузе. Выделились три группы респондентов, различающиеся уровнем осмысленности выбора будущей профессии.

В первую группу попали респонденты (29,3%), выбор будущей специальности у которых связан с успешностью решения учебных задач по отдельным учебным предметам, самостоятельностью выбора вузовской специальности, связанной с профилем обучения в школе. Назовем эту группу – «личностно осмысленный выбор специальности».

Во вторую группу попали респонденты (46,3%), выбор будущей специальности у которых связан с рекомендациями родителей, они считают, что без посторонней помощи не смогут самостоятельно под-

готовиться к поступлению в вуз, бывают на «днях открытых дверей» в вузах, но по разным специальностям. Назовем эту группу – «конвенционно принятый выбор специальности».

В третью группу попали остальные респонденты (24,4%), которые еще не имеют представлений о будущей профессии, для них мысли о будущей специальности сегодня мало актуальны. Назовем эту группу – «временно отложенный выбор специальности».

Выявлено, что в классах с обычным профилем обучения школьников с «временно отложенный выбором специальности» (13%) статистически значимо меньше ($p < 0,10$, φ -критерий Фишера), чем в классах с филологическим профилем обучения (32%).

В заключение отметим, что осознанная старшим школьником собственная учебная компетентность является важным психическим новообразованием его субъектности, компонентами которой являются:

– осмысленность выбора профиля обучения в школе;

– осознание выбора будущей профессии.

Библиографический список

1. Брушлинский А. В. Психология субъекта / отв. ред. В. В. Знаков. М: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003.

2. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5.

3. Некрасов С. Д. Компетентность как компонент субъектности личности // Психология личности и ее бытия: теория, исследования, практика / под ред. З. И. Рябикиной, А.Н. Кимберга, С.Д. Некрасова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. С. 131

4. Татур Ю. Г. Компетентность в структуре модели качества подготовки специалиста // Высшее образование сегодня. 2004. № 3.

5. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Ученик в обновляющейся школе: сб. ИОСО РАО. М., 2002.

6. Цукерман Г.А., Ермакова И.В. Развивающие эффекты системы Д.Б. Эльконина – В. В. Давыдова // Психологическая наука и образование. 2003. №4. URL: http://psyjournals. ru/psyedu/2003/n4/Tsukerman. shtml

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЮДЕЙ С ЗАБОЛЕВАНИЕМ ТУБЕРКУЛЕЗОМ

С.Д. Некрасов, Е.Д. Токарь

Несмотря на достигнутые за последнее столетие успехи в диагностике и лечении туберкулеза, это заболевание по-прежнему остается

серьезной проблемой здравоохранения практически во всем мире (Хоменко А. Г., Raviglione M., Shimao T., Davis P. и др.) [1].

Болезнь представляет собой психологическое состояние, боль всегда ассоциируется с тревогой и депрессией. Установлено, что при хронической боли часто нет прямой связи между интенсивностью болевого ощущения и степенью органического повреждения. Хроническая боль не всегда связана с каким-либо структурным или функциональным повреждением и может проявляться как самостоятельный синдром, что определяет необходимость симптоматической терапии, направленной, прежде всего, на устранение болевого ощущения. Хроническая боль часто имеет чёткую социальную функцию, заключающуюся в адаптационной роли болевого синдрома, что может служить противопоказанием к лечению (разрушение социальной структуры жизни человека) [2].

Исследователи проблем туберкулеза (Путова Н.В., Федосеева Г.Б., Хоменко А. Г. и др.) подробно описывают этиологию и патогенез туберкулеза, приводят сведения об эпидемиологии и статистики заболеваний туберкулезом, выделяют наиболее опасные в эпидемиологическом отношении группы больных, описывают технологию лечения больных туберкулезом, прогнозы и профилактические меры заболеваний туберкулезом. Но при этом кратко упоминают о личностных особенностях больных: «определенное влияние на исход заболевания и, следовательно, на его прогноз оказывает психическое состояние больного. Угнетенность, ипохондрическое состояние, навязчивые мысли о тяжести заболевания, фиксированное внимание к отдельным его клиническим проявлениям, частая неадекватная оценка состояния как с точки зрения гиперболизации его тяжести, так и недооценки и нежелание лечиться предложенными методами осложняют прогноз» [4, с. 193]. Делается вывод, что важное значение имеет готовность больного выполнять рекомендации врача по приему лекарств, по адекватному образу жизни и трудовой деятельности. Основные мероприятия – это санитарная профилактика и борьба с вредными привычками: курением, алкоголизмом, нерациональным питанием, недостаточной физической активностью [4]. Отсутствует упоминание о наркомании, нетрадиционной сексуальной ориентации, проституции и других асоциальных явлениях.

Современные исследования (Васильев А.В., Гришко А.Н., Валиев Р. Ш., Вартанян Ф. Е., Шаховский К. П., Сельцовский П.П., Литвинов В. И. и др.) показывают, что главными причинами роста заболеваемости туберкулезом являются неблагоприятные социально-

экономические условия: снижение жизненного уровня населения; ухудшение качества питания, рост числа социально-дезадаптированных групп населения, в том числе беженцев, переселенцев; мигрантов; лиц без определенного места жительства [3].

Таким образом, личность больного должна приниматься во внимание при проведении терапии. Особенности личности, такие как ригидность переживаний, тревожность, мнительность, ипохондричность, могут обусловить своеобразие течения основного соматического заболевания, утяжелить состояние больного, усложнить клиническую картину за счет образования «невротических наслоений». Встречаются случаи «игнорирования» болезни личностью больного, эйфорическое отношение к ней, своеобразная «анозогнозия». Часто это проявляется по отношению к тяжелым заболеваниям с плохим прогнозом (злокачественные опухоли, неблагоприятно протекающий туберкулез и т. д.).

В настоящее время медицинскими работниками используются в качестве основных следующие методы исследования личности:

– клинический, включающий беседу с больным, наблюдение, сбор дополнительных данных у родственников, сослуживцев и др. ;

– биографический, включающий изучение истории жизни больного с точки зрения анализа становления и развития его личности, процесс его социализации. Биографический метод реализуется в процессе психотерапевтического анамнеза [5].

Вместе с тем в практике работы врачей мало используют экспериментальные методики исследования личностных особенностей больных, в том числе туберкулезом. Данные методики позволяют получить и учитывать при лечении унифицированные стандартизированные данные, доступные количественному анализу и статистической обработке.

Примером может быть исследование психологических особенностей личности больных с комплексным регионарным болевым синдромом, проведенное Н. В. Тутером и А Б. Даниловым [6]. В процессе исследования вместе с диагностикой болевого синдрома и физиологических состояний использовались психологические методики: изучение профиля личности (тест МИЛ), оценка степени депрессии (тест Бека), реактивной и личностной тревожности (тест Спилбергера). Анализ выявил не только выраженности болевого, вегетативного и трофического синдромов, но и психологические параметры больных: высокий уровень самоконтроля и аффективного дистресса у всех больных, отсутствие половых отличий больных. А также для разных видов болевого синдрома выявлены специфические личностные особенности

по параметрам: поддержка больными значимого Другого, мотивация достижения, спонтанность, честолюбие, конформизм. В заключении авторы отмечают, что результаты исследования указывают на выраженные психологические изменения, которые являются либо следствием заболевания, либо одной из причин.

Солидаризируясь с выводом авторов исследования особенностей личности больных с болевым синдромом, можно предполагать, что личностные особенности больных туберкулезом могут быть одним их факторов, влияющих как на появление заболевания, так и на его лечение.

Для проверки этого предположения начато исследование личностных особенностей больных туберкулезом, из отношения к заболеванию, личностных ориентаций на выздоровление, ценностных ориентаций и гендерных свойств. Методики исследования: экспертный опрос врачей о представлениях больных туберкулезом, методика «Ценностные ориентации» М. Рокича, тест «Психологический пол личности» С. Бем, модернизированный О. Г. Лопуховой. Объем выборки 45 респондентов. В том числе, 27 больных туберкулезом (12 женщин, 15 мужчин), 18 кардиологических больных (9 женщин, 9 мужчин).

Экспертный опрос позволил выявить виды основных отношений больных туберкулезом к собственному заболеванию (рис. 1):

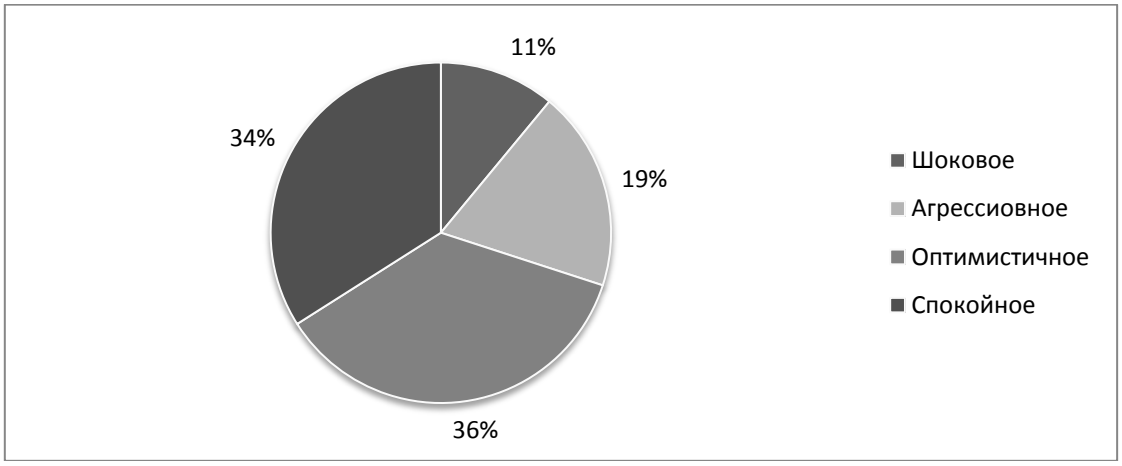

Рис. 1. Основные виды отношений больных туберкулезом к заболеванию к заболеванию

– **шоковое**, выраженное в явных опасениях за здоровье близких Других, которые могут заразиться туберкулезом, общаясь с ними;

– **агрессивное**, «меня будут бояться», «я смогу заразить Других» и другие высказывания больных, отмеченные экспертами;

– **оптимистическое**, отмечено у больных, отбывающих заключение, для них заболевание туберкулезом – средство для освобождения;

– **спокойное**, отсутствие тревоги как за себя, так за Других, «приобрел болезнь, ее необходимо лечить как любую другую» – типичное высказывание больных, отмеченное экспертами.

Выявлены также виды основных личностных ориентаций больных туберкулезом на выздоровление (рис. 2).

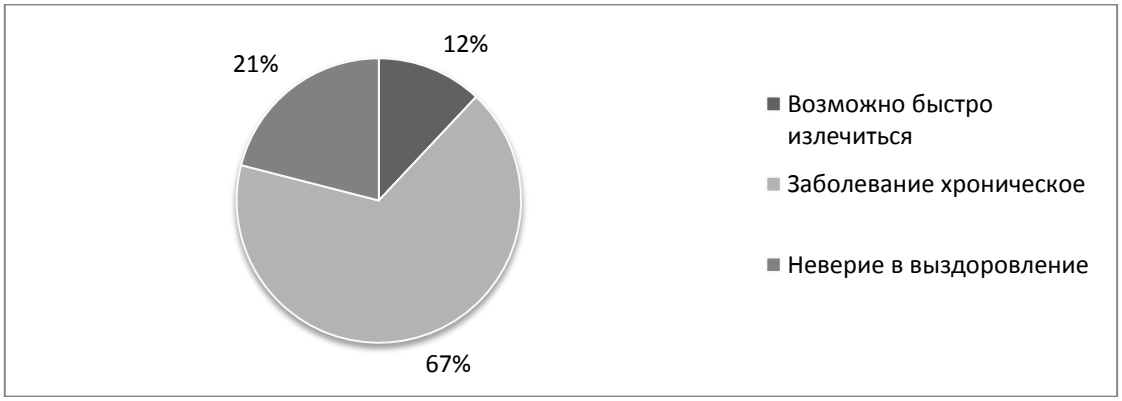

Рис. 2. Основные виды личностных ориентаций больных туберкулезом на выздоровление

Больные с ориентацией на быстрое выздоровление, считают, раннее выявление болезни – условие для быстрого лечения при соблюдении рекомендаций врача. Большинство больных туберкулезом считают, что их заболевание является хроническим, полностью излечиться от которого очень сложно. Больные третьей группы, мало верят либо в правильность диагноза, либо в то, что стоит выполнять лечебные процедуры.

Сравнительный анализ ценностных ориентаций и гендерных свойств личности позволил выявить статистически значимые отличия ($p < 0,05$) ценностных ориентаций и гендерных отличий больных туберкулезом и кардиологических больных. Кратко опишем полученные результаты.

Более высокие ранги у больных туберкулезом, чем у кардиологических больных занимают ценности-цели: «счастье других», «красота природы и искусства», «жизненная мудрость». Для кардиологических больных более высокие ранги, чем у больных туберкулезом занимают ценности-цели: «счастливая семейная жизнь», «любовь». Таким образом, больные туберкулезом, признавая общечеловеческую важность счастья, меньше, чем другие больные ориентированы на семейное благополучие и близость с любимым человеком.

Более высокие ранги у больных туберкулезом, чем у кардиологических больных занимают ценности-средства: «воспитанность», «аккуратность», «высокие запросы». Для кардиологических больных более высокие ранги, чем у больных туберкулезом занимают ценности-цели: «смелость в отстаивании собственного мнения», «твердая воля». Таким образом, больные туберкулезом, больше всего ориентированы на собственные хорошие манеры и чистоплотность, умения содержать в порядке вещи, аккуратность, меньше всего ориентированы на смелость в отстаивании собственного мнения, своих взглядов, сомневаются в собственной воле.

Более высокие значения у больных туберкулезом, чем у кардиологических больных получили феминные свойства: «доверчивость», «красота», «нежность». А также маскулинное свойство «готовность к риску» и личностное свойство «чувство юмора».

Для кардиологических больных более высокие значения, чем у больных туберкулезом получили маскулинные свойства: «сила», «доминирование», «напористость», «способность руководить», «способность действовать в качестве лидера». А также личностное свойство «практичность».

Таким образом, больные туберкулезом, признавая общечеловеческую важность чувства юмора, более феминны, а также меньше, чем другие больные считают возможным собственное лидерство и доминирование.

Подытожим, лечение, реабилитацию больных туберкулезом возможно проводить совместно с индивидуально разрабатываемой программой их социально-личностной адаптации, в которой необходимо учитывать выявленные личностные особенности больных туберкулезом.

Библиографический список

1. Баронова О.Д. Особенности выявления, клинического течения и эффективность лечения туберкулеза легких у больных с психическими заболеваниями, проживающих в психоневрологических интернатах: автореф. дис. … канд. мед. наук, Москва, 2009.

2. Калюжный Л. В. Физиологические механизмы регуляции болевой чувствительности. М., 1984.

3. Мохирева Л. В. Особенности течения и лечения туберкулеза в условиях естественного дефицита цинка: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2006

4. Справочник по пульмонологии / под ред. Н. В. Путова, Г.Б. Федосеева, А. Г. Хоменко. Л.: Медицина, 1987. С. 183-195.

5. Теория психотерапии. URL: http://www. psychotherapy-theory. ru/
6. Тутер Н.В., Данилов А. Б. Психологические особенности личности больных с комплексным регионарным болевым синдромом. URL: http://www. painstudy. ru/matls/pneuro/krbs. htm

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ О СЕБЕ И ДРУГОМ КАК СУБЪЕКТАХ ОБЩЕНИЯ

Е.А. Николаева

Актуальность изучения представлений о себе и о Другом в процессе общения обусловлена в первую очередь практической значимостью и ценностью самого процесса общения и его результатов. В современном мире, отягощенном интолерантностью, одиночеством и непониманием, низвержением традиционных представлений о браке и семье необходимо восстанавливать адекватное, миролюбивое, более гибкое восприятие людей друг другом. В нашем исследовании мы ставили целью проследить те варианты представлений о себе и Другом, которые более адаптивны, эффективны и менее разрушительны для личности. В частности – нам интересен аспект интимно-личностных отношений между юношами и девушками. Особенно интересны те характеристики представления о себе и о Другом, которые помогают устанавливать близкие отношения и делать общение между представителями противоположного пола более продуктивным.

Общение мы будем рассматривать как двунаправленный процесс, содержащий обмен информацией, и взаимодействие между людьми, и восприятие друг друга [1]. Наибольшее внимание занимает восприятие партнера по общению и восприятие себя как партера по общению. Большинство психологов описывает процесс становления представления о себе через процесс восприятия других. Например, представитель американской социологии Ч. Кули в теории "зеркального Я" основывается на том, что люди развивают самопредставления в зависимости от того, каким им видятся представления обобщенных других, а так же на том, что в процессе взаимодействия друг с другом люди способны представлять, как они воспринимаются обобщенным другим и способны осознавать характер ответных реакций обобщенных других [4]. А Дж. Мид в своей теории "обобщенного другого" представляет как всеобщие ценности и стандарты поведения некоторой группы, которые формируют у членов этой группы индивидуальный Я-образ. Индивид в процессе общения как бы встает на место других индивидов и видит себя другой личностью [5].

Для развития личности необходимо общение с Другим. Так Л.С. Выготский говорил: «Через других мы становимся самими собой». В ходе интериоризации происходит превращение внешних наблюдений за другими людьми во внутренние образы, а затем становятся экстрапсихическими, т.е. используемые в общении с другими людьми [3].

М.М. Бахтин пишет: "Я осознаю себя и становлюсь самим собой только раскрывая себя для другого, через другого и с помощью другого. Само бытие человека (и внешнее, и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть – значит общаться. Быть – значит быть для другого и через него – для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе" [2].

Другой является неустранимым и необходимым основанием сознания и самосознания человека. Соответственно в отношении к Другому человек выражает и реализует самого себя. В этом смысле познание (осознание) себя и Другого действительно происходит в общении. Но с этой точки зрения должен возникать вопрос: для чего нужен Другой человек, что он дает и какие потребности удовлетворяет? Он необходим, чтобы человек чувствовал и осознавал себя человеком, и дает специфически человеческий способ жизни – среди людей. Он не обслуживает какую-либо деятельность или потребность, но сам по себе является основанием сознания, самосознания и, шире, жизни человека.

Данные психологических исследований доказывают взаимосвязь представлений о себе и Другом, как субъектах общения. Нам бы хотелось изучить, как представления о себе и о Другом будут влиять на личность в процессе общения, а точнее в процессе построения отношений с Другим противоположного пола. Особенного внимания заслуживают юноши и девушки в возрасте ранней взрослости (20-25 лет), когда одним из главных приоритетов является выбор супруга и построение семейной жизни. К двадцати годам многие имеют интимно-личностные отношения, но существуют так же те, кому сложно наладить отношения с противоположным полом и которые страдают от этого. Поэтому перед нами стоит задача выяснить, как связаны неудачи в построении отношений в этой сфере с представлениями личности о себе и о Другом противоположного пола. Для этого мы будем изучать представления о себе и о Другом у людей имеющих отношения с противоположным полом и у людей, которые испытывают трудности и переживания по поводу отсутствия у них партнера. Сравнение этих групп выявит характеристики представлений о себе, как субъекте об-

щения и представлений о Другом и, возможно, покажет пути помощи в установлении интимно-личностных отношений.

Гипотезой нашего исследования является предположение о том, что характер представлений личности о Другом (противоположного пола) и о себе, как субъектах общения связан с особенностями отношений с представителем противоположным полом. Следовательно, у респондентов имеющих постоянные отношения будет представление о себе и о Другом (противоположного пола) отличным от респондентов, которые бы хотели, но не имеют отношения. Объектом выступают представления личности о себе и о Другом, проявляющиеся в общении. Предметом исследования является взаимосвязь представлений личности о себе и о Другом (противоположного пола) на наличие интимно-личностных отношений. Цель нашего исследования: выявить взаимосвязь представлений о себе о Другом, как субъектах общения с характером интимно-личностных отношений личности.

Для доказательства нашей гипотезы, а так же для ее уточнения и проверки эффективности методического материала было проведено пилотажное исследование. Были использованы следующие методики: авторская анкета (на определение наличия отношений), опросник «Социально-психологические характеристики субъекта общения» В.А. Лабунской, тест описания поведения Томаса, тест межличностных отношений Лири, рисунок человека (себя и другого противоположного пола), рассказ о Другом (противоположного пола).

В пилотажном исследовании приняло участие 10 человек: девушки и юноши 20–23 лет. Выборка была разделена на людей имеющих постоянные отношения с партнером (ИО) и желающих построить отношения, но испытывающих трудности (по результатам анкетирования) (ТО). В этих группах были выявлены различия в представлении о себе и о Другом по содержательным характеристикам, дистанции, полноте, степени связи, эмоциональному фону.

Содержательные различия в представлении себя как субъекта общения у сравниваемых групп обнаружились по таким параметрам, как эгоистичность, зависимость, дружелюбие и альтруистичность. ИО более эгоистичны, а ТО более альтруистичны. Так же ТО оценивают себя более дружелюбными и зависимыми. ИО направлены больше на свои интересы и потребности, а ТО больше направлены на другого, на удовлетворение его интересов. У ИО более сформированное представление о своих потребностях и приоритетах, поэтому они отстаивают свои интересы. Направленность на другого у ТО можно объяснить поиском потенциального партнера, открытостью для взаимодействия и

большей отдачей своих ресурсов другому. Сложнее выстроить конструктивные отношения с человеком, который не предъявляет свои интересы и предпочтения.

Анализируя представление о Другом найдены следующие различия. Во-первых, на рисунках и в рассказах различная дистанция между респондентом и другим человеком. У ТО она больше (дальше друг от друга расположены на рисунках, в рассказах описана невозможность встретиться), у ИО – дистанция меньше, сокращена до минимума. Так же ТО видят больше преград во взаимодействии (рисуют предметы в руках или между фигурами, описывают далекое расстояние или других людей, которые препятствуют), а ИО – описывают совместную деятельность или приключение. Рассказы ИО наполнены положительными эмоциями обоих партнеров, общими переживаниями (часто связанными с преодолением ситуаций вызванных внешними обстоятельствами). В рассказах ТО фигурируют собственные переживания, воспоминания, ожидания, зачастую неприятные. То есть направленность на совместную деятельность более эффективна для построения отношений, чем озабоченность только своими переживаниями. Что касается оценивания особенностей общения у партнера, то у ИО эмоционально-речевые проявления партнера вызывают больше затруднений, чем у не имеющих. То есть они более чувствительны к экспрессии партнера в общении.

Картину явных различий дает методика Томаса. ИО чаще выбирают стратегии сотрудничества и компромисса, чем ТО. А не имеющие отношений в большинстве случаев выбирают стратегии приспособления и избегания. ТО в конфликтах больше игнорируют, подавляют свои интересы, что соотносится с результатами, полученными методикой Лири о преобладании эгоистичности у ИО и альтруистичности у ТО. Эти результаты можно соотнести с результатами нашего предыдущего исследования, в котором подростки, имеющие сиблинга так же выбирали чаще сотрудничество в конфликтных ситуациях, а единственные дети в семье – избегание и приспособление. То есть если у личности есть опыт общения с равноправным значимым Другим, будь то сиблинг или партнер, то она эффективнее решает конфликты, не избегает их и отстаивает свои интересы.

Таким образом, у ИО характеризует представление о себе как субъекте общения направленного на себя, а представление о Другом неразрывно связано с собой, т.е. Другой рассматривается как партнер во взаимодействии. У ТО противоположная картина: представление о себе, как о отдающем, направленном на Другого, но представление о

Другом как о недоступном, вызывающим переживания. То есть между Я и Другим большая теснота и пересекаемость у имеющих отношения, в то время как у испытывающих трудности в установлении интимно-личностных отношений с противоположным полом более сильная разобщенность между Я и Другим.

Подытоживая результаты пилотажного исследования, можем сказать, что существуют различия в представлении о Другом и о себе, как субъекте общения у личностей, имеющих постоянные отношения и испытывающих трудности в построении отношений. Для более точного доказательства того, что представления о себе и Другом влияют на возможность наличия отношений, следует получить больше эмпирических данных сравнивающих представление о себе и о Другом. Так же необходимо произвести разделение выборки по полу.

Результаты планируемого нами исследования дополнят теоретическую картину о связи представлений о себе и Другом и влиянии на характер отношений, а так же будут полезны для людей, желающих вступить в отношения и испытывающих в этом сложности, и для специалистов, к которым будут обращаться за помощью эти люди.

Библиографический список

1. Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Просвещение, 1991. 300с.
2. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Киев: Next, 1994.
3. Выготский Л. С. История развития высших психологических функций // Собр. соч. М.: 1983, т. 2
4. Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 320 с.
5. Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль. М.: МГУ, 1994. С. 226.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Ю.А. Осипова

Подростковый возраст – это самый трудный и сложный из всех детских возрастов, представляющий собой период становления личности. Главное содержание подросткового возраста составляет его переход от детства к взрослой жизни. Все стороны развития подвергаются качественной перестройке, возникают и формируются новые психологические новообразования, закладываются основы сознательного поведения, формируются социальные установки. Этот процесс преобра-

зования и определяет все основные особенности личности детей подросткового возраста.

Центральным и специфическим новообразованием в личности подростка является возникновения у него представления о том, что он уже не ребенок (чувство взрослости); действенная сторона этого представления проявляется в стремлении быть и считаться взрослым. Подростковый возраст представляет собой период становления личности, возникновения чувства и образа взрослости, тенденций к самостоятельности.

Самостоятельность и ответственность – два понятия, которые неразрывно связанные между собой. Многие из подростков хотят принимать самостоятельные, независимые решения. Эта внутренняя потребность принимать собственные решения начинает развиваться примерно между 11 и 16 годами. [3]

Ответственность подростков хорошо проявляется во взаимоотношениях с взрослыми людьми. Через выполнение будничных дел к ним приходит осознание своей связи с взрослыми, они начинают понимать, что являются членами общества, класса и от них уже требуется больше ответственности за действия и поступки.

Отношение детей к учителям, родителям и другим взрослым принимает осознанный характер, большую значимость приобретает нравственная сторона их взаимоотношений с родителями, учителями. И в тех ситуациях, где подростка уже воспринимают как личность, советуются в делах, доверяют принятие самостоятельного решения, прислушиваются к его мнению, – там подростки быстрее осознают свою ответственность. Осознание своей ответственности за дела семьи, класса, друзей ставит подростка в положение ответственной зависимости, в ситуацию активного включения в решение общих проблем. И, наоборот, в тех ситуациях, где «…ты пока маленький» следует «бунт» подростков. Как следствие – осознанное нарушение нравственных норм, непослушание и как следствие – отчуждение, потеря чувства ответственности. [2]

Подростковый возраст выступает периодом приобретения морального опыта и ответственности. На данном этапе развития подросток достигает возраста осознания своей автономности и самостоятельности. Для него свойственно желание самому определять свою жизнь, самостоятельно делать выбор, принимать решения. Однако готовность к принятию ответственности за этот собственный, свободный выбор не всегда достаточно выражена у подростка. Но, несмотря на недостаточную готовность принятия собственной ответственности, в подростко-

вом возрасте ответственность все, же выступает одним из главных качеств личности подростка.

С целью изучения формирования ответственности в подростковом возрасте было проведено эмпирическое исследование. В ходе исследования приняли участие 38 школьников параллели седьмых и девятых классов школ (школы №55 и гимназии №69) г. Краснодара. Для диагностики ответственности в подростковом возрасте были использованы следующие методики: опросник О. Ю. Гроголевой, направленный на изучение уровня сформированности ответственности у подростков, методика М. А. Осташевой «Диагностика ответственности подростков».

По результатам опросника О. Ю. Гроголевой о сформированности ответственности у подростков нами было выявлено, что высокий и средний уровни ответственности является преобладающим у подростков. Полученные результаты говорят о том, что в подростковом возрасте в исследованной группе школьников ответственность является сформированным, устойчивым качеством.

Анализируя результаты методики М. А. Осташевой «Диагностика ответственности подростков», которая позволяет выделить виды ответственности у подростков, можно прийти к следующим выводам.

Более высокие показатели по сравнению с другими видами ответственности были получены по шкале «ответственность за другого в общем деле». Это говорит о том, что подростки данной выборки скорее возьмут на себя ответственность за действия класса, они ощущают свою личную сопричастность к жизни коллектива, а также стараются найти общую точку зрения в интересующих их вопросах, а не навязывать свою.

Интересно, что при высоком показателе по шкале «ответственность за другого в общем деле», по шкале «ответственность за себя в общем деле» были получены низкие результаты. Это можно объяснить тем, что у подростков данной выборки достаточно развита дисциплинарная ответственность, а значит в отношении жизни в коллективе (классе) они действуют в соответствии с установленными правилами и требованиями группы и ощущают тем самым ответственность не за себя, а за коллектив.

Получается, что у подростков данной выборки в большей степени развита «ответственность за другого в общем деле», а это значит, что дети проявляют самостоятельность и инициативу, когда от них это требуют и при этом могут взять на себя ответственность за действия коллектива.

Для выявления связи между уровнями и видами ответственности у подростков нами был проведен корреляционный анализ между показателями методик «Уровень сформированности ответственности» и «Диагностика ответственности». Сопоставив показатели уровней ответственности и видов ответственности с применением корреляционного анализа, мы получили следующие результаты.

Самые высокие значения коэффициента корреляции $r = 0,55$ ($p \leq 0,01$) обнаружились при сопоставлении низкого уровня ответственности с ответственностью за другого в общем деле. Значит, что у подростков с высоко развитой ответственностью за другого в общем деле высокий уровень самостоятельности, самоконтроля, дисциплинированности, они систематически выполняют обещания. Но при этом уровень ответственность в целом у таких детей низкий. При низком уровне ответственности подросток присоединяется к мнению группы, придерживается этого мнения и, отстаивая его, принимает как свое.

Интересно, что положительная корреляция, с $p \leq 0,01$, выявилась по шкале ответственностью за другого в общем деле со среднем уровнем ($r = 0,46$) и высоким уровнями ответственности ($r = 0,35$). Однако со средним уровнем ответственности коорелирует также и дисциплинарная ответственность $r = 0,46$ ($p \leq 0,01$). Значит, на формирование у подростка среднего уровня ответственности влияет выраженность у него ответственности за другого в общем деле и дисциплинарной ответственности. Это говорит о том, что подросток с появлением ответственности (среднего уровня) подросток ориентируется на требования соблюдает их, становится дисциплинированным.

С высоким уровнем ответственности, помимо ответственности за другого в общем деле, коррелирует ответственность за себя в общем деле ($r = 0,35$). Получается, что ответственность за другого в общем деле в сочетании с ответственностью за себя в общем деле влияет на развитие у подростка высокого уровня ответственности. Можно сказать, что ответственность становится осознанной.

Значит, подростки положительно относятся к обязанностям и переживают за выполнение общественного поручения, а также способны критически оценить действия других людей, готовы взять на себя ответственность за действия класса и понимают необходимость своих обязанностей. А низкому уровню ответственности у подростка соответствует ответственность за другого в общем деле, когда он не проявляет личную ответственность, а необдуманно принимает требования группы.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Половина подростков проявляют высокий уровень сформированности ответственности (45%), а остальные средний (30%) и низкий (25%) уровни. Можно предположить, что преобладание высокого уровня показывает то, что в этом возрасте ответственность является сформированным, устойчивым качеством личности подростка.

2. Преобладающим видом ответственности в подростковом возрасте является ответственность за другого в общем деле. Данный факт свидетельствует о том, что подростки не только относятся ко всем поручениям ответственно, осознавая их необходимость, но и ощущают личную сопричастность в жизни коллектива, а значит, готовы взять на себя ответственность за действия класса, способны критически их оценить.

3. На высокий уровень сформированности ответственности положительно влияет сочетание таких видов ответственности как ответственность за другого в общем деле и ответственность за себя в общем деле.

4. Негативно на формировании ответственности у детей подросткового возраста отражается выраженно развитый вид ответственности за другого в общем деле.

Библиографический список

1. Гроголева О. Ю. Типологические особенности и детерминанты ответственности в младшем школьном возрасте: дис... канд. психол. наук. Омск, 2005. 202 с.

2. Нургалиева А. К. Подростковый возраст и ответственность. URL: http: //www.rusnauka.com /25_DN_2008/Psihologia/29008. doc. htm.

3. Сартан Г.Н. Тренинг самостоятельности у детей. М.: ТЦ «Сфера», 2002. 128 с.

4. Сахарова, В. Г. Ответственность как личный фактор и возможности её диагностики: дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2003. 184 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ СУБЪЕКТНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВРАЧА-СПЕЦИАЛИСТА

М.Г. Остроушко

Изучение проблемы субъекта и субъектности сегодня охватывает многие отрасли психологической науки. Активные научные исследования феномена субъектности, его содержания, характеристик, взаимосвязи с другими категориями (прежде всего, категорией личности и деятельности) уже позволяют интегрировать весь накопленный теоретико-методологический материал изучения исследуемой проблемы и

применить его для решения задач в сфере практического здравоохранения. Поиск личностных ресурсов, необходимость определения профессионально важных качеств или компетенций врача-специалиста, позволяющих осуществлять эффективную медицинскую деятельность в условиях динамичных преобразований, привлекли внимание к категории субъектности.

Нами уже была предпринята попытка осмыслить роль этого конструкта в системе профессионально важных качеств и признать субъектность ключевой компетенцией – универсальной способностью, организующей различные качества и умения субъекта для осуществления им продуктивной профессиональной деятельности [4]. Кроме того, следует констатировать факт отсутствия системного представления о комплексе профессионально важных качеств медицинского работника, в частности врача-специалиста [5]. В таких условиях обращение к оценке субъектности (или её компонентов) специалиста сферы практического здравоохранения актуально для решения многих задач.

По мнению А. В. Брушлинского, с*убъект действует, осознавая мир и себя в нём,* удерживая в рефлексивной картине мира образ себя, собственных целей, других людей и человечества в целом. «Для человека как субъекта *сознание особенно существенно*, потому что именно *в ходе рефлексии* он формирует и развивает свои цели, т. е. цели деятельности, общения, поведения, созерцания и других видов активности. При этом он осознаёт хотя бы частично некоторые из своих мотивов, последствия совершаемых действий и поступков…» [2]. А. К. Осницкий подчёркивает, что «гносеологически субъектность может быть обнаружена *в отношении к вещам, явлениям, людям и самому себе* и проявляется в действиях, когда человек превращает их в объект (конструкцию) целенаправленных преобразований: начинает рассматривать, анализировать, комбинировать, использовать их в качестве средства. По сути дела, вопрос о развитии субъектности и есть вопрос о развитии инструментария, развитии средств объективации» [3].

Эти теоретические основы позволили в качестве средства отношения к себе и миру рассматривать стиль объяснения человеком причин своих неудач и успехов. Многолетние эксперименты, исследования, открытия, разработка теории приобретённой беспомощности и стиля объяснения, составление опросника по проверке оптимизма принадлежат американскому исследователю Мартину Э. П. Зелигману.

Этот автор уверен, что стиль объяснения причин неудач и успехов, определённая «привычка мыслить», приобретённая в детстве и юности, коренится непосредственно во взгляде человека на своё место

в мире – считает ли он себя ценным и заслуженным (оптимист) либо бесполезным и безнадёжным (пессимист) [1]. Два вида стиля, диагностируемых в результате опроса, – оптимистический и пессимистический, могут опосредованно (через отношение испытуемого к ситуациям успеха и неудачи) выявлять степень (уровень) субъектности. Так, пессимист более подвержен ощущению беспомощности, переживанию депрессии и менее способен на проявление активных, преобразующих ситуацию действий, а значит, уровень его субъектности будет снижен, оптимист же наоборот – готов проявлять активность, инициативу, настойчивость, способность к решению сложных задач, достижению поставленных целей и имеет соответственно высокую субъектность.

В качестве методики для измерения стиля объяснения врачей происходящих с ними событий был использован модифицированный нами опросник Зелигмана. Он содержит ряд микросценариев, включающих поровну ситуации успеха и неудачи в профессиональной деятельности врача-специалиста. Респонденты должны выбрать вероятную причину того или иного события. Версии объяснения различаются (как и у Зелигмана) по таким измерениям происходящих с ними событий как постоянство – временность, широта – конкретность и высокий личный вклад в событие – низкий личный вклад. По каждому параметру были получены результаты, характеризующие стиль объяснения событии профессиональной жизни.

В опросе приняли участие врачи-специалисты 10 отделений двух профилей: хирургического (41 чел.) и терапевтического (36 чел.) одной из муниципальных больниц г. Краснодара. Средний возраст хирургов – 45 лет и практически однородный гендерный состав (95 % – мужчины), средний возраст терапевтов – 48 лет, 45% выборки – мужчины и 55 % – женщины. По полученным данным рассчитаны среднегрупповые показатели по каждой специальности, которые и будут представлены далее по каждому параметру. По каждому параметру оценки могут быть в диапазоне от 0 (низкая степень проявления параметра) до 4 (высокая степень) балла.

Получены следующие результаты.

По параметру «постоянство по отношению к неприятностям» у врачей-хирургов среднегрупповое значение показателей – 1,78 балла, у врачей-терапевтов – 1,83 балла (шкала от 0 до 4 баллов). Полученные данные свидетельствуют о приближенности показателей в этих группах к средним величинам и означают, что врачи обоих профилей достаточно нестабильно относятся к причинам своих затруднений в профессиональной деятельности, готовы приписывать им то постоянный,

то временный характер, проявляя в целом умеренный пессимизм и, соответственно, демонстрируя средний уровень субъектности и активности по преодолению таких ситуаций.

По параметру «постоянство по отношению к успехам» в профессиональной деятельности показатели тоже практически не отличаются: у хирургов среднегрупповое значение показателей – 1,65 балла, у терапевтов – 1,47 балла, что демонстрирует умеренно пессимистичную позицию и приписывание врачами временного (случайного) характера своим достижениям в профессиональной деятельности. Терапевты по отношению к оценке причин успехов в работе более пессимистичны, чем хирурги и менее активны для их закрепления, их субъектность незначительно, но снижена.

По параметру «широта по отношению к неудачам» в профессиональной деятельности среднегрупповые показатели хирургов и терапевтов равны и соответственно составляют 1,52 балла и свидетельствуют об умеренной оптимистичности. Так, врачи-специалисты способны анализировать неблагоприятные события и выявлять конкретные частные причины неудач, уровень оптимизма и, соответственно, субъектности по этому параметру несколько выше среднего по сравнению с другими показателями.

По параметру «широта по отношению к достижениям» в профессиональной сфере у хирургов среднегрупповые показатели равны 1,92 баллам, у терапевтов – 1,80 балла. При анализе причин достижений врачи приписывают им то конкретный, то универсальный характер, у хирургов чуть точнее определяется причина отдельного успеха, несколько выше уровень субъектности, а, значит, создаётся больше возможности для закрепления положительного результата в деятельности.

Важный итоговый показатель теста – «коэффициент надежды» по отношению к неблагоприятным событиям в профессиональной жизни соответственно по сумме показателей двух параметров равен у хирургов 3,29 балла, у терапевтов – 3,35 балла. Эти данные означают наличие у врачей – специалистов достаточно умеренных надежд, которые они имеют по отношению к неудачам в своей деятельности, а также наличие способности выявлять временные и конкретные причины неблагоприятных событий в работе.

По параметру «персонализация» по отношению к неудачам в профессиональной сфере среднегрупповые значения практически равны: у хирургов составили 2,31 балла, у терапевтов – 2,41 балла. Эти показатели свидетельствуют о средней самооценке в объяснении причин неприятностей. Таким образом, ответственность за проявление неблаго-

приятных факторов в своей профессиональной жизни врачи готовы видеть и в самих себе, и во внешних, не зависимых от них причинах и проявлять соответственно средний уровень субъектности.

По параметру «персонализация» по отношению к успехам в области профессиональной деятельности показатели также равные, составили у хирургов – 2,29 балла, у терапевтов – 2,27 балла и демонстрируют также промежуточную оценку. Следовательно, врачи осознают, что причины их достижений зависят и от собственных усилий, и от внешних факторов.

Общий итог теста равен у хирургов – 0,3 балла, у терапевтов – минус 0,1 балл, что демонстрирует пессимистичный стиль объяснения причин успехов и неудач в профессиональной деятельности у врачей обоих профилей, причём у терапевтов он несколько усугублён.

Таким образом, анализ среднегрупповых показателей исследования стиля объяснения причин успехов и неудач в профессиональной деятельности врачей хирургического и терапевтического профиля позволил сделать следующие выводы.

По всем параметрам (постоянство, широта, персонализация), характеризующим профиль стиля объяснения у врачей обеих специальностей, получены средние значения, их стиль можно определить, по Зелигману, как «умеренный пессимизм» или «профессиональный пессимизм». При таком стиле для врачей в деятельности свойственна тщательность, реалистичность при оценке ситуаций, критичность мышления, склонность сомневаться, детально анализировать и контролировать ситуацию «жизни и смерти». С другой стороны, умеренный пессимизм может приводить к избирательной активности в части ситуаций, отказу от решения новых и сложных задач в профессиональной деятельности, стагнации в карьерном развитии и наличии проблем в самореализации.

Однако признаки умеренного оптимизма и, соответственно, повышения уровня субъектности выявлены по параметру «широта» в ситуации оценки причин неудач, что повлияло и на наличие умеренных надежд, несмотря на неблагоприятные события в профессиональной деятельности. Следовательно, врачи обоих профилей могут работать в условиях достаточно сложных ситуаций и повышенных требований, локализовать неудачу, проявлять активность в условиях эмоциональной напряжённости, наличия риска, связанного с сохранением здоровья и жизни пациента. Кроме того, у врачей-хирургов признаки умеренного оптимизма выявлены по двум параметрам «широта» и «постоянство» по отношению к успехам. Так, достижения хирургов их вдох-

новляют и повышают уровень субъектности в отличие от врачей-терапевтов. Возможно, это имеет место в силу того, что хирурги работают в большей мере с болезнями, угрожающими жизни и дееспособности человека, и положительный результат заметен сразу.

Тем не менее, признаки оптимизма незначительны, и в качестве общего итога теста выявлен пессимистический стиль объяснения событии у врачей обоих профилей. Субъектность, таким образом, в целом в большинстве профессиональных ситуаций низкая, что становится существенным фактором риска при взаимодействии врача с пациентом (когда врач высказывает пациенту сомнения относительно прогноза его состояния) или при взаимодействии врача-руководителя с подчинённым (когда его усталость, эмоциональная истощенность в ситуациях контроля деятельности порождает конфликты и дополнительные стрессы и в итоге демотивирует сотрудника), понижая профессиональную успешность. Однако пессимистический стиль оправдан в ситуации тщательного сбора анамнеза и постановки диагноза или в ситуации написания научной статьи, подготовки к выступлению на врачебном консилиуме или к участию в научной дискуссии. В нестандартных ситуациях (внедрения высоко технологичных методов лечения в рамках модернизации деятельности отрасли) пессимистический стиль будет сдерживать инициативу, активность и творчество врачебного персонала, ограничивать возможность достижения профессиональной успешности и способность решения сложных задач. Эти соображения подчёркивают желательность гибкости в объяснительном стиле, практикуемом врачами в своей профессиональной деятельности.

В этой связи считаем, что дополнительного изучения требуют стиль объяснения конкретных ситуаций неудачи и успеха в профессиональной деятельности врачей-специалистов обоих профилей на предмет определения адекватности выбранного врачами стиля. Кроме того, базу исследования следует расширить для увеличения репрезентативности выборки, а также для получения показателей эффективности деятельности врачей конкретных отделений и установления характера корреляционной связи с показателями оптимизма/субъектности.

Библиографический список

1. Зелигман Мартин Э. П. Как научиться оптимизму: советы на каждый день: пер. с англ. М.: Вече: Персей: АСТ, 1997. 432 с.

2. Личность и бытие: субъектный подход. Личность как субъект бытия: теоретико-методологические основания анализа: Матер. III Всерос. на-

уч. практ. конф. / Под ред. З. И. Рябикиной, В. В. Знакова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. 248 с.

3. Осницкий А. К. Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 11-23.

4. Остроушко М. Г. Субъектность как конструкт профессионально важных качеств работника// Вестник ПГЛУ. 2010. № 1. С. 319-322.

5. Приказ Минздрасоцразвития РФ от 3 августа 2001 г. № 151 «Об аттестации специалистов с высшим медицинским и психологическим образованием» (ред. от 20. 06. 2005 № 412)

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: МОТИВАЦИОННАЯ УСТАНОВКА ВЫБОРА ОДИНОЧЕСТВА У МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

Т.В. Панова

Проблема одиночества является серьезной проблемой современного общества. Преодоление одиночества становится для многих не только актуальной, но порой и неразрешимой задачей.

Традиционно проблема одиночества в течение длительного времени привлекала внимание таких философов, как: А. Камю, С. Кьеркегор, Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассет, Ж. П. Сартр, М. Хайдеггер, А. Шопенгауэр. Кроме того, она нашла разностороннее отражение в литературных произведениях Ф. М. Достоевского, Э. Канетти, Ф. Кафки, Д. Конрада, М. Ю. Лермонтова, Г. Мелвилла, и множества других писателей. Научные исследования феномена одиночества в рамках психологии и педагогики ведутся недостаточно. В трудах А. Маслоу, К. Роджерса, Х. С. Салливана, З. Фрейда, Э. Фромма, К. Хорни, Э. Эриксона, К. Г. Юнга были рассмотрены психологические предпосылки возникновения одиночества и предложены психотерпевтические пути его преодоления. В исследованиях К. А. Андерсона и Л.М. Хоровица, Р. Вейса, Дж. Де Джонг-Гирвельд и Д. Раадшелдерс, Т.Б Джонсона и У. А. Садлера, К. И Кутрона, М. Мицели и Б. Мораша, Л.Э. Пепло, М. Э. Селигмана, Ф. Фромм-Рейхман, Дж. И. Янга показано сложное содержание феномена одиночества, акцентируется внимание на его причинах, связанных как с типичными ситуациями жизни, так и с характером личности. В отечественной науке интересующая нас проблема рассматривалась в работах В. Г. Асеева, А. А. Бодалёва, Е. В. Бондаревской, Б. С. Гершунского, Е. И. Головахи и Н. В. Паниной, Н. И. Гуткиной, Я. Л. Коломинского, И. С. Кона, Ю. М. Орлова, Н. А. Рождественской, В. Ф. Сафиной, Е. Т. Соколовой, Д. И. Фельдштейна и др.

Что касается категории установки, то широкое развитие она получила в работах Д.Н. Узнадзе и его учеников И.Т. Бжалава, В.Г. Норакидзе, А. С. Прангишвили. Ряд авторов (В.Г. Асеев, В.П. Ильин, В.И. Ковалев) мотивационную установку считают тем психологическим образованием, которое относится к потенциальным мотивам, сформировавшимся, но не проявляющимся в данный момент, однако сохраняющим готовность осуществить долговременное намерение при появлении соответствующих условий. Анализ теоретической литературы свидетельствует об отсутствии эмпирических исследований мотивационной установки выбора одиночества у молодых людей.

Очевидным становится противоречие между необходимостью изучения мотивационной установки выбора одиночества у молодых людей и недостатком теоретических и практических исследований, которые позволили бы составить достаточно полное представление об особенностях восприятия и переживания одиночества молодыми людьми.

Стремление найти пути разрешения данного противоречия и определили проблему нашего исследования. В теоретическом плане это проблема создания модели мотивационной установки выбора одиночества у молодых людей. В практическом плане это проблема выявления связи социально-психологических характеристик личности с мотивационной установкой выбора одиночества у молодых людей.

Объект исследования – мотивационная установка.

Предмет – связь социально-психологических характеристик личности с мотивационной установки выбора одиночества у молодых людей в период кризиса 30ти лет.

Цель – изучение мотивационной установки выбора одиночества у молодых людей для разработки рекомендаций по преодолению одиночества.

Гипотеза: Мотивационная установка выбора одиночества у молодых людей обусловлена такими социально-психологическими характеристиками как: преобладающий мотив страха отвержения, низкий показатель осмысленности жизни, высокий уровень одиночества.

Методологическая база исследования: работы К. Хорни, Э. Эриксона,, Т. Б Джонсона, У. А. Садлера, Р. Вейса, Г. Р. Шагивалеевой, Л. Симеоновой, В. П. Ильина и др.

Этапы исследования:

I этап – теоретический анализ проблемы исследования, формулирование гипотезы.

II этап – формирование эмпирической выборки исследования, подбор методов исследования и проведение психодиагностических процедур.

III этап – выводы и результаты эмпирического исследования, проверка гипотезы с помощью методов математической статистики, разработка рекомендаций.

Методы исследования: теоретический анализ психологической литературы; тестирование, анкетирование; математико-статистические методы (t-критерий Стьюдента для выявления различий между средними значениями исследуемого признака, Q-критерий Розенбаума для оценки различий между двумя выборками по уровню количественно измеренного признака, φ* – критерий угловое преобразование Фишера для изучения значимости проявленного признака).

Психодиагностические методики:

– методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюссона;

– тест-опросник для измерения мотивации аффиляции А. Мехрабиана (в модификации М. Ш. Магомед-Эминова);

– тест смысложизненных ориетаций (СЖО) Д. А. Леонтьева;

– модифицированная анкета, направленная на изучение мотивационной установки выбора одиночества.

Эмпирическая выборка исследования: 60 испытуемых, в возрасте 28-33 лет.

На основании проделанного теоретического анализа мы пришли к следующему пониманию одиночества. Одиночество – это переживание, вызывающее комплексное и острое чувство, которое выражает определенную форму самосознания, и показывающее раскол основной реальной сети отношений и связей внутреннего мира личности.

Наиболее общая классификация видов и причин одиночества предложена, с нашей точки зрения, У. А. Садлером и Т. Б. Джонсоном. Они выделяют 4 уровня измерения одиночества: 1) космическое, 2) культурное, 3) социальное, 4)межличностное.

Анализ причин, приводящих к одиночеству, показал, что существует ряд психологических характеристик, которые объективно препятствуют установлению интимно-личностных отношений между людьми, принятию человеком другого как личности.

Также среди причин, приводящих к одиночеству, можно выделить следующие:

– сформировавшаяся в детстве установка базальной тревоги и недоверия по отношению к окружающему миру и, как следствие, форми-

рование защитных стратегий, одна их которых избегание любых отношений;

– одиночество личности в большей степени обусловлено трудностями в решении проблемы самореализации, последствия этого явления начинают особенно ярко проявляться в 30–40-летнем возрасте;

– связь выбора одиночества с кризисом 30-ти лет.

Посредством методики диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюссона испытуемые были разделены на 2 группы:

В 1 группу вошли испытуемые с высоким уровнем одиночества (30 человек-из них 15 девушек и 15 молодых людей). В 1 группе 33% (10 чел) имеют высшее образование и 67% (20 чел)-среднеспециальное / неполное высшее; 30% (9 чел)-замужем/женаты, у 17% (5 чел) – есть девушка/молодой человек, 53% (16 чел) – свободны, из них 11 человек находятся в активном поиске;

Во 2 группу – испытуемые с низким уровнем одиночества (30 чел. – из них 15 девушек и 15 молодых людей). Их них 83% (25 чел) имеют высшее образование и у 17% есть несколько высших образований; 80% (24 чел) замужем/женаты и у 20% есть девушка/молодой человек.

По результатам исследования, мы сделали следующие выводы:

1 группу отличает преобладание мотива СО(страх отвержения) в структуре мотивации аффиляции (67% у мужчин и 60% у женщин; что говорит о том, для них характерны негативные ожидания при установлении межличностного контакта), во 2 группе для большинства испытуемых характерно преобладание мотива СП (стремление к принятию) в структуре мотивации аффиляции (73% у мужчин и 53% у женщин, что говорит о том, при установлении межличностного контакта они настроены на позитивный исход).

Для 1 группы характерен низкий показатель ОЖ (осмысленности жизни), для 2 группы – высокий.

Для 1 группы характерны низкие баллы по шкале «цели» (что говорит об отсутствии в жизни испытуемых целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу). И, напротив, для 2 группы характерны высокие баллы по этой субшкале (что позволяет говорить о наличии таких целей);

Для 1 группы характерны низкие баллы по шкале «процесс» (что является признаком неудовлетворенности своей жизнью в настоящем), у 2 группы отмечаются высокие баллы (что говорит об удовлетворенности своей жизнью в настоящем);

По шкале «результат» для испытуемых из 1 группы характерны низкие баллы (что говорит о неудовлетворенности прожитой частью жизни). И напротив, для 2 группы характерны более высокие баллы по этой шкале (что говорит об удовлетворенности прожитой частью жизни);

Для 1 группы по шкале «локус контроль-Я» характерны низкие баллы (что говорит о неверии в свои силы контролировать события собственной жизни), у 2 группы отмечаются высокие баллы по этой же шкале (что говорит о том, что они обладают достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле);

Для 1 группы характерны низкие баллы по шкале «локус контроль-жизнь» (что говорит о фатализме, убежденности в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю). У 2 группы отмечаются высокие баллы (что говорит о том, что индивид способен контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь).

Согласно полученным выводам и результатам математико-статистической обработки наша гипотеза о том, что мотивационная установка выбора одиночества у молодых людей обусловлена такими социально-психологическими характеристиками как: преобладающий мотив страха отвержения, низкий показатель осмысленности жизни, высокий уровень одиночества, подтвердилась.

За основу рекомендаций по преодолению одиночества мы взяли 12 заповедей от социального психолога, кандидата психологических наук Адольфа Ульяновича Хараша:

1. Если ты чувствуешь себя одиноким, назови вещи своими именами. Признайся, что ты покинут; признайся, что ты оставлен; признайся, что ты не понят; признайся, что ты не принят; признайся, что ты гоним.

2. Покидающий тебя – твой друг, ибо он помогает тебе оберегать бесценный дар одиночества.

3. Любуясь делом своих рук, равно как и сокрушаясь по поводу содеянного тобой в окружающем мире, ты можешь ощущать себя героем, альтруистом, спасителем, мастером, создателем, гением, творцом; или, напротив, злодеем, разрушителем, невежей, глупцом – кем угодно, но только не личностью. Чтобы почувствовать в себе личность, надо вжиться в себя изнутри, из глубины своего естественного изначального одиночества, как митрополит Антоний. Ощутить себя

личностью – значит почувствовать свою принадлежность самому себе: я у себя есть.

4. Помни: ты у себя есть. Не забывай об этом. Не забывай, что тебя связывает с собой реальное человеческое отношение совместного подкожного бытия, которое надлежит беречь, укреплять и совершенствовать. В этом твоя ответственность перед собой и перед обществом, ибо в состоянии внутреннего разлада ты опасен для окружающих.

5. Одиночество – это бескрайний простор для выбора собеседника. Будь осмотрителен и мудр в своем выборе. Вряд ли ты найдешь собеседников лучше Бога и самого себя. Не позволяй вторгаться в свои беседы своим непрошеным двойникам.

6. Не упускай возможности прожить среди людей тихо и бесследно, не наследив в их памяти и сознании. Радуйся не своей власти над ними, а собственной власти над собой, удерживающей тебя от непрошеных "вкладов" в их судьбы.

7. Почитай себя. Обращайся к себе с почтением и предупредительностью. Не фамильярничай. Ты – чудо природы, произведенное на свет в единственном экземпляре.

8. Люби себя. Не жалей на себя ни сил, ни времени, ни денег, ни трудов. Это и есть твой бесценный дар ближнему. Ибо как возлюбить ближнего, если не полюбишь себя?

9. Потеряв себя, не пугайся. Не забывай о своем голосе, и ты всегда найдешь себя в нем. Подай голос, окликни себя. Дай знак, что ты здесь. Услышь себя.

10. Учись общению с собой. Оно поможет тебе отказаться от привязанностей и найти среди людей любовь. Воздержись от привязанностей.

11. Цени свой голос, не трать его попусту. Помни, что нет для тебя голоса более авторитетного.

12. Помни: одиночество, осознанное и принятое, – это праздник индивидуальности

Практическая значимость исследования заключается в том, что:

1. Результаты исследования могут быть полезными для совершенствования психологической помощи людям, страдающим от одиночества, в качестве научного обоснования при коррекционной и психотерапевтической работе с ними. Полученные данные позволяют по-новому взглянуть на проблему одиночества как производную проблем личностного развития. Можно рекомендовать акцентировать внимание в коррекционной работе по преодолению одиночества на развитии конструктивных сторон функционирования "Я".

2. Выводы теоретической и эмпирической части данного исследования можно использовать при разработке учебных программ, курсов по психологии личности, спецкурса "Психология одиночества", они могут быть также использованы психологическими службами при разработке программ работы с семьей с целью ранней профилактики одиночества и для развития оптимального типа детско-родительских отношений.

3. Результаты исследования можно использовать в процессе подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов – психологов.

4. Для того чтобы разрешить поставленную нами проблему, возможно, следует провести дополнительные эмпирические исследования.

Возможные пути дальнейших исследований:

– создание коррекционных программ по преодолению одиночества;

– детальное исследование причин, приводящих к одиночеству;

– исследование проблемы одиночества как производной проблемы личностного развития, а, следовательно, изучение связи не рассмотренных нами социально-психологических характеристик с мотивационной установкой выбора одиночества у молодых людей.

СУБЪЕКТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ОБЪЕКТАМ ПРИРОДЫ В ДОМЕ

Е.В. Селевко

Проблема отношений является одной из наиболее перспективных и изучаемых проблем в современной психологии. Основоположником теории отношений по праву считают В. Н. Мясищева, который, развивая идеи, заложенные еще А.Ф. Лазурским, разработал достаточно стройную систему взглядов на природу отношений человека, их структуру, своеобразие, динамику проявлений [3].

В системе отношений человека выражаются его взгляды, установки, позиции, «запечатлены» его потребности, обусловливающие значимость, «пристрастность» к объектам действительности и к самому себе. Среди многообразных отношений человека выделяют и специфические его отношения к природе [1]. Они могут описываться как объективная связь природы и потребностей личности, которая находит отражение во внутреннем мире человека.

В силу этого отношение к природе приобретает своеобразие субъективного отношения.

В современной науке данной проблеме уделяют особое внимание С. Д. Дерябо и В. А. Ясвин. Они показали, что в основе субъективного отношения к природе лежит запечатленность в тех или иных объектах и явлениях потребностей человека. Поэтому одни объекты безразличны для личности, другие стимулируют пристрастное отношение к ним.

В то же время, очевидно, что наряду с выделенными учеными факторами, такими как интенсивность, модальность, широта и устойчивость, которые характеризуют преимущественно само отношение к природе, существует и некоторый базовый фактор, связанный со спецификой и своеобразием восприятия человеком мира природы. Как человек воспринимает природу, какой внутренний образ ее он у себя формирует, в какой степени наделяет ее субъектными свойствами (очеловечивает), от этого будет во многом зависеть и его конкретное отношение к ней [1].

Мир природы окружает нас везде, в том числе и в жилище. Природа в доме обладает огромной целительной силой, доставляет человеку эстетическое наслаждение, она – источник радости, бодрости, поэтического вдохновения [5]. И не удивительно, что человек стремится приблизить к себе кусочек живой природы, он хочет видеть ее у себя в комнате. «Растения создают иллюзию контактов с природой. Они благотворно влияют на центральную нервную систему, помогая справиться с плохим настроением или стрессовым состоянием» [2, с. 6].

Как подчеркивает Н. Н. Капранова пейзажи, изображающие красоту и богатство природы, создают в нашем доме ощущение достатка и процветания. Фотография розы может призвать в дом чувство любви. Фотография летящей стаи птиц способна привнести в нашу жизнь ощущение свежести и жизненной силы. Фотографии, изображающие горы, могут вызывать чувство умиротворенности и безмятежности. Фотографии природных объектов обладают положительной энергетикой, способной гармонизировать пространство вокруг себя. Звуки природы очень полезны, особенно для людей, живущих в крупных городах. Природа дает нам огромный заряд энергии, придает больше духовных и физических сил и творческого потенциала, отвлекает от тяжелых мыслей повседневной суеты [2].

Исследования, посвященные изучению влияния природы, находящейся в нашем доме весьма немногочисленны. В настоящее время психологами проведен ряд исследований, в которых рассматриваются определенные аспекты личностного отношения к природе в доме. В

частности, Е. В. Цокало выявлено, что интенсивность субъективного отношения к природе у депривированных детей – воспитанников детских домов выше, чем у «обычных»; П. Н. Виноградовым предложены методы по снижению дезадаптации детей из детского дома, из неполных семей и семей с психологическими проблемами при помощи партнерского взаимодействия с домашними животными; Н. Н. Авдеевой и Г. Б. Степановой установлены значимые корреляции между «низкой конфликтностью детей со сверстниками» и «наличием животных в семье»; Э. Кейн установила позитивное влияние домашних животных на взаимоотношения супругов [5].

Актуальность и недостаточная изученность проблематики субъективного отношения личности к природе в доме определили цель проведенного в 2010-2011 гг. исследования. Цель исследования – выявить связь типа личности с особенностями субъективного отношения к объектам природы в доме.

Выборку исследования составили учащиеся Северо-Кавказского техникума «Знание» и студенты Кубанского государственного университета, объём выборки – 322 человека в возрасте от 18 до 23 лет. Из них 148 юношей и 174 девушки.

С целью выявления паттернов субъективного отношения к объектам природы в собственном доме был разработан опросник «Объекты природы в нашем доме», состоящий из 16 вопросов. В опросник вошли как общие вопросы о наличии и расположении природных объектов в доме, так и частные вопросы, касающиеся ухода, степени ответственности и значимости природных объектов. Опросник включает как закрытые, так и открытые вопросы.

Для определения типа личности использовался стандартизированный многофакторный метод исследования личности СМИЛ (адаптированный Л. Н. Собчик), позволяющий получить психологический портрет человека [3].

Методика СМИЛ включает в себя десять шкал. Шкала невротического сверхконтроля выявляет мотивационную направленность личности на соответствие нормативным критериям как в социальном окружении, так и в сфере физиологических функций своего организма. Шкала пессимистичности выявляет преобладание пассивной личностной позиции. Шкала эмоциональной лабильности выявляет неустойчивость эмоций и конфликтное сочетание разнонаправленных тенденций: высокий уровень притязаний сочетается с потребностью в причастности к интересам группы, эгоистичность – с альтруистическими декларациями, агрессивность – со стремлением нравиться окружаю-

щим. Шкала импульсивности выявляет активную личностную позицию, высокую поисковую активность, в структуре мотивационной направленности – преобладание мотивации достижения, уверенность и быстроту в принятии решений. Шкала «мужественности-женственности» по-разному интерпретируется в зависимости от пола испытуемого. Повышенные показатели по 5-й шкале в любом профиле означают отклонение от типичного для данного пола ролевого поведения и усложнение сексуальной межличностной адаптации. Шкала ригидности выявляет устойчивость интересов, упорство в отстаивании собственного мнения, стеничность установок, активность позиции, усиливающуюся при противодействии внешних сил. Шкала тревожности выявляет преобладание пассивно-страдательной позиции, неуверенность в себе и в стабильности ситуации, высокую чувствительность и подвластность средовым воздействиям, повышенную чуткость к опасности. Шкала индивидуалистичности выявляет обособленно-созерцательную личностную позицию, аналитический склад мышления, преобладание склонности к раздумьям над чувствами и действенной активностью. Шкала оптимистичности отражает активность позиции, высокий уровень жизнелюбия, уверенность обследуемого в себе, позитивную самооценку, склонность к шуткам и проказам, высокую мотивацию достижения, однако ориентированную в большей степени на моторную подвижность и речевую сверхактивность, нежели на конкретные цели. Шкала социальной интроверсии отражает снижение уровня включенности в социальную среду, выявляет известную замкнутость, застенчивость.

Сравнение максимально выраженных шкал в профиле СМИЛ с содержанием ответов, полученных с помощью опросника, показало, что психологические характеристики личности связаны с паттернами субъективного отношения к природе в доме.

71,7% испытуемых от всей выборки с высоким профилем по шкале невротического сверхконтроля предпочитают иметь у себя дома картины и сувениры с изображением природных объектов, любят читать о природе, но лишь у 13% опрошенных с этим профилем есть комнатные растения и реже животные. При этом у большинства испытуемых одновременно повышен профиль на шкале тревожности.

Сочетание высоких показателей по шкалам невротического сверхконтроля и ригидности выявляет у 45,3% респондентов желание оформлять пространство в своем доме комнатными растениями и цветами, но животных они заводят в жилище, рассматривая их преимущественно с точки зрения пользы.

Высокий профиль на шкале эмоциональной лабильности, сочетающееся с повышением шкалы импульсивности, у 51,2% испытуемых связано со следующими предпочтениями: они оформляют пространство в доме различными картинами с изображением природных объектов, гербариями и сувенирами с природной тематикой; они так же являются инициаторами приобретения комнатных растений и домашних животных, среди которых встречаются и экзотические. Но, уход за своими питомцами осуществляют самостоятельно только 20% студентов с высокими шкалами эмоциональной лабильности и импульсивности.

Повышение профиля на шкале эмоциональной лабильности, сочетающееся с повышением шкалы оптимистичности, у 59,9% респондентов связано с такими предпочтениями, как оформление своей комнаты различными картинами с изображением природных объектов, сувенирами с природной тематикой и цветами. Приобретая домашних питомцев, они советуются с родственниками и специалистами в данной области. Уход за своими растениями и животными осуществляют 68,9% студентов с повышенными шкалами эмоциональной лабильности и оптимистичности.

Высокие показатели по шкале индивидуалистичностности выявляют у 43,2% испытуемых от всей выборки с данным пиком стремление приобретать картины с изображением природных объектов, комнатные растения и животных, преимущественно экзотических. Сочетание высоких показателей по шкалам индивидуалистичностности и социальной интроверсии у 63% опрошенных показывает готовность наделять природные объекты субъектными качествами, разговаривая с ними.

Высокий профиль на шкалах пессимистичности и «мужественности-женственности» не выявило значимого влияния на субъективное отношение к объектам природы.

Проведенное исследование показало, что индивидуально-типологические особенности личности связаны с паттернами субъективного отношения к природным объектам в доме. Испытуемые с такими чертами личности, как невротический сверхконтроль и ригидность рассматривают природные объекты с прагматической точки зрения. Это может быть следствием особенностей, характерных для данных психологических характеристик личности: контроль над эмоциями, гиперсоциальная направленность интересов, ориентация на правила, рациональность склада ума, практичность.

Такие психологические черты личности, как эмоциональная лабильность и импульсивность связаны с созерцательным, эстетическим отношением к природным объектам, а сочетание эмоциональной лабильности с оптимистичностью показывает потребность испытуемых оформлять свою комнату различными природными объектами и ухаживать за домашними питомцами. Ведущий пик по шкале оптимистичности в сочетании с высоким профилем на шкале эмоциональной лабильности отражает яркость эмоций и активность жизненной позиции, что может способствовать ответственному подходу к взаимодействию с природными объектами.

Индивидуалистичность и социальная интроверсия влияет на стремление опрошенных наделять природные объекты субъектными качествами. Присущая этим чертам личности способность воссоздавать целостный образ на основании минимальной информации, с обращением особого внимания на субъективно значимые аспекты, а так же избирательность в контактах и субъективизм в оценке явлений окружающей жизни способствует восприятию природных объектов как партнеров для общения.

Субъективное отношение человека к природе – это достаточно сложная с психологической точки зрения сфера взаимодействия человека с миром, где находят выражение психологические черты и позиция личности, ее взгляды и установки.

Библиографический список

1. Дерябо С. Д. Феномен субъектификации природных объектов: дис. … д-ра психол. наук. М., 2002. 365 с.

2. Капранова Н.Н. Комнатные растения в интерьере. М., 2009

3. Мясищев В.Н. Личность и неврозы. Л., 1960

4. Собчик Л.Н. СМИЛ. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности. СПб.: Речь, 2004. 224 с.

5. Ясвин В.А. Психология отношения к природе. М.: Смысл, 2000. 456 с.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ВЕДУЩИЕ МОТИВЫ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ

Т.О. Синякова

Представления о мужском и женском многообразны в различных социальных традициях и у разных народов, т.е. биологическое поразному репрезентируется в общественных отношениях. В контексте современной гендерной психологии постулируется идея о сложной взаимосвязи между биологическим полом и социально психологиче-

скими характеристиками личности. Доказано, что мужское и женское – это не результат биологического развития, а продукт социального конструирования и бесконечного числа личностных выборов, согласующих культурные требования и собственные потребности [1; 3].

Считается, что гендерная идентичность – это результат социализации, итогом которой является осознание личностью себя как представителя определенного биологического пола, на основе усвоенных в процессе социализации норм, способов и стереотипов поведения, принятых (одобренных) в конкретном социуме для мужчин и женщин. Гендерная идентичность как одна из базовых характеристик человека связана и оказывает влияние на различные аспекты бытия личности: семейную, профессиональную, досуговую и т. д. То есть мотивация, эмоциональные особенности, смыслы и стратегии самореализации – все это и многое другое испытывает на себе некую гендерную «предзаданность», которую личность принимает, интегрирует, трансформирует или даже преодолевает [2; 4].

В подростковый период влияние различных переживаний личности, связанных с ее гендерной идентичностью, имеет более интенсивный характер, так как половое созревание личности протекает на фоне сложного процесса самоопределения и развития личности. Ситуация «гендерного взросления» подростка осложняется еще и тем, что с одной стороны в обществе сохраняются традиционные социальные ожидания к мужскому и женскому поведения, а с другой – часто противоречиво изменяются образы маскулинности и фемининности, которым девочки и мальчики не всегда могут соответствовать. В итоге современный мультиполярный мир даёт разнообразные возможности и перспективны для реализации целей и мотивов личности подростков.

Поэтому целью нашего исследования стало изучение гендерных различий в мотивации подростков.

В нашем исследовании приняли участие 200 подростков мужского и женского полов, занятые и не занятые в танцевальной деятельности, в возрасте 11-12 лет и 14-15 лет. Методикой измерения мотивации личности послужила методика, основанная на теории мотивации Д. Маккелланда, для определения ведущих потребностей-мотиваторов личности младших и старших подростков. Методика позволяет определить уровень выраженности трех мотивов личности подростков: достижение успеха в целом – стремление сохранить или максимально развить способности к видам деятельности, к которым могут быть применены критерии успешности; стремление к власти – стремление иметь определённые ресурсы, т. е. средства подкрепления, с помощью

которых можно обеспечить соответствующую мотивацию, тенденция к аффилиации – стремление к социальным взаимоотношениям, имеющим повседневный и в то же время фундаментальный характер.

Опишем выявленные ведущие мотивы подростков, занимающихся и не занимающихся танцами, представив результаты по гендерным и возрастным группам.

1. Подростки, занимающиеся танцами.

Мальчики-танцоры 11-13 лет в равной степени стремятся к достижению успеха и аффилиации, их показатели по указанным факторам находятся в диапазоне средних значений и приближаются к высоким. Наименее выражено в данной группе стремление к власти, хотя данный показатель также находится в диапазоне средних значений, но ближе к нижней границе. Мальчики-танцоры 11-13 лет испытывают потребность в достижении успеха во всех видах деятельности, поощрении со стороны значимых взрослых. Они общительны, дружелюбны и испытывают эмоционально положительный отклик при общении с окружающими людьми. Они стремятся к установлению сохранению дружеских отношений с людьми. Стремление к власти не является для них доминирующим.

В группе старших мальчиков-танцоров 14-15 лет данная тенденция сохраняется, но показатели достижения успеха и стремления к признанию и уважению перемещаются в диапазон высоких значений. Стремление к власти также становится более выраженным. Определяющей особенностью мотиваторов социально-психологической активности у мальчиков 14-15 лет, занимающихся танцами, является стремление к успеху. Мальчики-танцоры 14-15 лет стремятся к успеху и признанию. Стремление к власти проявляется более интенсивно, возможно этому способствует специфика спортивно-бальных танцев как парного вида спорта. Мальчики учатся принимать решения и быть лидерами. Общение с окружающими людьми позитивное, характеризуется взаимным принятием и расположением.

Выявлены различия в мотивации между мальчиками-танцорами 11-13 и 14-15 лет по уровню выраженности стремления к успеху и власти являются статистически достоверными.

Среди танцующих девочек 11-13 лет, занимающихся танцами, наиболее ярко проявляется тенденция к аффилиации. Стремление к достижению успеха и к власти находятся на среднем уровне. Танцующие девочки младшего возраста дружелюбны и испытывают положительные эмоции при общении. К власти они не стремятся, для них доминирующей потребностью является установление и сохранение пози-

тивных отношений с людьми. Девочки испытывают потребность быть успешными, но это не главное для них.

Девочки 14-15 лет, занятые в танцевальной деятельности, стремятся к признанию и уважению. Успех для них очень важен, но доминирующей остаётся потребность в эмоционально положительном общении. Лидерство (власть) для них не является приоритетным, они готовы к компромиссным решениям. Мотив стремления к признанию и уважению усиливается, как усиливается и стремление к успеху в целом.

Выявлены различия в мотивации между танцующими девочками 11-13 и 14-15 лет только по шкале достижение успеха: старшие девочки, занятые в танцевальной деятельности, более ориентированы на достижение успеха.

2. Подростки, не занимающиеся танцами.

Мальчики 11-13 лет, не занимающиеся танцами, наиболее ярко ориентированы на аффилиацию. Стремление к достижению успеха приближается к нижней границе среднего диапазона. Стремление к власти также находится на среднем уровне. То есть эти подростки дружелюбны, любознательны, с друзьями взаимно открыты. Их общение основано на взаимных интересах и положительных эмоциях. Стремление к власти и успеху не является для них значимыми.

Среди мальчиков 14-15 лет значительно выражена тенденция к аффилиации и чуть менее – стремление к достижению успеха. Стремление к власти становится наименее выраженным мотиватором из всех. То есть эти подростки общительны, стремятся к людям, испытывают удовлетворение от эмоционально положительного общения. Близкие по интересам друзья занимают важное место в их жизни. Они испытывают потребность в признании и уважении, стремятся к успеху. Тенденция к яркому лидерству им не присуща, но желание и умения принимать решения мальчикам свойственно.

Примечательно, что различия в показателях по всем трем мотивам между старшими и младшими подростками, не занимающимися танцами, статистически не достоверны.

Среди девочек 11-13 лет, не занимающихся танцами, наиболее выраженным мотиватором является стремление к признанию. Менее значимыми являются стремление к достижению успеха и власти. То есть младшие девочки дружелюбны, открыты, стремятся находиться в обществе, испытывают позитивные эмоции при общении. Испытывают потребность к признанию и уважению, но стремление к успеху не

является для них доминирующим. В отношениях предпочитают равноправие, охотно идут на компромиссы.

В группе девочек 14-15 лет, не занимающихся танцами, стремление к признанию еще больше усиливается, возрастает также стремление к власти и к достижению успеха. Старшие девочки общительны, дружелюбны, испытывают положительные эмоции при общении с окружающими людьми. Яркое стремление к власти не присутствует, но наблюдается развитие лидерских качеств и желание руководить. Испытывают потребность в признании и уважении, как и в успехе в целом. То есть девочки связывают достижение успеха в большей степени с признанием и уважением.

3. Сравнительный анализ ведущих мотивов между подростками.

В ходе сравнительного анализа (оценки уровня выраженности и различий между мальчиками и девочками по возрастам) было выявлено, что стремление к достижению успеха в большей степени присуще мальчикам, занимающимся танцами. Именно эти подростки хотят сохранить или максимально развить способности к видам деятельности, к которым могут быть применены критерии успешности.

Стремление к власти присуще в младшей подростковой группе – мальчикам, а в старшей – наиболее высокие результаты наблюдаются у мальчиков-танцоров и у девочек, не занимающихся танцами. Все эти подростки хотят иметь определённые ресурсы, т. е. средства подкрепления, с помощью которых можно обеспечить соответствующую мотивацию.

Тенденция к аффилиации характерна для всех девочек, но наиболее выражены показатели в обеих подростковых группах у девочек, занимающихся танцами. «Танцующие» девочки отличаются стремлением к социальным взаимоотношениям, имеющим повседневный и в то же время фундаментальный характер.

Таким образом, можно говорить о некоторых гендерных различиях между подростками, однако эти различия скорее проявляются у мальчиков и девочек в зависимости от занятости танцами. Так у подростков-танцоров мальчиков ведущий мотив – это достижение успеха, а у девочек: тенденция к аффилиации. У мальчиков и девочек, не занятых в танцевальной деятельности, ведущие мотивы одинаковые – это стремление к аффилиации. У мальчиков – танцоров ведущий мотиватор – достижение успеха в целом. Они стремятся развивать способности, благодаря которым могут добиться успеха в танцевальной деятельности.

Можно предположить, что ранняя профессионализация, реализуемая в виде занятий спортивно-бальными танцами, стимулирует у мальчиков развитие мотивации к достижению успеха и признанию. Очевидно, что танцы являются значимыми в жизни подростков, если они хотят достичь успеха и признания. Возможно, что и несколько более высокие показатели стремления к власти являются особенностью выборки, но возможно и особенностью личности, формирующейся спецификой парного вида спорта. У мальчика в паре ведущая роль, он принимает на паркете решения, девочка ведома. В танцевальной деятельности сочетаются спорт и творчество, где мальчику необходимо быть более технически подготовленному и выносливому, а партнёрша олицетворяет красоту и грацию. А вот у девочек, не вовлечённых в танцевальную деятельность, более ярко выраженные показатели всех мотивов. Это указывает на более успешное освоение девочками гендерной роли, больше отвечающей новым социальным ожиданиям, требующим от современной женщины большей уверенности в себе, настойчивости, ориентации на власть и стремление к успеху.

Полученные результаты позволяют сформулировать идею о том, что некоторые мотивы современных подростков связаны или зависят от их гендерной идентичности. Однако данное предположение требует дальнейшего уточнения.

Библиографический список

1. Бендас Т.В. Гендерная психология: учеб. пособие. СПб., 2005.
2. Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2001.
3. Клецина И.С. Психология гендерных отношений: теория и практика. СПб., 2004.
4. Ожигова Л. Н. Психология гендерной идентичности личности. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2006.

ВЛИЯНИЕ ПЛАНИРОВАНИЯ КАРЬЕРЫ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ЛИЧНОСТИ

Е.А. Сомова

В современной ситуации планирование будущего становится действительно важной и очень трудной задачей. Планируя непредсказуемое будущее, человек берет на себя некую долю контроля над своей жизнью, создавая, таким образом, для себя более безопасные и вместе с тем комфортные условия своей жизнедеятельности, улучшения своего субъективного качества жизни.

Известно, что проблема качества жизни человека актуальна для каждого, а данном этапе развития обусловлена реальной современной социально-экономической действительностью. Качество жизни является интегральной характеристикой, которое раскрывает по отношению к обществу в целом критерии его жизнедеятельности, условия жизнеобеспечения, а также условия жизнеспособности общества как целостного социального организма. Проблема качества жизни многосторонняя и комплексная, так как она включает в себя вопросы быта, мировоззрения, потребления, окружающей среды, психологии, поведения, общественной и трудовой деятельности и т. д. отдельной личности, социальной группы, общества в целом. [1]

Карьера, работа, по мнению Н. Е. Водопьяновой, З. Ф. Дудченко, является одной из жизненных сфер, составляющих качество жизни и отражающих, как объективный, так и субъективный аспекты данной категории. Интересен тот факт, что достаточно большое количество литературы по теме карьеры не охватывает проблему планирования карьеры человеком, его влияния на сферы жизни и на качество жизни в целом. Именно поэтому, влияния планирования карьеры на качество жизни личности представляется для нас актуальной и достаточно свежей темой для исследования. [1]

Цель нашего исследования – выявить влияние особенностей планирования карьеры на качество жизни личности

Гипотеза: планирование карьеры влияет на качество жизни личности. Объект – планирование карьеры и качество жизни. Предмет – влияние планирования карьеры на качество жизни личности.

В нашем исследовании были использованы следующие диагностические методики:

– оценка уровня удовлетворенности качеством жизни Н. Е. Водопьянова;

– опросник "Стиль саморегуляции поведения", Моросанова

– методика «Способность самоуправления»

– определение понятия «Карьера»

– авторская анкета «Карьерные планы»

Выборку исследования составили жители г. Краснодара в возрасте от 23 до 32 лет в количестве 15 человек. Основанием для формирования выборки была экономическая независимость респондентов.

На данный момент мы находимся на первом этапе нашего исследования, на котором мы проясняем для себя такие категории как планирование, карьера, качество жизни; занимаемся пилотажным иссле-

дованием, которое уже сейчас заставляет нас переосмыслить задачи нашего исследования и методический аппарат.

Проанализировав литературу по проблеме планирования, мы пришли к некоторому синтезированному пониманию данного феномена. Ряд авторов как зарубежных, так и отечественных занимались проблемой жизненного планирования: К.А. Альбуханова-Славская, А.А. Кроник, В. И. Ковалев, А. И. Федорова, В. Ф. Серенкова, Дж. Миллер, Е. Галантер, К. Приврам и другие. [2, 3, 5]

Взгляды авторов, работающих с феноменом планирования жизненной перспективы, объединяет следующее:

1. Перспектива понимается как постановка цели, т.е. любой план направлен на достижение определенной цели

2. План характеризуется наличием способов достижения цели, путей, которым намерен следовать человек для реализации цели

3. Осознанность ценности и смысла реализации намеченного плана

Кроме того, интересна позиция Дж. Миллера, Е. Галантера, К. Приврама, обозначающая план как «иерархически построенный процесс в организме, способный контролировать порядок, в котором должна совершаться некоторая последовательность операций». [3]

Таким образом, под планированием мы понимаем структурирование будущего, характеризующееся осознанной и осмысленной программой, способной контролировать порядок совершения определенных действий, направленных на достижение поставленной цели.

В ходе рассмотрения категории «карьера», нам представляется важным рассмотрения такой категории, как «профессиональное развитие». Вслед за К. Зайфертом, Под профессиональным развитием, рассмотренным процессуально и динамически, мы понимаем профессию или профессиональную деятельность в контексте жизненного развития. При этом возможны три аспекта рассмотрения [2]:

1. В институциональном смысле: карьера как формальнобюрократически организованное и иерархически упорядоченное взаимоотношение деятельностей, позиций, работы внутри социальной организации или профессиональной области;

2. В объективном смысле: карьера как фактическое, объективно установленное качество позиций, которые индивид занимает в течение его профессиональной жизни;

3. В субъективном смысле: карьера определяется восприятием и формированием у индивида образцов для следования позициям или

профессиям в контексте его жизни, особенно под углом зрения субъективного единства отдельных шагов или фаз развития жизни.

Так же для нас интересно определение карьеры Л. И. Щербо как «непрерывного процесса успешного продвижения по лестнице административной, социальной, профессиональной, имущественной и прочей иерархии с целью достижения желаемого статуса и соответствующих ему уровня и качества жизни». [2]

Следует отметить, что автор в данном определении связывает карьеру с уровнем качества жизни, что может говорить о предполагаемом нами влиянии планирования карьеры на качество жизни личности.

Вслед за Г.Н. Савченко под качеством жизни мы понимаем «интегральный показатель жизнедеятельности людей, который включает в себя как объективные, так и субъективные показатели. Объективные показатели характеризуют уровень жизнедеятельности человека, а субъективные – степень удовлетворения его потребностей и ценностных структур разного уровня» [4].

Перейдем к изложению эмпирических данных и полученных результатов.

Выборка характеризуется средними показателями по удовлетворенности качеством жизни, средними показателями по способности к планированию, достаточно однородной структурой отношения к карьере.

В ходе корреляционного анализа была выявлена корреляция между способностью к планированию и удовлетворенностью качеством жизни. Таким образом, мы можем утверждать, что способность к планированию и качество жизни связаны.

На наш взгляд, представляется важным изучение различий в степени удовлетворенности качеством жизни в группах с разным проявлением способности к планированию. С этой целью мы разделили выборку на две подгруппы: с высокой способностью к планированию и низкой.

Интересен тот факт, что в ходе анализа средних показателей по удовлетворенности качеством жизни в группах с высокой и низкой способностью к планированию, мы можем отметить более высокую удовлетворенность у группы с высокой способностью к планированию. Вероятно, что способность к планированию увеличивает удовлетворенность качеством жизни за счет некоторого контроля жизненных событий, дающего уверенность в завтрашнем дне.

Хотелось бы отметить, что структура отношения карьере у выборки достаточно однородная. Успешная карьера определяется респондентами как оживленная, деловая, уверенная, настойчивая. В обеих группах (с высокой способностью к планированию и низкой) структура отношения одинаковая. Но вместе с тем, структура отношения к реальной и успешной карьере имеют больше сходства в группе с высокой способностью к планированию. То есть они так же определяют свою реальную карьеру как оживленную и деловую. Тогда как в группе с низкой способностью к планированию реальная карьера представляется как спокойная, неделовая и ненастойчивая.

Авторская методика «Карьерные планы» представлена открытыми вопросами, затрагивающими карьерные цели и планы по достижению их.

Как оказалось, что респонденты легко выделяя карьерные цели (в группе с высокой способностью к планированию респонденты выделяют большее количество целей), не обозначают конкретный план достижения их, давая такие ответы: «я вообще не планирую карьеру», «не занимаюсь составлением плана» и т. д. И лишь три респондента указали конкретный план, однако, не отличающийся детализированностью. Таким образом, обладая способностью к планированию, респонденты не составляют планов, не имеют конкретных планов достижения целей. Нам представляется, что в ходе пилотажного исследования для нас это наиболее интересный и важный результат: способность к планированию не означает использование её в реальной жизни. Возникает вопрос, а действительно ли планирование карьеры важно в современных условиях? Признавая пользу планирования, говоря о том, что это очень важный компонент достижения цели, оказывается, что респонденты не составляют планов, кроме того не хотят этого делать. С чем это может быть связано? Для нас это трудный исследовательский вопрос. Планирование так или иначе подразумевает под собой определенную череду действий, которую человек намеревается совершить, быть может дает себе обещание совершить её, но выполняет не всегда, в силу разных причин, может быть нежелание планировать – это отказ от принятия ответственности за активность, направленную на достижение цели? Помимо этого, есть предположение о том, что в условиях быстрого изменения жизненных реалий, тем более карьерных, выдвинутые цели динамично меняются, преобразуются и план составленный к ним становится совершенно ненужным. И, может быть, именно это непостоянство целей, частая их перемена делает составление плана абсолютно нерентабальным, не имеющим должного эффекта и полезно-

сти? Таковы наши предположения на выдвинутую проблему. Но вместе с тем, главный исследовательский вопрос после пилотажного исследования поменял ракурс: на данный момент проблема нашего исследования такова: актуально ли и эффективно планирование в современных условиях?

Для того, чтобы прояснить причины поставленной проблемы и разобраться в ней, нами запланировано полуструктурированное интервью с участниками пилотажного исследования. В последующем исследовании целесообразным представляется использование таких методов, как интервью, фокус-группы, проективные методы. Кроме того, представляется важной и интересной проблема реализации карьерных планов, которая может быть исследована с помощью деловой игры.

Полученные результаты дают нам основания рассматривать планирование карьеры в независимости от феномена качества жизни (корреляций выявлено не было), т.е. как фактор, влияющий на удовлетворенность жизнью в целом и отдельными её сферами.

Библиографический список

1. Бестужев–Лада И. В. Категория «качества жизни» в современной западной социологии // Современные концепции уровня, качества и образа жизни. М., 1978. С. 120-140.

2. Головаха Е. И. Жизненные перспективы и профессиональное самоопределение. Киев, 1998.

3. Дж. Миллер, Е. Галантера, К. Приврам Планы и структура поведения//Изд-во «Прогресс», М.,1964. 176-180.

4. Савченко Т. Н., Головина Г. М. Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. М.: Институт психологии РАН, 2006.

5. Серенкова В. Ф. Личностная организация времени как средство реализации жизненных планов // Применение концепции С. Л. Рубинштейна в разработке вопросов общей психологии: сб. науч. тр., М., 1989.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ У ПОДРОСТКОВ КОНСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СИТУАЦИЯХ ПРИТЕСНЕНИЯ

Н.Л. Сошина

В среде закрытых образовательных учреждений воспитанники сталкиваются с различными видами притеснения во взаимоотношениях со сверстниками (И. П. Башкатов и др.). В возникающих на основе притеснения конфликтных ситуациях для воспитанников данных учреждений характерно неконструктивное поведение (И. В. Дубровина,

М.Ю. Кондратьев, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых и др.). Решение данной проблемы актуально для воспитанников закрытых образовательных учреждений, поскольку подростки, лишенные возможности в рамках своей группы индивидуализироваться и интегрироваться, начинают поиск других сообществ, нормы и ценности которых нередко противоречат общепринятыми, таким образом, подростки, пострадавшие от притеснений, несут угрозу для других людей.

Конструктивное поведение подростка в ситуации притеснения – поведение, которое ведет к позитивному разрешению противоречий, лежащих в основе притеснений, и направлено на применение стратегий сотрудничества и компромисса в процессе межличностного взаимодействия на фоне владения другими поведенческим стратегиями.

Для технологии характерно разделение процесса на взаимосвязанные этапы; координирование и поэтапное выполнение действий, направленных на достижение искомого результата; однозначность выполнения включенных в технологию процедур, что является условием достижения результатов, адекватных поставленной цели [1].

Построение психолого-педагогической технологии формирования у подростков конструктивного поведения в ситуациях притеснения в сфере взаимоотношений со сверстниками осуществлялось нами на основе **модели,** представляющей собой структуру, включающую задачно-целевой, организационно-содержательный и оценочный блок.

Целью моделируемого психолого-педагогического процесса является формирование у подростков конструктивного поведения в ситуации притеснения в сфере взаимоотношений со сверстниками.

Достижение поставленной нами цели предполагает решение следующих **задач**:

формирование представлений о сущности притеснений, их неправомерности; формирование умения определять вид и фактор притеснения, давать объективную оценку ситуации притеснения; умения анализировать причины ее возникновения, прогнозировать ее развитие и последствия; развитие способности быстро принимать и обосновывать конструктивные варианты разрешения ситуации притеснения (познавательный компонент);

формирование умения управлять своим эмоциональным состоянием и открыто выражать эмоции без оскорбления личности в ситуации притеснения (эмоциональный компонент);

формирование способности к сознательному контролю и управлению собой, своим поведением в ситуации притеснения (поведенческий компонент).

В ходе разработки программы коррекции поведения подростков в ситуациях притеснения мы ориентировались на когнитивно-поведенческие подходы в психокоррекции конфликтного поведения, рассматривающие поведение человека в неразрывной связи с его пониманием и интерпретацией данного поведения (А. Эллис, А. Ландж). В соответствии с данным подходом, изменение неконструктивного поведения основывается на проявлении и изменении конструктов интерпретации данного поведения и окружающего мира (когнитивных конструктов) в сочетании с усвоением образцов конструктивного поведения в конкретных ситуациях.

Структура программы «Общение без притеснений» состояла из 4 блоков:

1) **Диагностический блок** предполагал получение психолого-педагогической информации путем применения следующих **методик**: анкета, разработанная нами на основе комплексного опросника по выявлению видов притеснения (И.П. Башкатов, 2005); МСА (А.Я. Анцупов, 1992); социометрическая методика; методика М. Ю. Кондратьева (М.Ю. Кондратьев, 2005); тест К. Томаса (адаптированный Н.В. Гришиной).

В ходе изучения психолого-педагогических особенностей притеснений во взаимоотношениях подростков в условиях закрытых образовательных учреждений было выявлено, что подростки сталкиваются с факторами психического, морального и физического притеснения. Притеснения ведут к развитию конфликтных взаимоотношений, причем, по сравнению с детским домом группы школы-интерната имеют более высокие показатели абсолютного числа конфликтных диад, среднего индекса и интенсивности конфликтных взаимоотношений, среднего значения индивидуальных индексов конфликтности; в подростковых группах школы-интерната складываются преимущественно моноструктурированные сообщества, для которых характерно наличие двух выраженных статусных страт, фиксированность статусных характеристик, отсутствие средней страты, что в противоположность полиструктурированному сообществу в группах детского дома создает предпосылки для формирования статусного противостояния подростков в группе; в моноструктурированных сообществах подростки, обладающие максимальным индивидуальным индексом конфликтности в группе, виктимизируются посредством приобретения низкого статуса, являясь изолированными, непринятыми; воспитанники школы-интерната и детского дома в конфликтных ситуациях выбирают не-

конструктивные стратегии соперничества, избегания и приспособления.

2) В ходе реализации **проектировочного блока** нами были определены цели, задачи, принципы, содержание, этапы, методы, формы, средства и психолого-педагогические условия формирования у подростка конструктивного поведения в ситуациях притеснения со сверстниками, а также планируемый результат и показатели сформированности конструктивного поведения в ситуациях притеснения.

3) **Формирующий блок** предполагал непосредственную реализацию программы социально-психологического практикума по формированию у подростка конструктивного поведения в ситуациях притеснения. Структурными компонентами формирующего блока являются 5 взаимосвязанных этапов: на **вводном этапе** коррекционной работы осуществлялась постановка цели совместной деятельности, установление правил работы группы, создание положительной установки на участие в работе группы, установление позитивных отношений, преодоление отчуждения, формирование взаимного доверия, разностатусных партнерских пар и подгрупп, формирование мотивации, способствующей совместному поиску путей разрешения противоречий, направленности на сотрудничество; **на втором этапе** осуществлялось формирование представлений о сущности притеснений, их неправомерности, формирование умения давать объективную оценку ситуации притеснения, анализировать причины ее возникновения, прогнозировать развитие и последствия, развитие способности принимать и обосновывать конструктивные варианты разрешения ситуации притеснения; **на третьем этапе –** формирование умения управлять своим эмоциональным состоянием в ситуации притеснения, развитие способности открыто выражать свои эмоции без оскорбления личности оппонента; **на четвертом этапе** – формирование способности к сознательному контролю и управлению своим телом, жестикуляцией и мимикой, способности контролировать свои позы в ситуации притеснения, способности к сознательному контролю и управлению своим поведением; на итоговом **пятом этапе** – обобщение и закрепление навыков конструктивного поведения в ситуациях притеснения, создание мотивации для дальнейшего личностного развития.

В качестве основного метода формирования у подростков конструктивного поведения в ситуациях притеснения был выбран социально-психологический практикум, который позволяет «проживать» различные ситуации и осознавать возникающий в межличностном взаимодействии опыт. В процессе группового взаимодействия проявлялись

неконструктивные модели поведения и обеспечивающие их когнитивные конструкты, которые замечались участниками посредством идентификации и в процессе получения обратной связи. Перевод во внешний план неконструктивных моделей поведения и когнитивных стереотипов интерпретации окружающего мира происходил в процессе проигрывания роли и в процессе вербализации.

Для проведения социально-психологического практикума нами было разработано и апробировано 30 занятий, в структуру которых были включены следующие **компоненты**: упражнение-разминка, которое применялось для активизации подростков, создания положительного эмоционального настроя; обсуждение происходящего в промежутке между занятиями, направленное на анализ изменений в поведении подростков; игра (упражнение), направленное на демонстрацию содержания темы занятия, формирующее интерес к теме; информационный блок, направленный на усвоение знаний по теме занятия (во время теоретической части подростки могли уяснить новую модель поведения, скорректировать привычки, противоречащие формируемым навыкам); упражнения, направленные на решение задач программы коррекции (упражнения на формирование умения управлять эмоциональным состоянием в ситуациях притеснения, на развитие способности открыто выражать эмоции без оскорбления личности оппонента, упражнения на формирование умения владеть своим телом, жестикуляцией и мимикой в напряженных ситуациях); рефлексия, направленная на получение обратной связи; домашнее задание; релаксационное упражнение [4].

В ходе реализации заключительного этапа формирующего блока программы коррекции поведения подростков в ситуациях притеснения со сверстниками была проведена коллективная информационная акция «Подростки против притеснений», целью которой являлась профилактика притеснений во взаимоотношениях подростков в рамках школы-интерната, что предполагало решение ряда задач: привлечение внимания подростков, которые не вошли в экспериментальные группы, к проблеме притеснений в межличностных отношениях со современности; оказанием помощи подросткам, которые периодически становятся жертвами притеснений; осознание неправомерности притеснений подростками, которые применяют их во взаимоотношениях со сверстниками [4].

Подросткам на первом вводном занятии было предложено по ходу проведения практикума заполнять разработанный нами дневник [5], в котором они могли отражать результаты выполнения домашних заданий, вопросы, мысли, которое возникали в связи с темой занятия. Вся

процедура занятий по программе в дневнике была представлена как процесс подъема по «лестнице достижений». Кроме того, в дневнике была отражена информация, необходимая для успешного выполнения предложенных заданий.

Анализ психологической, социально-педагогической литературы и результатов констатирующего эксперимента позволил сделать вывод о том, что формирование конструктивного поведения подростков в ситуациях притеснения будет эффективно при соблюдении следующих психолого-педагогических условий:

1. Эффективная психолого-педагогическая диагностика: ценность констатационно-диагностического материала заключается в том, что лишь с опорой на него можно выстроить обоснованную коррекционную программу. При этом конкретное содержательное наполнение программы определяется конкретными особенностями сложившейся ситуации. Содержание коррекционных задач имеет ярко выраженную специфику в зависимости от того, с какой группой психолог практически взаимодействует.

2. Учет психологических особенностей поведения подростков в ситуациях притеснения со сверстниками: в процессе формирования у подростков конструктивного поведения в ситуациях притеснения необходимо помнить, что стремление подростков-воспитанников закрытых образовательных учреждений к крайним мерам решения противоречий – соперничеству или приспособлению – обусловлено особенностями подросткового возраста, специфическими чертами характера и поведения воспитанников закрытых образовательных учреждений. Не следует заставлять подростка отказаться от борьбы, от своих намерений, наоборот, необходимо дать им возможность защищать свои интересы, но добиться того, чтобы они делали это путем сотрудничества и компромисса. При распределении ролей в ходе организации игр необходимо учитывать стратегии поведения в конфликтных ситуациях, характерные для конкретных воспитанников, для того, чтобы подростку пришлось применять несвойственные стратегии и расширить свой поведенческий репертуар.

3. Организация многоплановой деятельности подростков: успешное решение задачи повышения личного статуса отвергаемого подростка в определенной степени зависит от того, удастся ли педагогу отыскать в деятельностной структуре группы ту сферу активности, в рамках которой данный конкретный член сообщества сможет наиболее полно раскрыть свою индивидуальность, утвердиться в личностном плане, добиться заметных для своих партнеров по взаимодействию и

общению результатов [2, С. 292]. Нахождение такой «деятельностной ниши» зависит от широты группового деятельностного спектра, от того, насколько многопланова и многоаспектна деятельность данного сообщества [2, С. 60].

Если низкостатусный член группы не может добиться необходимого успеха ни в одной из традиционных для этой группы сфер ее жизнедеятельности, необходимо расширить групповой деятельностный спектр за счет такого вида активности, в котором бы данный конкретный член группы мог бы проявить себя.

4. Формирование разностатусных групп подростков, самоуправление в которых построено на соблюдении принципа всеобщего участия, сменяемости и взаимоподчинения: важным фактором, существенно влияющим на предупреждение притеснений в процессе межличностного взаимоотношения является его успешная партнерская активность. Наиболее действенным способом расширения и углубления контактов подростков внутри сообщества для повышения его статуса является такая организация совместной групповой деятельности, при которой оказывается неизбежным тесное взаимодействие высокостатусных и низкостатусных подростков, но при этом обязательными условиями являются достижение низкостатусными членами успеха, причем, деятельность должна быть продуктивной, а не соревновательной. Лишь в условиях реальной групповой просоциальной полидеятельности и воплощенного во внутригрупповой жизни принципа сменяемости руководителя формируются предпосылки для того, чтобы в целом высокая самооценка высокостатусных членов группы не превратилась в неадекватно завышенное самомнение, а личностное развитие не тормозилось самодовольством и чувством избыточной самодостаточности [2].

Следует избегать концентрации и формальных, и неформальных властных полномочий в одних руках. Л. И. Божович также отмечает, что такое сращивание формальной и неформальной интрагрупповых стрктур в школе-интернате приводит к тому, что «наиболее развитые дети оказываются еще более выделенными из коллектива, а часто даже противопоставленными ему» [3, С. 50]. Подобное развитие событий может привести к укреплению стратификационного внутригруппового строения, что будет способствовать развитию притесняющих взаимодействий на основе дискриминации низкостатусных членов группы и чувстве своей особенности и исключительности у высокостатусных.

5. Трансформация моноструктурированных подростковых сообществ в полиструктурированные: формирование конструктивно-

го поведения подростков в ситуациях притеснения будет происходить более эффективно в условиях полиструктурированного подросткового сообщества, поскольку такие особенности моноструктурированного сообщества, как наличие выраженных статусных страт, представленных высокостатусными и низкостатусными подростками, отсутствие средней страты или ее малочисленность, фиксированность статусных характеристик создают предпосылки для формирования статусного противостояния подростков, что само по себе порождает ситуации притеснения, препятствует становлению конструктивного поведения подростка в конфликтной ситуации, препятствует позитивному разрешению противоречий, которые лежат в основе притеснений; статусное противостояние способствует применению стратегий соперничества (противоборства) в процессе межличностного взаимодействия. Моноструктурирование сообщества порождает жесткое разделение на низкостатусных и высокостатусных, ведет к поляризации и фактическому «разрыву группы» [2, С. 92].

6. Снижение распространенности и частоты проявления факторов психического, морального и физического притеснения во взаимоотношениях подростков со сверстниками: снижение распространенности и частоты проявления факторов притеснения будет способствовать снижению распространенности конфликтных ситуаций, возникающих на основе притеснений, таким образом, притеснение перестанет быть своеобразной средой, «нормой жизни» для воспитанника закрытого образовательного учреждения, к которой он постепенно привыкает и начинает воспринимать притеснение как естественные взаимоотношения.

Оценочный блок был посвящен обработке данных, полученных с помощью диагностических методик, обобщению результатов проведенной работы, оценке эффективности опытно-экспериментальной работы.

Проведенная коррекционная работа привела к положительным изменениям во взаимоотношениях подростков, о чем свидетельствуют статистически значимые изменения количественных показателей, являющихся критериями сформированности у подростков конструктивного поведения в ситуациях притеснения: снизился процент подростков, подвергающихся во взаимоотношениях со сверстниками воздействию факторов психического, морального и физического притеснения; снизился показатель абсолютного числа конфликтных диад, индекс и интенсивность конфликтных диадных взаимоотношений в группах; снизились индивидуальные индексы конфликтности подро-

стков; отмечен рост групповой сплоченности; увеличилось число подростков, избирающих в конфликтных ситуациях стратегии сотрудничества, компромисса и применяющих комбинацию стратегий в зависимости от ситуации. О положительной динамике во взаимоотношениях подростков в экспериментальных группах свидетельствуют качественные изменения: отсутствие изолированных членов групп; интенсивность и направленность социометрических выборов не определяется стратификационной принадлежностью подростков; моноструктурированные сообщества преобразовались в полиструктурированные; структура власти из двухуровневой преобразовалась в трехуровневую.

Данные нашего исследования не исчерпывают обозначившуюся проблему, требующую дальнейшего изучения по следующим направлениям: совершенствование технологии формирования у подростков конструктивного поведения в ситуациях притеснения со сверстниками; профилактика и коррекция притесняющих взаимодействий подростков во взаимоотношениях с учителями и воспитателями, воспитанниками другой возрастной группы.

Библиографический список

1. Виленский, М. Я., Образцов, П. И., Уман, А. И. Технологии профессионально-ориентированного обучения в высшей школе : учеб. пособие / под ред. В. А. Сластенина. М.: Педагогическое общество России, 2004. 192 с.

2. 65. Кондратьев, М. Ю. Социальная психология закрытых образовательных учреждений. СПб.: Питер, 2005. 304 с.

3. 150. Социальный приют для детей и подростков: содержание и организация деятельности : науч. метод. пособие для работников социальных приютов / под общ. ред. Г. М. Иващенко. М.: Просвещение, 2002. 224 с.

4. Сошина, Н. Л. Социально-психологический практикум по формированию у подростков конструктивного поведения в конфликтных ситуациях притеснения. Курск: Учитель, 2008. 98 с.

5. Сошина, Н. Л. Дневник подростка: общение без притеснений. Курск: Учитель, 2008. 50 с.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ О ЖИЗНЕННЫХ ЦЕЛЯХ

Е.В. Старкова

В статье представлены результаты исследования, связанного с изучением представления городской и сельской молодежи о жизненных целях. Целью исследования выступило определение представле-

ния молодежи о жизненных целях. Предметом изучения явилось представления городской и сельской молодежи о жизненных целях.

Анализ результатов исследования показал, что на начальном этапе обучения в колледже сельская и городская молодежь имеют больше сходства по своим жизненным целям внутри своих групп. Анализ особенностей и динамики представлений молодёжи о жизненных целях в процессе обучения в колледже демонстрирует выравнивание силы влияния факторов предшествующей социальной среды.

Выбор жизненных целей и формирование на их основе жизненных стратегий в непростых условиях трансформации общества, связанной с кардинальным изменением социальных представлений и стереотипов, является одной из основ самоопределения личности.

В жизни человека множество разнообразных видов деятельностей, в каждой из которых реализуется определенная цель. Жизненная цель выступает в роли общего интегратора всех частных целей, связанных с отдельными деятельностями. Реализация каждой из них есть вместе с тем частичная реализация (и в то же время развитие) общей жизненной цели личности [2]. Полноценно развитая зрелая личность характеризуется хорошо интегрированной, цельной психологической организацией, единство которой обеспечивается единством изменяющихся и развивающихся, но достаточно значительных жизненных целей. Они наполняют смыслом жизнь человека и осознаются им не просто как личностно значимые, но и как объективно значительные, общественно важные [4].

Жизненные планы являются средствами осуществления жизненных целей, их конкретизацией в хронологическом и содержательном аспектах, они определяют порядок действий, необходимых для реализации жизненных целей как основных ориентиров жизненного пути в будущем. Ценностные ориентации, жизненные цели и планы дают ответы на ключевые жизненные вопросы: в каких сферах жизни сконцентрировать усилия для достижения успеха? Что именно и в какой период жизни должно быть достигнуто? Какими средствами и в какие конкретные сроки могут быть реализованы поставленные цели? [1]. Наиболее актуальны вопросы жизненных целей для молодых людей, определяющих свою жизненную позицию и вырабатывающих устойчивый комплекс долгосрочных ориентиров. Можно предположить, что социальная среда, предшествующая студенческому периоду, как и принадлежность по полу, оказывают определенное влияние на содержание и структуру актуальных целей.

Данная гипотеза определила цель исследования. **Целью** исследования выступило определение представления молодежи о жизненных целях.

Решались следующие **задачи**:

– выявить различия и сходства в представлениях о жизненных целях у сельской и городской молодежи;

– определить особенности и динамику соотношения представлений молодых людей о краткосрочных и долгосрочных жизненных целях.

Исследование проведено на базе Пашковского сельскохозяйственного колледжа начальный этап обучения в колледже (первые дни обучения в колледже). Эмпирическую выборку составили 180 студентов в возрасте 16-17 лет, из них 81 девушка и 99 парней. Выборка представляет собой две предшествующие социальные среды: городская и сельская.

Применены методики: «Жизненные цели» позволяет провести диагностику жизненных целей в виде четких намерений и в точных формулировках явных и скрытых потребностей, интересов, желаний и задач респондентов.

Были получены следующие результаты:

Результаты ранжирования, осуществленного на материале оценок жизненных целей девушками из города, полученные на 1-м этапе исследования, показали, что первые три места, среди долговременных целей заняли: «хорошая работа», «образование», «счастливая семейная жизнь». На эти три цели приходится 78% всех ответов, данных девушками. Те же первые места при горизонте планирования в 3 года распределились следующим образом: «образование» – 1 место, второе и третье разделили «хорошая работа» и «свобода и независимость». В совокупности здесь первые места охватывают 79% процентов ответов, но из них 65% приходится исключительно на «образование». Разница в процентных долях между «свободой, независимостью» по первому и второму варианту подсчета в пределах 2%, «хорошая работа» почти в три раза меньше интересует респондентов в ближайшие три года, а ценность образования возрастает более чем в два раза на ближайшую перспективу. Также следует отметить, что ценность «любовь» и «общественная, лидерская активность», как долгосрочные цели вообще отсутствуют. С другой стороны, ценности «стать квалифицированным специалистом» и «карьерный рост, продвижение по службе» отсутствуют в краткосрочном жизненном планировании.

В целом, получились результаты, определяемые скорее реальными обстоятельствами, этапом жизни, чем индивидуальными склонностями респондентов. Что касается ценностей «активность» и «любовь», то отсутствие этих целей среди долгосрочных объясняется, видимо, намерением создать семью.

Результаты оценок жизненных целей сельскими девушками, полученные на 1-м этапе исследования показали, что для них главными долгосрочными целями являются «образование» – 1 место, «хорошая работа» – 2 место, «семейная жизнь» – 3 место. В сумме на них приходилось 74% ответов. Первая тройка почти совпадает с аналогичной у девушек из города. «Образование» и «хорошая работа» потеснили «семейную жизнь» с первого места и лидируют, набирая в сумме 73%. При сокращении горизонта планирования «образование» и «хорошая работа» остались на прежних местах, но цель «образование» удвоила свой результат, а «хорошая работа» напротив набрала только 6% ответов. Места с 3-го по 6-е оказались разделены группой ценностей, из которых «уважение окружающих», «общественная, лидерская активность», «хорошо проводить время» – отсутствуют среди долгосрочных. Также отметим, что ценности «любовь», «стать квалифицированным специалистом» и «материальное положение» девушки из села решили отложить на перспективу. Еще одно отличие девушек из села от городских: если у первых ценность «любви» не была обнаружена в целях на ближайшие 3 года, то для вторых эта ценность актуальна на данный момент жизни.

Из результатов оценок жизненных целей городскими юношами, полученных на 1-м этапе исследования следует, что первая тройка долгосрочных целей состоит из «семейной жизни», «образования» и «хорошей работы». В сумме указанные ценности составили 73% ответов. Распределение первых мест очень похоже у городских девушек, включая и сумму ответов, приходящуюся на эти ценности. Краткосрочные ценности по распределению первых мест, как и у девушек существенно отличаются от долгосрочных. Как и у девушек на первом мете «образование» – 70% ответов, второе место «стать квалифицированным специалистом», третье и четвертое «хорошая работа» и «семейная жизнь» соответственно. Отметим, что стать квалифицированным специалистом городские юноши предполагают в ближайшие три года, тогда как городские девушки считают решение этой задачи более отдаленной перспективой. Интересно, что заботу о здоровье, выстраивание карьеры и обзаведение своим домом юноши оставляют на перспективу.

У юношей из небольших населенных пунктов Краснодарского края при расчете ранговой корреляции между жизненными целями и краткосрочными целями было получено значение r_s=0,46, но из-за недостаточного количества переменных не удалось получить статистически значимый результат. Тем не менее, полученная корреляция находит свое косвенное подтверждение при подробном анализе ценностей.

Тройка долгосрочных ценностей остается неизменной, как и их относительная сумма. В краткосрочной перспективе, как и в других группах, «образование» оттягивает на себя 63% ответов, за ним идет «хорошая работа» – 10% и третье – четвертое места делят «друзья» и «стать квалифицированным специалистом». Стоит заметить, что у юношей и девушек из небольших населенных пунктов Краснодарского края и первое и второе место при обоих сроках целеполагание совпадают.

У городских юношей и девушек и у сельских юношей и девушек одинаковое расположение ценностей в первой тройке, а у сельских юношей и девушек совпадает расположение первых двух перспективных ценностей. Таким образом, на первом этапе исследования цели, которые молодые люди перед собой формулируют, имеют сходство, в первую очередь, не по половому фактору, а по фактору предшествующей социальной среды.

Вывод: На первом этапе исследования определяющим оказался фактор предшествующей социальной среды. Сельская и городская молодежь имеют больше сходства по своим жизненным целям внутри своих групп. Особенно велико сходство в части долгосрочных целей. При рассмотрении краткосрочных целей влияние факторов пола и предшествующей социальной среды выравнивается. Также по первому этапу исследования отметим разделение городской и сельской молодежи по приоритету целей «счастливая семейная жизнь» и «образование». У горожан «семья» на первом месте в рейтинге целей, а у селян, напротив, на первом месте «образование».

В начале процесса обучения преобладает тройка главных краткосрочных целей у обеих групп юношей – намерения «стать специалистом», тогда как в обеих группах девушек эта цель совсем отсутствует или упоминается крайне редко.

Библиографический список

1. Головаха Е. И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев: Наукова думка, 1988. 144 с.

2. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Директ-Медиа, 2008. 1174 с.

3. Столяренко Л. Д. Основы психологии. Ростов н/Д: «Феникс», 2000. 672 с.

4. Якобсон П. М. Психологические компоненты и критерии становления зрелой личности // Психологический журнал. 1981. №4. С. 142-147

ПРОБЛЕМА МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ОТНОШЕНИЯХ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

О.А. Сысоева

Современное общество трансформируется, изменяется характер гендерных ролей, возрастает манипулятивная направленность. Это связывают с особенностями рыночного характера общественного устройства в нашей стране. Такое положение предопределяет отсутствие стабильности, ясных, устоявшихся норм отношений между субъектами социальных процессов, застопориванием процесса эволюции общественной культуры к новой форме государственного устройства (С.Г. Кара-Мурза, Г. В. Грачев, И. К. Мельник, М.А. Юсим, А.О. Руслина, А. Н. Илларионов и др.). Конечно, каждый из авторов в разной степени готов применять манипулятивные техники. На это влияют этические установки, отношение к другому человеку, ролевая позиция, наконец, просто практические манипулятивные навыки и многое другое. Поэтому важно сделать следующий шаг и не только констатировать возрастание манипулятивной направленности в социуме, но и разобраться в том, в какой мере и почему эта направленность свойственна различным группам субъектов [5].

С точки зрения психологии естественно взять такую базовую характеристику любого общества как половую принадлежность и исследовать возможные различия манипулятивной направленности с этого ракурса. Это было осуществлено в исследовании А. О. Руслиной, в котором выявлены различия в отношении к манипуляции у мужчин и женщин [2]. Результаты свидетельствуют о меньшей склонности женщин к манипулированию другим в ситуациях общения. Но этот вывод относиться к женщинам в целом в их сравнении с мужчинами. Естественно возникает вопрос об однородности характеристик манипулятивной направленности среди групп женщин и мужчин.

Мы предположили, что степень манипулятивной направленности личности и ее готовность к манипулированию в поведении могут у одного и того же человека различаться в зависимости от того, *с кем* он взаимодействует. Конкретизируя это предположение, мы привлекли к

исследованию молодых женщин: незамужних и состоящих в браке и молодых мужчин: холостых и женатых. Возможно, что возрастающее в ситуации брачных отношений значение мужчины в выстраивании женщиной ее бытия, повлечет возрастание манипулятивных тенденций с ее стороны [5].

Рассмотрение личности с позиции гуманистической психологии предполагает акцент на свойственной человеку интенции самоактуализации, на его стремлении «состояться во всей полноте своего потенциала» (А. Маслоу). Среда может благоприятствовать или препятствовать интенции самоактуализации. В последнем случае принято говорить о «социальных прессах» (А. Ангьял). Бытие с Другим, или событие, следует отнести к таким средовым обстоятельствам, в которых человек с присущей ему интенцией самоактуализироваться пытается «состояться во всей полноте своего потенциала», селектируя возможные виды активности, возможные социальные роли, побуждая при этом партнера к действиям, которые обеспечат желанный эффект. Различия в ценностных представлениях, конкуренция в условиях ограниченных ресурсов и прочие причины, расцениваемые как помеха в достижении необходимых условий бытия, могут побудить человека к манипулированию другим [3].

Партнеры по общению женщина и мужчина по-разному позиционированы как субъекты брачного со-бытия. В связи с изменившейся позицией женщины в обществе она выступает более активным субъектом преобразований, ориентируясь в большей степени на цели, связанные с ее собственным самоосуществлением как личности.

В рамках брака, как культурно закрепленной формы со-бытия партнеров со сложившимися у них на рефлексивном и практическом уровне ожиданиями и нормами, может возникать конфликт между женской версией брачного проекта, обеспечивающего ей возможность личностной самореализации в различных пространствах бытия, и мужской версией брака, ориентированной на функции семьи как самодостаточные ценности [3].

Исследования показали, что ценностная ориентированность на предпочитаемые виды активности, стремление к подтверждению определенной личностной идентичности обусловливают содержание брачного проекта, к которому женщина готова психологически. Но поскольку брак – это сложившаяся социальная форма с закрепленными в общественном сознании нормами со-бытия партнеров и соответствующими этим нормам социальными регуляторами, то *возникает противоречие (конфликт) между женской версией брачного проекта,*

обеспечивающего ей возможность самореализации, и сложившейся в культуре моделью брачных отношений. При этом для развития женщины как личности, для обретения ею личностной идентичности *брак продолжает сохранять большее значение* (в сравнении с мужчиной). Исследования показали, что у женщины в супружеском со-бытии превалируют неспецифические для института брака ценности: социальная активность, привлекательная внешность, эмоционально-психотерапевтическая поддержка, которые демонстрируют *субъектную ориентированность женщины на самоосуществление посредством брака* [3].

Выше сказанное дает основания сформулировать гипотезы**:**

1. У мужчин, как более доминантных, манипулятивная направленность выше, чем у женщин;

2. Женщины, состоящие в браке, более склонны к манипулированию партнером, нежели женщины, не состоящие в браке.

Для эмпирической проверки сформулированных предположений использовались следующие методики: тест «Манипулятор» для измерения уровня макиавеллизма личности в ценностных установках и ее склонности к манипулированию другими людьми [1]; методика «Незаконченные предложения», направленная на выявление конкретных способов манипулирования партнером; тест-опросник «Удовлетворенность браком» [4].

В исследовании приняли участие 139 респондентов в возрасте от 20 до 30 лет. Из них: 27 мужчин и 32 женщины – не состоящие в браке и супружеские пары (80 человек).

Контент-анализ высказываний, полученных с помощью методики «Незаконченные предложения», позволил выделить особенности представлений о содержании **манипуляции** и таким образом, сформулировать определение данного феномена как сознательный или неосознанный способ управления человеком, вопреки его воле, ради выгоды манипулятора.

С помощью теста «Манипулятор» у всех респондентов был измерен уровень манипулятивной направленности.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что у мужчин в целом уровень манипулятивной направленности выше, чем у женщин ($p<0,05$). Наиболее высокий показатель манипулятивной направленности выявлен у неженатых мужчин (71,2 %). У женщин, состоящих в браке склонность управлять партнером (манипулировать) более выражена, нежели у женщин, не состоящих в браке ($p<0,01$).

Подтверждается гипотеза о большей доминантности мужчин.

Неженатые мужчины позволяют себе проводить эксперименты над чувствами другого человека, они всё ещё находятся в поиске, выбирают, а женатые – остепенились, стараются сохранить уже сложившиеся отношения, поэтому к манипуляциям прибегают только по мере необходимости.

Женатые мужчины поддерживают свой статус «главы семьи», воспроизводят традиционную гендерную картину мира.

Мужчины и женщины готовы применять манипуляцию к партнеру по общению, чтобы добиться желаемого.

Незамужние женщины в манипулировании партнером видят изобретательность, актерство (37,5%); замужние женщины – необходимость (67%); холостые мужчины – внимание (35%), а женатые мужчины считают её проявлением власти (63,7%).

Часть незамужних женщин (75%) и все участвовавшие в исследовании замужние респондентки оценивают манипуляцию по отношению к партнеру прагматично, как нечто положительное («если тебе это приносит пользу, значит, это хорошо»). И только 25% незамужних женщин склонны считать, что манипулирование – это *проявление эгоизма*, и в этом *нет ничего хорошего*.

Неженатые и женатые мужчины заявляют о необходимости манипуляции, подчёркивают важность своей цели. Однако если не состоящие в браке респонденты всегда знают, чего хотят и как получить желаемое от партнерши, действуют осознанно, то часть женатых мужчин заявляют о неосознанной манипуляции – привычке управлять супругой. И под этой привычкой чаще скрывается власть, мужской эгоизм. Мужчины, не состоящие в браке, представляют манипуляцию более разнообразно и окрашивают её позитивом – таким образом, чаще говорят о проявлении внимания к партнёрше.

Таким образом, мужчины и женщины в вопросе о применении манипуляции оказались практически единодушны – манипулировать партнером нужно, чтобы добиться желаемого. Респонденты, не состоящие в браке, примерно в 50% случаев надеются, что манипуляции в семейной жизни нет. Однако, супружеские пары в 100% случаев опровергают их надежды.

Рассмотрим виды манипулирования, используемые женщинами и мужчинами, не состоящими и состоящими в браке.

Однофакторный дисперсионный анализ позволил выявить статистически значимые отличия ($p<0,1$) в использовании манипулятивных техник у женщин и мужчин.

Для незамужних женщин основные инструменты манипулирования это – «говорю то, что хочет услышать» (26%), лесть и похвала (19%); ласка и преувеличенная забота (17,4%); обольщение и секс (15%). Для женщин, состоящих в браке, основными видами манипулятивного влияния являются – вызов жалости (75%), изображение беззащитной маленькой девочки (62,5%), слёзы (20%) и «осыпание» мужчины упреками (17,5%). Таким образом, если в первом случае мужчину соблазняют, то во втором случае – в нем пытаются пробудить защитника, уже взявшего на себя определенные обязательства. Это различие в ролевой позиции женщины с мужчиной обусловливает «набор» преобладающих манипулятивных техник. Любопытно и то, что женщины *не используют* весь арсенал средств и способов манипуляции. Если незамужние женщины склонны использовать шутливый тон, а также уговоры и просьбы в попытках добиться нужного от мужчины, то жены этими приемами, по сути, пренебрегают. С другой стороны, жены склонны упрекать и наказывать молчанием, добиваясь нужного, а незамужние женщины не прибегают к этим инструментам.

Неженатые мужчины используют такие основные инструменты манипулирования как – давление на слабые места, подчёркивание недостатков (37,5%), игра на чувствах (25%), а также ложь и недосказанность (12,5%). Для женатых мужчин основными тактиками являются шантаж деньгами (40%), выдвижение требований (25%), просьбы (15%). Таким образом, неженатые мужчины, находясь в поиске, чаще давят на слабые места партнёрши, играют на её чувствах, лгут. Женатые мужчины, являясь «кормильцами» семьи манипулируют своих жён с помощью денег, чаще требуют выполнения каких-либо обязательств. Неженатые мужчины в отношениях избегают грубости, зато чаще ставят ультиматум и подавляют мнение своих партнерш. Женатые же мужчины стараются такие приемы не использовать.

В завершении отметим, что одним из основных параметров, характеризующих супружеские отношения, является удовлетворенность браком (Ю. Е. Алешина, Ю. Б. Гиппенрейтер, А. И. Захаров, В. К. Мягер, Г. Навайтис, Н. Римашеская, Д. Ванной, и др.). Корреляционный анализ позволил обнаружить положительную связь ($r=0,48$; $r=0,55$ $p<0,001$) между манипулятивной направленностью и удовлетворенностью браком респондентов. Казалось бы, если партнеры удовлетворены браком, их отношения строятся на любви и доверии, то манипуляции нет места в супружеской жизни. Исследование же показало, что манипуляция в семье присутствует, и её использование может играть положительную роль: придавать отношениям гибкость, возможность

урегулировать конфликтную ситуацию, прийти к общему согласию. Мы так же допустили возможность связи между склонностью к манипулированию респондента и удовлетворенностью браком партнера респондента. Т. е. на вопрос, что переживает партнер манипулирующего респондента, удовлетворен ли он отношениями, мы получили ответ на уровне тенденции: Женщина в союзе с манипулирующим супругом удовлетворена отношениями в браке (r=-0,17), а мужчина скорее нет (r=0,21).

Различия в использовании манипулятивных приёмов мужчинами и женщинами, удовлетворенными и неудовлетворенными браком оказались статистически значимы (p<0,01). В союзе, где присутствует неудовлетворенность отношениями, мужчины склонны воздействовать на супругу с помощью шантажа и грубости. Таким образом, они демонстрируют свою силу. Женщины же склонны отвечать на такие манипуляции упрёками и слезами. Удовлетворенные отношениями в браке мужчины, чтобы получить желаемое от супруги используют чаще всего просьбы, но прибегают и к требованиям. Женщины в таком союзе пытаются вызвать жалость у супругов, притвориться беззащитной девочкой.

Основные выводы.

Определение феномена манипуляции с точки зрения респондентов совпало по смыслу с принятым в науке, но респонденты сделали важное дополнение, акцентировав внимание на *выгоде,* получаемой манипулятором.

Мы выяснили, что почти в 100% случаев манипуляция в супружеских отношениях присутствует. Манипулируют мужчины и женщины с целью получить выгоду для себя, добиться желаемого результата.

Подтвердилась гипотеза о большей доминантности мужчин.

Выяснилось, что у женщин, состоящих в браке, склонность управлять партнером (манипулировать) более выражена, нежели у женщин, не состоящих в браке. Также существенны различия между незамужними женщинами и женщинами, состоящими в браке, по используемым манипулятивным приемам. Если «свободные» женщины используют тактику «соблазна», то замужние женщины в мужчине пытаются пробудить защитника, уже взявшего на себя определенные обязательства.

Нам также удалось раскрыть качественную сторону отношений между мужчиной и женщиной в браке. Если супруги удовлетворены отношениями друг с другом, ими применяются «мягкие» манипуля-

тивные приёмы: просьбы, жалость, игра в беззащитность. Если же присутствует неудовлетворенность, напротив, «жёсткие» – шантаж, грубость, слёзы, упрёки.

Библиографический список

1. Прутченков А. С. Наедине с собой. М., 1996 URL: http. //whitest. live journal. com/14682. html
2. Руслина А. О. Возрастные, половые и профессиональные различия в понимании манипуляции: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2008.
3. Рябикина З. И., Тиводар А. Р. Проблема личности в супружеских отношениях // Синергетика образования. 2007. № 10. С. 180-197.
4. Столин В. В. , Романова Т. А. , Бутенко Г. П. Опросник удовлетворенности браком//Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 1984. № 2.
5. Танасов Г. Г., Сысоева О. А. Манипулирование в отношениях женщины и мужчины /Вестник Адыгейского государственного университета: сетевое электронное научное издание. Сер. Современные проблемы психологии. 2011. №1.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УСЛОВИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Д.И. Ткачева

Современное общество характеризуется культурной и социальной неоднородностью, сложной и противоречивой экономической ситуацией и, как следствие, обилием форм и способов достижения успеха.

Большое количество материальных благ и превалирование товарно-денежных отношений во многих сферах человеческой жизни, включая даже досуговую, делают экономическое поведение одним из важнейших аспектов повседневной жизни. Этим объясняется и рост интереса государства к повышению экономической, в частности, финансовой грамотности населения. Проблема повышения финансовой грамотности населения активно обсуждается последнее десятилетие во многих странах мира. По мнению ведущих финансовых аналитиков, только надлежащий уровень финансовой грамотности населения приводит к повышению уровня жизни граждан, развитию экономики и повышению общественного благосостояния. [3] Помимо освоения техники финансовых манипуляций необходимо обращаться и к человеческому фактору, а именно психологическим особенностям экономического поведения. Одним из ярчайших примеров вклада психологии в понимании экономического поведения являются работы А. Тверски и Д. Канемана (Д. Канеман – лауреат Нобелевской премии по экономике

2002 года «за применение психологической методики в экономической науке, в особенности – при исследовании формирования суждений и принятия решений в условиях неопределённости»). В результате своих экспериментальных исследований ученные пришли к выводу о том, что нерациональное поведение, считающееся экономистами девиантным и случайным, на самом деле намного более распространено, особенно, когда речь заходит о принятии решений в условиях неопределённости. Более того, люди ошибаются неслучайным образом, и с помощью психологических методов нерациональное поведение может быть идентифицировано и предсказано. [4]

Таким образом исследование экономического поведения являет актуальным и представляет ценность, как для отдельной личности, так и для общества в целом.

Экономическим поведением обычно называют поведение, вызванное экономическими стимулами, и деятельностью хозяйствующего субъекта. Экономическая психология направлена на исследование процессов и механизмов, лежащих в основе потребления или других типов экономического поведения, и прежде всего предпочтений, выборов, принятий решения и влияющих на них факторов. [1]

Существуют различные подходы к изучению механизмов, лежащих в основе экономического поведения. В западной мысли, при исследовании данных феноменов наиболее часто употребляются такие понятия как «экономические установки», «экономическое мышление». (А. Смит, Дж. Катон, М. Вебер, Э. Дюркгейм, П. Сорокин, В. Парето, С. Московичи). В отчественной психологии более тяготят к использованию понятия – «экономическое сознание». «Экономическое сознание» представляет собой совокупность экономических знаний, идей, мнений, взглядов как отдельных представителей, так и социальных общностей в целом, непосредственно отражающих экономическую действительность и выражающих свое отношение к различным явлениям в экономической жизни общества в конкретный исторический момент времени. (Л.И. Абалкин, К.А. Улыбки, А.К. Улетов, Ж.Т. Трощенко, В.Э. Бойко, Т. И. Заславская и Р. В. Рывкина, Л.С. Борисова, А.В. Филиппова, С. В. Ковалева) [2]

Ю. В. Мацанев ставит вопрос о необходимости анализа факторов и условий, оказывающих влияние на формирование и развитие экономического сознания, что подводит нас к проблеме экономического самоопределения. [2]

Таким образом, в качестве предметной области данного исследования выступает экономическое самоопределение.

Согласно исследованиям А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко экономическое самоопеделение как процесс фактически реализуется через совершения психологических операций и действий с феноменами экономического сознания и особенно самосознания. И именно последнее конструирует процесс экономического самоопределения, содержательно наполняя его компонентами (или элементами) экономического сознания. [2]

Экономическое самоопределение, опираясь на исследования А.Л. Журавлева и А. Б. Купрейченко можно определить как поиск человеком или социальной группой своего способа жизнедеятельности в трудовых, обменных, имущественных, распределительных, потребительских и других экономических отношениях. Экономическое самоопределение происходит на основе отношения к социально-экономическим условиям и их динамике, а также представлений о смысле и целях жизни, жизненных принципах, ценностных идеалах и запретах, собственных способностях, притязаниях и ожиданиях.

На первом этапе исследования экономического самоопределения возник интерес к феномену экономического благополучия, как предполагаемому результату экономического самоопределение. Определяя возможные основания экономического благополучия, Т. Пойез и Дж. Вон выделяют удовлетворение трудом и доходом, удовлетворение потреблением и гражданское удовлетворении (системой, экономической политикой). В нашем случае мы будем делать упор на субъективное экономическое благополучие, используя определение В.А. Хащенко, исходя из чего субъективное экономическое благополучие будет пониматься как интегральный психологический показатель жизни человека, выражающий отношение человека к своему актуальному и будущему материальному благосостоянию. [5]

В результате было решено провести пилотажное исследование, целью которого стало рассмотрение особенностей восприятия экономического благополучия, в частности, в сравнении с общим субъективным благополучием с точки зрения идеологического представления. Субъективное благополучие принято определять как понятие, выражающее собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим важное значение для личности с точки зрения усвоенных нормативных представлений о внешней и внутренней среде и характеризующееся ощущением удовлетворенности.

А качестве метода исследования использовался опрос. Была сконструирована анкета, состоящая из открытых вопросов. Результаты интерпретировались посредством качественного анализа. Условно анкету

можно разделить на две части, в первой исследовалось представление об идеальных способах достижения экономического благополучия и общего благополучия, а во второй – идеальные представления данных феноменов, через идеальные формы их воплощения.

Исследование проводилось на молодежной аудитории, так как специфика данной возрастной группы подразумевает актуальность самоопределения и особую чуткость к социокультурной среде и ее идеологическому содержанию. Выборку составили студенты старших курсов и молодые специалисты (12 чел) разных профилирующих областей: из них есть представители технических специальностей (физика, прикладная математика, инженерия), гуманитарных специальностей разного направления (политология, психология, менеджмент, экономика), творческого направления (фотография). В выборку входило равное количество представителей мужского и женского пола (по 6 чел).

В результате качественного анализа полученных данных удалось выявить некоторые тенденции в ответах респондентов.

Что касается содержательных особенностей достижения жизненного и экономического благополучия, то здесь наблюдаются две разные тенденции: либо жизненное и экономическое благополучие не разводятся, например: путь достижения жизненного благополучия: *«работа-работа-работа»,* а экономического*: «благоразумный распорядитель и работа»*; либо жизненное благополучие воспринимается шире и экономическое становится его составляющей частью, точнее необходимой базой, но не является самодостаточной. К экономическому благополучию, в данном случае, добавляется интересная работа, предполагающая не просто заработок, а развитие, близкое окружение, чаще всего семья, внутренняя гармония), например, путь достижения экономического благополучия: *«ответственно и положительно относиться к той работе, за которую берешься, не зависимо от оплаты и условий»*, а путь достижения жизненного благополучия: *«создание семьи, получение хорошей, интересной работы, продолжать учиться, нахождении гармонии с собой и окружающим миром»*.

В целом, наблюдается готовность прилагать усилия к достижению материального достатка, аспекты, относящиеся к жизненному благополучию у большинства воспринимаются как закономерное приложение к экономическому благополучию. Данный вывод наталкивает на мысль об упрощении личностных смыслов и открывает перспективы дальнейшего исследования.

Анализ идеальных образов, являющихся по мнению респондентов воплощением экономического и жизненного благополучия подтверждает обнаруженную выше тенденцию. Чаще всего идеальным образом как экономического, так и жизненного благополучия становился персонаж, который жил в достатке (не обязательно богатый), но проживающий интересную жизнь, возможно эксцентричный, успешный в своем деле. Например: Шерлок Холмс. Реальная личность, которая могла бы стать образцом для подражания тоже сочетает в себе экономический достаток полюс яркую, общественнозначимую жизнь: Коко Шанель, Стив Джобс (генеральный директор компании Apple), Махатма Ганди.

В представлениях об идеальной реальности выявилось две тенденции, демонстрируемые в той или иной степени

– представление об идеальном мире часто оказывается похожим на описание демократического государства в его идеальной форме, Например: *«рыночная экономика без какого-либо государственного вмешательства и построенные на равенстве прав и обязанностей социальные отношения, чтобы каждый гражданин общества мог добиться благополучия не зависимо от пола расы и взглядов. »; «близким к идеалу был бы мир, в котором абсолютно каждый человек в абсолютно равной степени мог бы реализовать свои возможности и получать за свой труд эквивалентное вознаграждение. »; «Отсутствие преступности, общество с высокоразвитыми моральными принципами, рыночная экономика с высокой деловой активностью и разумная государственная система, поддерживающая все виды деятельности. »*

– с другой стороны идеальный мир обращен на человека. Здесь выявленное стремление к определенному балансу, принимает форму конфликта между материальной стороной общества и духовной. Например: *«мир должен быть обязательно развитый и технологически оснащенный, прогресс должен развиваться со всеми вытекающими последствиями, только люди должны оставаться людьми!»; «соединить Японию и Россию, их высокие технологии, продуманность во многих вещах и минимум бюрократии, но нашу духовность я все же считаю никто не заменит»; «если отвечать строго на вопрос, то это наша горячо любимая калифорнийско-нью-йоркская культура эпохи потребления. Уж куда развитие и успешней и комфортней! Разве что если понимать развитость еще в нравственном аспекте, то конечно этот ответ не верен. В последнем случае, как показывает история, все эти три параметра не могут быть на высоком уровне,*

обязательно либо комфорт, либо нравственность, такая вот проблем, блин... »

Таким образом, в полученных результатах проглядывается некоторый нравственный конфликт: с одной стороны признание материальных благ и экономического благополучия как значимых, с другой стороны восприятие материальных благ, как недостаток духовности и желание достичь баланса между личным и материальным.

Данный опрос позволяет поставить ряд вопросов, на основе которых будет осуществляться дальнейшее построение исследования, конкретизация проблематики, постановка цели и задач, выдвижение гипотез.

В качестве перспектив для дальнейшего исследования можно выделить следующие вопросы:

– взаимосвязь экономического самоопределения и восприятия субективного благополучия (как равного эконмическому и как более сложного);

– связано ли восприятние экономического благополучия с социокультурными факторами, в частности, с системой высшего и среднего-специального образования, со сложностью представлений о мире, в целом;

– взаимоствязь стратегий самоопределения с культурным контекстом.

Библиографический список

1. Дейнека О. С. Экономическая психология. СПб., 1999
2. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Экономическое самоопределение: теория и эперические исследования. М.: Институт психологии РАН, 2007.
3. Повышение уровня финансовой грамотности – накопление в обществе человеческого капитала. / Экономика мегаполисов и регионов. 2010. №3 (33).
4. Фернхам А., Аргайл М. Деньги. Секреты психологии денег и финансового поведения. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2006
5. Хащенко В. А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация/Экспериментальная психология, 2011. Т. 4, №1. С. 106-127

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТИ БОЛЬНЫХ ТУБЕРКУЛЕЗОМ

Е.Д. Токарь

Личностные особенности, социальные факторы, жизненная ситуация человека имеют значение для развития заболевания туберкулезом и для дальнейшего его лечения. Вместе с тем, фтизиатры основное внимание уделяют соматическим состояниям людей больных туберкулезом (А. В. Асмоловский, Н. А. Браженко, А. А. Зайцев, А. В. Бельков, О. Е. Шалаева и др.) и недостаточно внимания уделяют исследованиям личностных особенностей больных туберкулезом. В статье Браженко Н. А. идет речь об обязательном диагностическом минимуме и дополнительных методах исследований туберкулеза клиническими, рентгенологическими, лабораторными, морфологическими методами. Описываются различные патологические состояния больных туберкулезом (дыхательной недостаточности, ухудшение легочного кровообращения, туберкулезной интоксикации и др.), но ни слова не говорится об их психических состояниях больного человека [1]. Исследователи А.В. Асмоловский, Н.А. Браженко, А.А. Зайцев, А.В. Бельков, О.Е. Шалаева проводят сравнительный анализ показателей качества жизни больных туберкулезом, отмечают возможности значимого улучшения всех составляющих качества жизни у больных туберкулезом при своевременном хирургическом вмешательстве и химиотерапии, полагают, что оценка качества жизни в динамике может помочь лечению больных и, соответственно, их социально-трудовой реабилитации [2].

Личность больного туберкулезом, как отмечают психологи не соответствует какому-то единому типу, однако она имеет один общий признак: большую потребность в симпатии, в узкой зоне безопасности, в центре которой находится мать. Воспринимаемая со страхом близость с половым партнером, амбивалентные связи, которые могут вызвать кризис, встречаются в преморбидном периоде и обнаруживаются в анамнезе при первичном заболевании. Следующая область перегрузок и конфликтов, предшествующих легочному туберкулезу, относится к сфере профессиональных взаимоотношений. Еще до начала эры антибиотиков была описана личность больного с повышенной чувствительностью в сфере межличностных отношений, лабильностью самооценки. Эти особенности описаны как шизоидная невротическая структура или как преэдипово нарциссическое расстройство, которые

проявляются эйфорией, повышенной любовью к жизни и гиперсексуальными фантазиями [4].

Однако, исследователи еще мало уделяют внимания личностным свойствам больных туберкулезом. Отметим противоречие между необходимостью учета при лечении личностных ценностей больных туберкулезом и недостаточным числом исследований психологов личностных свойств больных туберкулезом. Для разрешения этого противоречия начато исследование ценностных ориентаций и гендерных свойств больных туберкулезом для составления их психологических портретов.

Методики исследования: методика «Ценностные ориентации» М. Рокича, тест «Психологический пол личности» С. Бем, модернизированный О.Г. Лопуховой. Объем выборки 27 больных туберкулезом, в том числе 12 женщин, 15 мужчин. Для сравнения использовались результаты исследований ценностного самосознания жителей московского региона (в основном здоровых), проведенное Н.А. Журавлевой [3].

Если сравнивать ценностное самосознание больных туберкулезом и здоровых людей (табл. 1, 2), то можно выявить как отличия, помогающие составить психологический протрет больных туберкулезом.

Для больных туберкулезом, как и для здоровых людей приоритетны следующие ценности-цели: физическое и психическое здоровье, интересная работа, счастливая семейная жизнь. Можно полагать, что эти ценности (здоровье, работа и семья) относятся к общечеловеческим ценностям.

Более высокие ранги ценности «жизненная мудрость» и ценности «свобода» у больных туберкулезом свидетельствуют, скорее всего, о том, что для больных важны зрелые суждения и здравый смысл, независимость в суждениях и поступках. У здоровых людей, соответственно высокие места занимают ценность «любовь» и ценность «материально обеспеченная жизнь», которые подчеркивают отличие ценностных ориентаций больных и здоровых людей. Для больных туберкулезом мало актуальны, как и для здоровых людей, терминальные ценности: развитие, развлечения.

Для больных туберкулезом, как и для здоровых людей приоритетны ценности-средства: образованность, широта знаний, общая культура. Можно полагать, что эти ценности (образование) относятся к общечеловеческим ценностям.

Таблица 1

Ранговая структура ценностных ориентаций личности здоровых людей и людей, больных туберкулезом (терминальные ценности)

Ценностные ориентации	Больные	Здоровые
Здоровье	1	1
Интересная работа	2	4
Жизненная мудрость	3	9
Счастливая семейная жизнь	4	2
Свобода	5	8
Счастье других	6	13
Материально обеспеченная жизнь	7	5
Красота природы и искусства	8	15
Познание	9	12
Наличие хороших и верных друзей	10	6
Уверенность в себе	11	7
Любовь	12	3
Активная деятельная жизнь	13	10
Общественное призвание	14	16
Развитие	15	18
Продуктивная жизнь	16	11
Развлечения	17	17
Творчество	18	14

Более высокие ранги ценности «воспитанность», ценности «аккуратность», ценности «жизнерадостность», ценности «рационализм» у больных туберкулезом свидетельствуют, скорее всего, о том, что для больных очень важны хорошие манеры, чистоплотность, чувство юмора, рациональные суждения. У здоровых людей, соответственно высокие места занимают ценность «честность», ценность «твердая воля», ценность «предприимчивость» которые подчеркивают отличие ценностных ориентаций больных и здоровых людей.

Исследование выявило гендерные свойства больных туберкулезом

Гендерные свойства мужчин, больных туберкулезом, фиксируют их андрогинность, равную высокую выраженность таких маскулинных свойств как мужественность, и феминны свойств как доверчивость. У мужчин выражены общие личностные свойства: искренность, надежность, дружелюбие, готовность помочь, тактичность, трудолюбие, правдивость, порядочность, добросовестность, чувство юмора.

Таблица 2

Ранговая структура ценностных ориентаций личности здоровых людей и людей, больных туберкулезом (инструментальные ценности)

Ценностные ориентации	Больные	Здоровые
Воспитанность	1	13
Аккуратность	2	12
Образованность	3	1
Жизнерадостность	4	11
Рационализм	5	15
Исполнительность	6	16
Самоконтроль	7	9
Терпимость	8	6
Чуткость	9	17
Независимость	10	8
Эффективность в делах	11	7
Широта взглядов	12	14
Ответственность	13	5
Честность	14	2
Предприимчивость	15	4
Твердая воля	16	3
Смелость в отстаиваниях своего мнения, взглядов	17	10
Непримиримость к недостаткам в себе и других	18	19

Гендерные свойства женщин, больных туберкулезом, фиксируют их высокую феминность, выраженную в личностных свойствах: нежность, сострадательность, терпимость, стремление утешить. Маскулинные качества: выносливость, внешняя сдержанность. А также общие личностные свойства: надежность, искренность, дружелюбие, порядочность, готовность помочь, добросовестность, способность понять другого, тактичность, трудолюбие, правдивость, вежливость.

Мы только начали исследования психологических особенностей больных туберкулезом с составления их личностных портретов. Можно полагать, что составление психологических портретов (совокупности личностных свойств) больных туберкулезом поможет как больным, так и врачам для выработки индивидуальных тактик лечения туберкулеза.

Библиографический список

1. Браженко Н. А. Факультативные методы исследования на туберкулез // Новые Санкт-Петербургские врачебные ведомости. 2006. № 2, С. 98-100.

2. Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М., 2006.

3. Зайцев А.А., Бельков А.В., Асмоловский А.В., Шалаева О.Е. Сравнительная характеристика качества жизни больных туберкулезом легких при хирургическом вмешательстве // Проблемы туберкулеза и болезней легких. 2004. № 7. С. 7-10.

4. Каршева И. Личность больного туберкулезом. URL: http://blogs. mail. ru/mail/karsheva_irina/728A51C862D40C49. html

ВЗАИМОСВЯЗЬ СУБЪЕКТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИЧНОСТИ И СПОСОБОВ ОРГАНИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ

П.Ю. Удачина

Современная ситуация в нашей стране характеризуется частой сменой темпов и ритмов жизни общества, что создает необходимость поиска личностью эффективных способов организации времени жизни, в стремительно меняющемся мире.

Организация времени личностью – одна из важнейших проблем психологии. Изменения, происходящие в обществе, создают новые условия жизни и деятельности современного человека. Ускоряющийся темп жизни и меняющиеся рабочие технологии требуют от него все больших ресурсов времени, в связи с чем эффективная организация времени становится все более актуальной.

Эффективность использования времени, компетентность во времени, способность своевременно строить планы, определять сроки их выполнения, когда время наступления события еще не определено, когда отсутствует его строгая детерминация, – все это особые временные способности личности как субъекта организации времени, которые обеспечивают эффективность и продуктивность его жизнедеятельности.

Приступая к рассмотрению содержательного своеобразия феномена субъектной организации личностью времени своей жизни, необходимо остановиться на анализе особенностей личности как субъекта организации времени, поскольку личность как субъект организации времени определенным образом организует время жизни, ставя перед собой значимые цели и планируя свою жизнь в соответствии с этими целями.

В психологической литературе, посвященной исследованиям личности как субъекта организации времени, наиболее часто встречается упоминание таких особенностей личности, как активность (К.А. Абульханова-Славская, Т.Н. Березина, А.В. Брушлинский, З.И. Рябикина, М. В. Ермолаева, А. К Осницкий, В. А. Петровский, С.Л. Рубинштейн, Г.Ю. Фоменко и др.); ответственность (М.В. Ермолаева, К. Муздыбаев, В.В. Знаков, Е.В. Крутых, А. В. Петровский, М.Г. Ярошевский и др); уровень притязаний (К. Левин, Л.В. Бороздина, В.А. Петровский, М.Г. Ярошевский, Е. В. Зинько и др.), которые определены как способные оказывать наибольшее влияние на выбор жизненных целей и построение планов жизни.

Так, К.А. Абульханова-Славская, рассматривая различные аспекты проблемы организации времени личностью в своей теории личности как субъекта жизненного пути, подчеркивает, что активность – одно из основных свойств субъекта, при этом активность, по ее мнению, должна быть определена как «реальная организация личностью времени жизни».

К.А. Абульханова-Славская считает, что качество личности как субъекта проявляется в оптимальном способе организации жизненного пути… «Организация жизни – это способность так связать и осуществить деятельность, поступки, ситуации, чтобы они подчинялись единому замыслу, способность сконцентрироваться на главном направлении, придать им желательный ход. Субъект осуществляет организацию жизни как целостного процесса, учитывая ее изменчивость и сопротивляемость. Способность личности регулировать жизнь, организуя ее как целое, подчиненное ее ценностям, и позволяет ей стать относительно независимой, свободной по отношению к внешним требованиям, давлению обстоятельств» (цит. по: [2]). Активность личности проявляется во внутренней готовности к целенаправленному взаимодействию со средой, в целеустремленности и настойчивости, энергичности и инициативности. Данная позиция подтверждает, что активность личности как субъекта связана с постановкой жизненных целей и планированием жизни в соответствии с этими целями как средством осуществления поставленных целей.

М.В. Ермолаева отмечает, что «ответственность личности связана с временной перспективой, ядро которой составляют жизненные цели и планы» [2]. По ее мнению, ответственность проявляется «не только в характере, но и в чувствах, восприятии, осознании, мировоззрении, в разных формах поведения личности, а также в целеполагании и планировании времени своей жизни» [2].

А.В. Брушлинский писал: «Важнейшее из всех качеств человека – быть субъектом, т. е. творцом своей истории, вершителем своего жизненного пути» [1].

Таким образом, можно сказать, что ответственность личности по отношению ко времени своей жизни выражается в способности быть «творцом своей истории», «распорядителем собственной жизни», т. е. в способности личности самостоятельно ставить перед собой жизненные цели, своевременно планировать события своей жизни, активно реализовать поставленные цели.

Е.В. Зинько, описывая характеристики уровня притязаний, отмечает, что притязания личности – это одно из важнейших личностных образований, оказывающих влияние на целевую структуру субъекта и обусловливающих его активность, а также сложность выбираемых субъектом целей.

К. Левин, исследуя связь уровня притязаний и временной перспективы, устанавливает, что «успешный человек, обычно определяет свою очередную цель таким образом, чтобы она ненамного превышала ту, что была достигнута им ранее, таким образом, он постепенно увеличивает свой уровень притязаний. И хотя, в конце концов, он руководствуется идеальной целью, которая может быть относительно недостижимой, цели следующего этапа остаются вполне реалистичными и соответствуют его актуальному положению. Неуспешный человек, напротив, будет демонстрировать один из двух типов поведения – он либо будет ставить перед собой совершенно незначительную цель, меньшую, чем его прежние достижения, иными словами, он испугается и откажется от стремления к более значительным целям, либо поставленная им цель будет превышать его реальные возможности… Иногда это проявляется в том, что человек осуществляет какие-то незначительные попытки добиться цели, не предпринимая особых усилий. Иногда человек в такой ситуации слепо следует своей идеальной цели, не соотнося свои действия с тем, что действительно он может сделать при данных обстоятельствах…» [3].

Согласно взглядам данных авторов личность, реализующая себя как субъект организации времени, *активна и самостоятельна* в организации времени своей жизни, она прилагает усилия для овладения временем жизни и управления им; считает себя *ответственной* за свою жизнь и свое будущее, за своевременность планирования значимых событий жизни и реализацию намеченных планов; обладает высоким *уровнем притязаний,* позволяющим ставить реалистичные и соот-

ветствующие ее актуальному положению жизненные цели и планы, достижимые при объективной оценке ситуации.

Наиболее часто описываемыми в психологической литературе способами субъектной организации времени жизни личностью являются целеполагание и планирование жизни (К.А. Абульханова-Славская, Т.Н. Березина, А.К. Болотова, Г.А. Архангельский, С.И. Калинин, П. Берд, Д. Адаир, Ю.К. Стрелков, Э.Л. Акопов, Л.Д. Столяренко и др.).

Так, А. К. Осницкий пишет: «Определяющим для субъекта является … целеформулирование, целедостижение и целеполагание. Именно субъект определяет, каким образом он будет выполнять поставленные … цели и задачи; именно он формулирует и фиксирует окончательно целедостижение, именно ему присуща способность сформулировать достижимую цель…» [4].

Начиная раскрывать содержательное своеобразие способов субъектной организации времени жизни личностью, необходимо остановиться на анализе понятий «целеполагание» и «планирование».

Е.А. Сергиенко в своей статье «Психология субъекта: поиски и решения» дает следующее определение целеполаганию: «Целеполагание – процесс создания системы целей, соотнесения их между собой и выбора предпочтительных. При этом человек формирует субъективную модель желаемого или должного. В основе целеполагания лежит прогноз, т. е. переход от предположения о принципиальной возможности произвести изменения к предположению о вероятных результатах» [5]. Это дает основание предположить, что имеется связь между целеполаганием (постановкой целей) и уровнем притязаний личности.

Предполагаемая последовательность действий, с наибольшей вероятностью ведущих к достижению поставленной цели, называется планами, считает С.И. Калинин. Планы являются средствами осуществления целей. Продолжая данную мысль, уместно привести цитату Э.Л. Акопова: «План есть результат планирования…». И далее: «Планирование – это … способ координации цели и средств во времени и пространстве; основа экономного и эффективного использования сил, энергии, ресурсов, рабочего времени для получения желаемых результатов с наименьшими потерями и издержками».

Это дает возможность предположить, что существует связь особенностей целеполагания и планирования жизни с активностью, ответственностью и уровнем притязаний личности.

С учетом приведенных теоретических предпосылок была сформирована цель исследования: изучение специфики целеполагания и пла-

нирования жизни личностью с различными проявлениями субъектных особенностей (активностью, ответственностью, уровнем притязаний), были подобраны методы, выделена необходимая категория испытуемых и проведено исследование в рамках дипломной работы А.В. Шиликовой, выполненной под руководством автора данной статьи.

В исследовании принимали участие студенты в возрасте от 19 до 23 лет. Общее количество испытуемых 61 человек (19 юношей и 42 девушки).

Методы исследования: методика «Тип поведенческой активности» Л.И. Вассермана и Н.В. Гуменюка; методика «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера для исследования особенностей ответственности личности; опросная процедура «Уровень притязаний личности» В. Гербачевского; опросная процедура «Жизненные цели», разработанная автором совместно с А.В. Шиликовой, и адаптированная методика А.А. Кроник и Е.И. Головахи «Линия жизни» для исследования жизненных целей личности; опросная процедура «Жизненные планы», разработанная автором совместно с А.В. Шиликовой для изучения особенностей жизненных планов личности.

Методы обработки данных: методы описательной статистики; контент-анализ; аналитическое сравнение и обобщение полученных данных; коэффициент корреляции Пирсона; корреляционный анализ.

Рассмотрим основные результаты исследования:

1. В результате контент-анализа опросных процедур «Жизненные цели», «Жизненные планы» и методики «Линия жизни» были выявлены и описаны особенности целеполагания и планирования жизни, проявляющиеся в:

– *масштабности жизненных целей* (трудно достижимые, масштабные цели, достижение которых может занять продолжительное время или растянуться на десятилетия; среднесрочные, достижимые в течение нескольких лет, при этом планы строятся во многих областях своей жизни; легко достижимые, краткосрочные цели, реализация которых требует дней, месяцев);

– *самостоятельности в определении жизненных целей* (испытуемый сам ставит цели/кто-то ставит ему цели и планирует их достижение) *и в построении и реализации жизненных планов* (испытуемый сам планирует жизнь/ кто-то строит планы, реализует их за него либо активно помогает в реализации планов);

– *осознанности действий, направленных на достижение целей и реализацию жизненных планов* (действия осознаны, испытуемый может их перечислить вплоть до каждодневных действий/ действия не

осознаны, испытуемый не может их перечислить, он пишет, что реализует свои планы, но конкретные шаги перечислить не может);

– *в количестве сфер жизнидеятельности, затронутых испытуемым при построении жизненных планов* (учебная сфера, семья, личные отношения и определенные, выбранные только конкретным испытуемым (восстановление организма, путешествия, карьера, бизнес, творчество));

– *активности в реализации жизненных планов* (респондентами предпринимаются конкретные шаги для реализации планов/ конкретные шаги для реализации планов респондентами не предпринимаются);

– *ответственности в реализации жизненных планов* (испытуемый видит причину неудач в реализации жизненных планов в себе/ испытуемый видит причину неудач в реализации жизненных планов в комто или чем-то другом);

– *значимости событий*, произошедших в жизни и только *планируемых испытуемым*;

– в *длительности жизненной трансспективы*.

2. Коэффициент корреляции Пирсона и корреляционный анализ позволили выявить связь специфики жизненных целей и планов личности с ее особенностями как субъекта организации времени жизни (активностью, ответственностью, уровнем притязаний):

– активность личности связана *с масштабностью жизненных целей* (установлена умеренная положительная корреляция активности личности с масштабностью жизненных целей ($r=0,35$; $p<0,05$)); *количеством сфер жизнедеятельности, затронутых при построении планов* (выявлена умеренная положительная корреляция между активностью личности и количеством сфер жизнедеятельности, затронутых при построении планов ($r=0,39$; $p<0,05$)); *активностью в реализации жизненных планов* (обнаружена средняя положительная корреляция между активностью личности и активностью в реализации жизненных планов ($r=0,61$; $p<0,05$)); *осознанностью действий, направленных на достижение и реализацию планов* (выявлена умеренная положительная корреляция между активностью личности и осознанностью действий, направленных на достижение и реализацию планов ($r=0,33$; $p<0,05$));

– ответственность личности связана с *самостоятельностью в определении жизненных целей* (выявлена положительная корреляция между ответственностью личности за жизненные события и самостоятельностью в определении жизненных целей ($r=0,29$; $p<0,05$)); *инициативностью в постановке жизненных целей* (обнаружена умеренная

положительная корреляция между ответственностью за достижение жизненных целей и инициативностью в их постановке (r=0,48; p<0,05)); *масштабностью целей* (выявлена умеренная положительная корреляция ответственности в области межличностных отношений и масштабности жизненных целей (r=0,34; p<0,05)); *самостоятельностью в реализации жизненных планов* (установлена положительная корреляция между ответственностью за результаты деятельности и самостоятельностью в реализации жизненных планов (r=0,27; p<0,05));

– уровень притязаний личности и его компоненты связаны с *самостоятельностью* в определении жизненных целей (выявлена положительная корреляция между уровнем притязаний личности и самостоятельностью в определении жизненных целей (r=0,62; p<0,05)); *масштабностью жизненных целей* (установлена умеренная положительная корреляция между уровнем притязаний личности и масштабностью жизненных целей (r=0,34; p<0,05)); *самостоятельностью в построении жизненных планов* (обнаружена отрицательная корреляция между намеченным уровнем мобилизации усилий, необходимых для достижения результатов деятельности и самостоятельностью в построении жизненных планов: чем более самостоятельна личность при реализации своих планов, тем меньше усилий, она полагает, ей придется приложить для их реализации (r=–0,26; p<0,05)); *самостоятельностью в реализации жизненных планов* (выявлена слабая отрицательная корреляция между мотивом избегания и самостоятельностью в реализации жизненных планов: личность, которую к действиям побуждает боязнь получения низкого результата, менее самостоятельна в реализации планов, чем личность, которую к деятельности побуждает мотив достижения высоких результатов (r=–0,25; p<0,05)); *осознанностью* действий, направленных на достижение и реализацию планов (обнаружена положительная корреляция осознанности действий, направленных на достижение и реализацию планов с намеченным уровнем мобилизации усилий: чем больше действий, необходимых для реализации планов, личность осознает, тем больше усилий, она полагает, ей придется затратить для своих планов(r=0,28; p<0,05)); *масштабностью событий жизни*, отмеченных личностью (выявлена умеренная положительная корреляция между уровнем притязаний личности и масштабностью жизненных событий (r=0,33; p<0,05)); *количество значимых для личности сфер жизнедеятельности* (установлена умеренная положительная корреляция между инициативностью личности при постановке жизненных целей и количеством сфер жизнедеятельности, затронутых в построении планов: личность, планирующая

жизнь сама, затрагивает в планах несколько сфер жизнидеятельности, а личность, которой помогают строить планы, как правило, связывает их с одной сферой жизни($r=0,34$; $p<0,05$)).

3. Были исследованы и описаны особенности активности личности. Выявлены три типа активности личности, обусловливающие различия при постановке жизненных целей и планировании их реализации:

– для личности с *выраженной поведенческой активностью* (41% респондентов имеют выраженную поведенческую активность) характерна сверхвовлеченность в приоритетную деятельность (учебу); импульсивность; нетерпеливость; нерациональное распределение времени из-за недостаточной гибкости планов (в случае невозможности выполнения цели часто возникают сложности с переключением на достижение другой цели из-за нежелания отказаться от достижения запланированного); сверхактивность в достижении целей; нежелание отказаться от достижения поставленной цели, несмотря на «поражение»;

– для личности с *тенденцией к поведенческой активности* (28% респондентов имеют тенденцию к поведенческой активности) характерна высокая деловая активность, целеустремленность; нехватка времени компенсируется гибкостью планов, умением выбрать главное направление деятельности, расчетливостью; достигая поставленные цели, личность с тенденцией к поведенческой активности сразу ставит перед собой новые, более сложные;

– для личности с *промежуточным типом активности* (31% респондентов имеют промежуточный тип поведенческой активности) характерна активная и целенаправленная деловитость; разносторонность интересов, она ставит цели сразу в нескольких сферах жизни; умеет сбалансировать деловую активность, напряженную работу со сменой занятий и умело организованным отдыхом; в случае невозможности выполнения цели не тратит на нее время, а переключается на достижение другой значимой цели или цели из другой сферы жизни.

4. Выявлена и описана специфика ответственности личности и ее влияние на постановку жизненных целей и планирование жизни:

– личность с высоким уровнем ответственности за свою жизнь и за события и ситуации, происходящие с ней, (31% респондентов имеют высокий уровень ответственности) считает, что большинство важных событий в ее жизни является результатом ее собственных действий, что она может ими управлять, что она сама добилась всего того хорошего, что было и есть в ее жизни, и что она способна с успехом реализовать свои цели в будущем; она чувствует ответственность за

события своей жизни и за то, как складывается ее жизнь в целом. Такая личность считает себя ответственной за неудачи, отрицательные события и ситуации, она склонна искать причину разнообразных неприятностей в себе и своих действиях;

– личность со средним уровнем ответственности за свою жизнь и за события и ситуации, происходящие с ней, (62% респондентов имеют средний уровень ответственности) считает, что важные события в ее жизни скорее являются результатом ее собственных действий, чем результатом действий других людей. Это касается ответственности в области достижения, неудач, здоровья и болезни, событий и ситуаций в сферах жизни, связанных с семейными, производственными, межличностными отношениями;

– личность с низким уровнем ответственности за свою жизнь и за события и ситуации, происходящие с ней (7% респондентов имеют низкий уровень ответственности) не видит связи между своими действиями и значимыми для нее событиями жизни, не считает себя способной контролировать эту связь и полагает, что большинство событий и поступков в ее жизни являются результатом случая или действий других людей. Такая личность склонна приписывать свои успехи, достижения и радости внешним обстоятельствам – везению, счастливой судьбе или чьей-либо помощи, а неудачи, неприятности, страдания приписывает влиянию других людей, судьбе или же считает подобные события результатом невезения.

5. Изучены и описаны особенности связи уровня притязаний личности с выбором жизненных целей и построением планов жизни в соответствии с этими целями:

– личность с высоким уровнем притязаний (41% респондентов имеют высокий уровень притязаний) ставит перед собой трудно достижимые, масштабные цели, достижение которых может занять продолжительное время или растянуться на десятилетия. Среди подобных целей встречаются «Построить дом», «Купить квартиру», «Заработать миллион»;

– личность со средним уровнем притязаний (57% респондентов имеют средний уровень притязаний) ставит перед собой среднесрочные, достижимые в течение нескольких лет цели и строит планы во многих областях своей жизни. Среди них наиболее часто встречаются цели: «Успешно сдать сессию», «Написать диплом», «Выйти замуж после окончания университета», «Поехать в свадебное путешествие», «Побывать за границей»;

– личность с низким уровнем притязаний (2 % респондентов имеют низкий уровень притязаний) ставит перед собой легко достижимые, краткосрочные цели. Большинство респондентов указали цели, связанные с учебой в университете: «Подготовиться к семинару», «Сдать предмет на отлично», «Сдать сессию без троек».

В целом, студенты склонны ставить перед собой трудно достижимые жизненные цели. При этом, достигая их в какой-либо одной сфере деятельности, они все более усложняют последующие цели, связанные с этой сферой. Испытуемые самостоятельно ставят перед собой жизненные задачи, считают, что их решение, зависящее только от них самих, потребует очень много усилий. При этом испытуемые склонны давать высокую оценку своим достижениям.

В заключении хочется отметить, что проведенное исследование подтвердило актуальность проблемы взаимосвязи субъектных характеристик личности и способов организации времени жизни, исследуемая проблема действительно актуальна для личности на этапе решения задач, связанных с определением целей жизни и планированием жизненного пути, выстраиванием временной перспективы, нахождением индивидуальных способов организации времени жизни. Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы специалистами-психологами, работающими с личностью, находящейся в ситуации выбора жизненных целей и построения планов жизни.

Библиографический список

1. Брушлинский А.В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.

2. Ермолаева М. В. Субъектный подход в психологии развития взрослого человека (вопросы и ответы) / М. В. Ермолаева. М.: МОДЭК, 2006. 200 с.

3. Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000. 408 с.

4. Осницкий А. К. О специфике личностного и субъективного в человеке// Личность и бытие: субъектный подход. Личность как субъект бытия: теоретико-методологические основания анализа: материалы III Всерос. науч. практ. конф. / под ред. З. И. Рябикиной, В. В. Знакова. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2005. С. 5 – 22.

5. Сергиенко Е.А. Психология субъекта: поиски и решения // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 2. С. 16-28.

СВЯЗЬ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ КАК СУБЪЕКТА ОРГАНИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ СВОЕЙ ЖИЗНИ С ПОСТАНОВКОЙ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕЛЕЙ И ПЛАНИРОВАНИЕМ ЖИЗНИ

П.Ю. Удачина, А.В. Шиликова

Для того, чтобы преуспевать в значимых областях жизни, личности необходимо найти наиболее эффективные и приемлемые для нее способы организации своего времени и его структурирования.

Современная реальность требует от личности субъектного отношения к своей жизни и своему времени – умения рационально использовать время, активно и осознанно его структурировать, успевая выполнить главное и не забывая развиваться, воплощая себя в пространстве и времени.

Не имея субъектной позиции по отношению к своей жизни и своему времени, в современном мире сложно преуспеть.

Анализ трудов исследователей личности и ее субъектности позволяет акцентировать внимание на ряде важных характеристик субъекта: *активности* (Л.С. Выготский, Д.А. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, В. В. Знаков, З. И. Рябикина, А. К. Осницкий М.В. Ермолаева, К. А. Абульханова-Славская, Т. Н. Березина, и др.*)*; *ответственности* (А.В. Брушлинский, С.Л. Рубинштейн, М.В. Ермолаева, К. Муздыбаев, В.В. Знаков, Е. В. Крутых, А. В. Петровский, М.Г. Ярошевский и др.*)*; *уровне притязаний* (К. Левин, В.А. Петровский, М. Г. Ярошевский, Л. В. Бороздина, Е. В. Зинько и др.); *рефлексии* (Л.С. Выготский, Д.А. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, А.К Осницкий, А.В. Карпов, В. В. Пономарева и др.); *креативности* (С.З. Гончаров, Е.Ю. Чичук и др.) и др.

Личность, выступающая как субъект организации времени своей жизни, по нашему мнению, должна быть активной, ответственной, умеющей прогнозировать свое будущее и ставить соответствующие прогнозам перспективные и реалистичные жизненные цели, своевременно планировать значимые события своей жизни и реализовать поставленные цели.

Ряд исследователей личности как субъекта организации времени выделяют активность, ответственность и уровень притязаний как наиболее важные для процесса организации времени жизни личностью. Так, К. А. Абульханова-Славская и Т. Н. Березина подчеркивают, что активность – одно из основных свойств субъекта. По их мнению, активность должна быть определена как «реальная организация личностью времени жизни» [1]. «Активность в таком ее понимании высту-

пает как самоорганизация личности во времени. Активность есть реальное умножение, расширение, наполненность времени жизни [1]. Рассматривая вопросы, касающиеся психологии субъекта, В. В. Знаков отмечает ответственность как важное качество субъекта: «Человек как субъект … обладает ответственностью и силой для решения своих проблем» [4].

Ряд авторов (К. Левин, К. А. Абульханова-Славская, Т. Н. Березина, Л. В. Бороздина, М. В. Ермолаева, Л. В. Бороздина, Е. В. Зинько, В.А. Петровский, М.Г. Ярошевский и др.) считает притязания одним из важнейших образований личности, оказывающих влияние на целевую структуру субъекта, его жизненные цели и обусловливающих его активность.

Мы посчитали целесообразным исследовать данные личностные особенности как способные оказывать наибольшее влияние на выбор жизненных целей и построение планов жизни.

С учетом приведенных теоретических предпосылок была сформирована цель исследования – изучение связи особенностей личности с ее жизненными целями и планами.

В исследовании принимали участие лица юношеского возраста (студенты дневного отделения Кубанского государственного университета и Краснодарского государственного университета культуры и искусств в возрасте от 19 до 23 лет). Общее количество испытуемых – 61 человек (19 юношей и 42 девушки). Мы решили исследовать особенности личности, влияющие на постановку жизненных целей и планов жизни в период юности, поскольку именно в этот период структурирование времени приобретает особое значение. В данный период жизни для личности проблема четкого структурирования времени, постановки жизненных целей и планирования своей жизни в соответствии с этими целями становится особенно актуальной, поскольку ряд ключевых задач данного возраста связан с построением временной перспективы, целеполаганием и планированием жизни – выбор будущей профессии и овладение ею, успешный карьерный рост и освоение ресурсов, которые смогут помочь личности преуспеть в жизни, выбор стиля жизни, своего места в жизни и выбор жизненного пути.

Методы исследования: методика «Тип поведенческой активности» Л. И. Вассермана и Н. В. Гуменюка для исследования особенностей личностной активности; методика «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера для исследования особенностей личностной ответственности; опросная процедура «Уровень притязаний личности» В. Гербачевского для исследования уровня притязаний личности; авторская

опросная процедура «Жизненные цели» и адаптированная методика А.А. Кроник и Е. И. Головахи «Линия жизни» для исследования жизненных целей личности, авторская опросная процедура «Жизненные планы», для изучения особенностей жизненных планов личности.

Методы обработки данных: методы описательной статистики; аналитическое сравнение и обобщение полученных данных; коэффициент корреляции Пирсона; корреляционный анализ.

В ходе обработки и интерпретации эмпирических данных были получены следующие результаты.

Были исследованы активность, ответственность, уровень притязаний личности и получены подтверждения того, что они являются важными характеристиками личности, опосредующими выбор личностью жизненных целей определенного вида (масштабные, оперативные, краткосрочные) и специфику планирования жизни.

Так, были установлены следующие корреляции:

1. Умеренная положительная корреляция активности личности с масштабностью жизненных целей ($r=0,35$; $p<0,05$) показывает, что личность, которой присущи рациональная активность, целенаправленная деловитость, умение сбалансировать и организовать свою активность в достижении жизненных целей, ставит перед собой масштабные, трудно достижимые жизненные цели, в соответствии с которыми она построит четкий план своей жизни и будет его придерживаться. Личность, проявляющая чрезмерную, неоправданную активность в своей деятельности, не умеющая рационально организовать свою жизнь, будет ставить простые цели, которые, даже при ее излишней суете, она сможет легко достичь.

2. Установлена средняя положительная корреляция между активностью личности и активностью в реализации жизненных планов ($r=0,61$; $p<0,05$). То есть личности, для которой характерна активная и целенаправленная деловитость, хорошая приспособляемость к различным видам деятельности, рациональность, умение сбалансировать деловую активность, также присуще активное стремление к своим целям и активная реализация построенных в соответствии с этими целями планов. Напротив, преувеличенная потребность в деятельности, сверхвовлеченность в приоритетную деятельность, сверхактивность в достижении целей в приоритетной деятельности, непоследовательность, импульсивность, склонность к соперничеству, высокая мотивация достижения при неудовлетворенности достигнутым, – все это мешает личности в активной реализации жизненных планов.

3. Установлена умеренная положительная корреляция между активностью личности и осознанностью действий, направленных на достижение и реализацию планов ($r=0,33$; $p<0,05$). Так, личность, для которой характерны рациональная активность, целенаправленность, активная деловитость, умение правильно организовать свою жизнь в соответствии со своими целями, осознает свои действия, направленные на достижение и реализацию планов. Если же личность проявляет неоправданную сверхактивность, импульсивность, то ей присуща не только непоследовательность, но и неосознанность действий, связанных с достижением и реализацией жизненных планов.

4. Обнаружена умеренная положительная корреляция активности личности и количества сфер жизнедеятельности, затронутых при построении планов ($r=0,39$; $p<0,05$). Так, личности, связывающей жизненные планы со многими сферами жизни, присуща рациональная активность, целенаправленная деловитость, целеустремленность, умение организовать свою деятельность. Если личность излишне активна, импульсивна, подвержена фрустрации внешними обстоятельствами и жизненными трудностями, то это ей мешает в реализации жизненных планов. Соответственно, при планировании своей жизни личность такого типа будет затрагивать малое количество сфер жизни.

5. Выявлена положительная корреляция между ответственностью за жизненные события и самостоятельностью в определении жизненных целей ($r=0,29$; $p<0,05$). Личность, самостоятельно определяющая цели своей жизни, считает, что большинство важных событий в ее жизни является результатом ее собственных действий, что она может ими управлять. Напротив, пассивная в определении своих жизненных целей личность не видит связи между своими действиями и значимыми для нее событиями жизни, полагает, что большинство событий и поступков являются результатом случая или действий других людей. Поэтому и в определении жизненных целей личность такого типа полагается на других людей.

6. Обнаружена умеренная положительная корреляция между ответственностью за достижение жизненных целей и инициативностью в их постановке ($r=0,48$; $p<0,05$). Так, личность, чувствующая свою ответственность за достижение целей своей жизни, инициативна и в их постановке. Напротив, чем меньше инициативы проявляет личность при постановке жизненных целей, тем, соответственно, и меньше ответственности она ощущает за их достижение.

7. Выявлена средняя положительная корреляция между уровнем притязаний личности и самостоятельностью в определении жизненных

целей (r=0,62; p<0,05). Так, личность, самостоятельно определяющая жизненные цели, надеющаяся на собственные силы в их реализации, склонна ставить перед собой трудно достижимые цели. А личность, не самостоятельная в определении жизненных целей и их реализации, склонна ставить перед собой быстро и легко достижимые цели.

Итак, можно заключить, что выбор целей жизни и построение жизненных планов – это проблемы, действительно, очень важные в период юности, в период обучения в высшем или средним профессиональном учебном заведении. Разработанный методический материал и другие результаты исследования могут использоваться для психологической диагностики специфики целеполагания и планирования жизни личностью с различными субъектными особенностями и позволяют дать некоторые рекомендации в части определения оптимальных способов и индивидуальных технологий организации времени. Кураторы в учебных заведениях и психологические службы наряду с решением других психологических вопросов могли бы заниматься проведением тренингов развития навыков целеполагания и планирования личностью времени своей жизни. Это позволит учащимся развивать субъектное отношение к своей жизни и своему времени, обретать способность строить реалистичные прогнозы относительно своего будущего, ставить соответствующие прогнозам перспективные цели, своевременно планируя значимые события своей жизни и реализуя намеченные цели и планы.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К.А. Время личности и время жизни / К. А. Абульханова-Славская, Т. Н. Березина. СПб.: Алатейя, 2001. 304 с.

2. Брушлинский, А. В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.

3. Ермолаева М. В. Субъектный подход в психологии развития взрослого человека (вопросы и ответы). М.: МОДЭК, 2006. 200 с.

4. Знаков, В. В Психология человеческого бытия – одно из направлений развития психологии субъекта // Психологический журнал. 2008. Т. 29, №2. С. 69-77. 33

5. Рябикина З. И. Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия / под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Ин-т психологии РАН, 2005.

ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

А.А. Фролов

Обращение к нравственной проблематике разворачивает тему психологии субъекта к гамлетовскому вопросу: «быть или не быть?». Быть – означает самоосуществление личности в ее сущностном проявлении: искренности, любви и правде. Не быть близко к тому, что в «Человеке и мире» С. Л. Рубинштейн писал о превращении человека в «маску»: «Это и есть отрицание человека и самой сущности подлинной любви» [4, с. 99]. Здесь же проходит невидимая граница субъектности, понимаемой как осознанная ответственность личности за свой нравственный выбор. Субъектом жизни человек становится на пути работы сознания, рефлексии.

Сознание означает выход за пределы наличного, данного, осуществление возможности увидеть себя, свое поведение и последствия этого поведения со стороны [4]. Таким образом, понимаемое сознание является настоящим творческим актом, который осуществляет личность в процессе нравственного самоопределения.

Традиционный путь нравственного становления основан на подражании нравственным образцам. При разрушении традиций и привычного хода вещей каждый человек оказывается перед проблемой нравственного выбора. «Людям было бы легче уразуметь закон внутренней свободы и сравнительную условность внешней и политической свободы, если бы они чаще и радостнее прислушивались к тому, что обычно называется «голосом совести, – писал в 30-х годах XX века философ и правовед И. А. Ильин. Ибо человек, переживая это изумительное, таинственное душевное состояние, осуществляет внутреннюю, духовную свободу в таком глубоком и целостном виде, что ему невольно открываются глаза на ее подлинную природу<... > То, на что указывает нам совесть, к чему она зовет, о чем она нам вещает, – есть нравственно совершенное; не «самое приятное», не «самое полезное», не «самое целесообразное» и т. п., но нравственно лучшее, совершенное... » [3, с. 178-179]. Ильин говорит о врожденности совести и о необходимости совершенствования ее путем «прислушивания» к ее голосу. Совесть есть живая и цельная воля к совершенному, первый и глубочайший источник чувства ответственности, основной акт внутреннего самоосвобождения, живой и могущественный источник справедливости. «Совесть есть состояние нравственной очевидности», состоявшийся совестный акт характеризуется могучим позывом к со-

вершенно определенному нравственному поступку (или образу действий). Он восстанавливает внутреннее единство человеческого существа, всех его сил и способностей и потому может на долгие годы вперед озарять жизнь личности новым обретенным смыслом. Попытка вытеснить совесть для личности может закончиться трагедией всей жизни» [3, с. 183].

Процесс мышления не может полноценно протекать, если в нем не задействованы константные образования, играющие роль мыслительных опор и ориентиров. Положительное знание закрепляется и передается через образ близких, знакомых. Этот образ, естественно, восходит к некоторому первообразу, издревле формирующему нравственное сознание народа и обладающему способностью сохраняться и воздействовать на тип ментальное, не взирая на исторические периоды, когда нравственность народа подвергается разрушающим влияниям [1, с. 343].

В исследовании нравственных представлений М. И. Воловиковой совместно с Л. Л. Гренковой-Дикевич [2] изучалось, насколько область нравственности пересекается в представлениях наших соотечественников с областью закона и правопорядка. Метод был частично заимствован ими из работ Стернберга, Азумы и Кашиваги, Смирновой. Суть метода заключалась в том, что сначала эмпирическим путем составлялся список слов и словосочетаний (дескрипторов), с помощью которых в данной стране, в данном обществе описывался человек, которого считают носителем искомого качества (например, ума), затем этот список предъявлялся испытуемым с вопросом, есть ли каждая из отобранных черт в конкретном человеке, которого данный испытуемый считает действительно умным. Такая процедура позволяла провести факторный анализ и выявить как общие, так и специфичные черты представлений различных возрастных, социальных и т. п. групп. Метод позволял осуществить субъектный подход к исследованию, так как описывались конкретные люди, являющиеся, по мнению респондентов, субъектами определенных качеств (интеллектуальности и, соответственно, нравственности). Выделенные факторы позволяли также говорить об определенных личностных типах (прототипах), представления о которых распространены в той или иной социальной среде или группе, – как образцовых в нравственном отношении. Кроме того методика также опиралась на идею Рубинштейна о поступке как единице нравственного поведения. Поэтому в нее был включен вопрос-задача: рассказать о конкретном поступке описываемого лица, доказывающем, что данное лицо действительно является порядочным человеком.

Адаптация методики Азумы и Кашиваги к исследованию прототипа нравственной личности и ее апробация проходила с 1996 года. Всего в исследовании приняли участие около 800 человек – школьников, студентов и лиц, кому «за 40».

После этапа сбора описаний «порядочного», с точки зрения реципиентов, человека, были отобраны частотным методом дескрипторы и с ними составлен бланк, построенный по принципу одномодальной шкалы. Анкета была дополнена просьбой описать конкретный поступок и в индивидуальном порядке предъявлялась испытуемым. Заполненные анкеты подвергались затем процедуре факторного анализа, а приведенные примеры – контент-анализу и «микросемантическому» анализу.

Оказалось, что тема нравственности («порядочности»), как у школьников, так и у людей достаточно взрослых, вызывает (в отличие от темы «право») типичную для российского сознания заинтересованность. Порядочный человек, по мнению респондентов, это тот, кто приходит на помощь в трудную минуту, добрый, честный, ему можно доверять. Если расположить (в порядке убывания) названия качеств, отличающих образцовую нравственную личность, то самыми употребимыми чертами оказываются следующие: умеющий прийти на помощь, добрый, честный, ему можно доверять, уважающий других, вежливый, умный, сдержанный, трудолюбивый, общительный, соблюдающий правила этикета, уступающий место в транспорте, культурный, умеющий держать слово, понимающий ситуацию и человека, жертвующий личными интересами, не способный обидеть, отзывчивый, ответственный... Всего перечень черт, которыми описывают порядочного человека, состоял более чем из трехсот определений. Из них (исходя из частоты упоминания во всех группах) были отобраны 60 и 41 дескриптор (соответственно для двух вариантов анкеты), предъявляемых затем для заполнения.

Факторный анализ полученных анкет показал, что соблюдение закона не входит в обязательный набор требований к человеку, которого можно, с точки зрения наших соотечественников, назвать действительно порядочным. Так, у школьников-подростков и у студентов (включая студентов-юристов!) почти ни в один фактор не вошли любовь к Родине и уважение к законам.

Однако анализ конкретных примеров, доказывающих, с точки зрения отвечающего, что описываемое лицо является действительно порядочным, позволил увидеть особую роль крепости и стойкости в соблюдении закона – как нравственного, так и правового. Выбирая об-

раз «безусловно порядочного человека», испытуемые подчеркивают в нем те черты, где «образец» не переступает нравственный закон, т.е., где у него сохранна нравственная чистота внутреннее чувство границ допустимого в нравственной сфере. На этих-то людей, на их поведение и ориентируются те, кто хочет оставаться нравственными людьми. Размытость внешних границ допустимого (когда вести себя «как все» может означать участие в общем нравственном падении) делает внутренние границы важными и значимыми не только для самих их «обладателей», но и для многих людей, запечатлевающих их поступки. «Ему можно доверить любую тайну и он никому ее не откроет, не бросит в трудную минуту и защитит» (м., 18 л.); «Никогда не участвует в обсуждении чужой жизни, поступков. Можно доверить любую проблему» (ж., 19 д.); «Когда человеку становится известна какая-то соблазнительная информация интимного свойства, например, о чем-то происшедшем внутри какой-то семьи, и он сдерживается и не разбалтывает это всем знакомым... » (ж., 20 л.). «Есть вещи, которые он НИКОГДА НЕ СМОЖЕТ СДЕЛАТЬ, потому что это ПРЕТИТ его внутреннему миру» (м., 18 лет).

Эти поступки, запомнившиеся взрослым испытуемым, говорят о том, что совершенно противоположно словам одного из школьников: «Быть порядочным человеком очень хорошо». Образец нравственности, по житейским меркам, это не самый приспособленный к жизни человек: «Женщине понравился женатый мужчина, но вместо того чтобы кокетничать и «уводить», она даже в сторону его не смотрит» (ж., 23 года). «Он не воровал на заводе, хотя и был начальником (ж., 24 года).

Резюмировать можно словами одного из школьников: «Порядочность – ЭТО ТАКОЙ ЧЕЛОВЕК…», В представлениях людей, действительно, нравственность существует как некий образец (эталон). Исследование его по описательным характеристикам позволяет обрисовать общую картину нравственных приоритетов в той или иной группе людей. Но описание запечатлевшегося нравственного действия, поступка дает возможность узнать главное, что определяет выбор того или иного лица в качестве образца. В этом действии другой человек становится живым нравственным символом: символом, позволяющим узнавать в поведении, словах и даже облике как других людей, так и себя самого в разные периоды жизни, соответствие или несоответствие нравственным образцам.

По наблюдениям М. И. Воловиковой и Л. Л. Гренковой-Дикевич [2], между поколениями в современной российской действительности

лежит некая грань, связанная с дефицитом положительных нравственных запечатлений. Наше главное и основное богатство – «добрые люди Руси» (слова, принадлежащие одному автору XIX века) – как бы расходовалось и расходовалось десятилетиями, и сейчас слой этот истончился так, что относительно взрослым (студентам) еще удалось увидеть, встретиться с кем-то, кого они могут описать как нравственный образец, а теперешним подросткам сделать это уже труднее (всего одна треть школьников смогла указать такое конкретное лицо). Сетования детей на то, что «нравственность» – это то, что было в прошлом, во времена дедушек и бабушек, имеют под собою и реальные основания.

Также необходимо отметить результаты факторного анализа вышеуказанного исследования.

Подростки 13 лет (Смоленск) показали довольно гладкую и в целом позитивную картину. Выделились факторы – решения проблем (может дать совет, отзывчивый, аккуратный, доброжелательный, ответственный); доверия (не предаст друга, настоящий друг, не выдаст чужую тайну, не нарушает данное им слово, безотказный, ему можно доверять, справедливый); когнитивно-культурный (эрудированный, начитанный, умный, рассудительный, уважающий других людей, честный, независимый, культурный); коммуникативный (с чувством юмора, общительный, хорошо одевается, веселый, нежадный) и социальной поддержки (щедрый, не сплетничает, пунктуальный, безотказный).

Старшеклассников сравнивали московских и смоленских. Создалось впечатление, что 16-летние смоляне находятся в начале того пути разрушения традиционных для нашей культуры идеалов, по которому 16-летние москвичи прошли на шаг или два дальше.

У смоленских старшеклассников выделились факторы: самоконтроля и культуры поведения (аккуратный, пунктуальный, ответственный, не нарушает закон, соблюдает правила этикета, культурный); доверия ровесникам и отрицания «взрослых» ценностей (в него вошли: с положительным весом – не предаст друга, общительный, с чувством юмора, с отрицательным – любит Родину, скромный, не курит, не сквернословит); доброжелательности и уважения к старшим (добрый, уважает старших, безотказный); культурно-когнитивный (интеллигентный, образованный, начитанный, воспитанный) и доверия (не нарушает данного им слова, не выдаст тайну, щедрый, рассудительный).

У московских школьников (тот же возраст и тендерный состав) выделились факторы: культуры поведения (культурный, аккуратный,

соблюдает правила этикета, уважает старших, интеллигентный, хорошо одевается, воспитанный); доверия (безотказный, не врет, добрый, не выдаст чужую тайну, ответственный); неприятия ценностей школы (с отрицательным весом – образованный, начитанный, умный, может дать совет, интеллигентный) и фактор, который условно можно назвать «скупой и мрачный» (с положительным весом – бережливый, с отрицательным – с чувством юмора, общительный, волевой); добропорядочности (добросовестный, пунктуальный, не предаст друга, волевой, трудолюбивый) и верности (не нарушает данное им слово, любит Родину, смелый).

Как видно, у старшеклассников из Москвы и Смоленска, наряду с общим для всех социальных и возрастных групп утверждением интеллигентности, культуры поведения, появляется и отрицание взрослых ценностей, но у московских школьников оно сильнее и затрагивает практически все ценности, прививаемые школой и образованием, – ум, интеллигентность и саму образованность.

Смоленские студенты показали в целом более благополучную картину, но, как оказалось, она несколько зависела от избранной специальности: студенты-юристы больше ориентированы на ум, доверие и ответственность, а студенты-психологи – на воспитанность, образованность, независимость, также доверие и общительность. При этом у них наблюдалось образование фактора, условно названного возвращением к прежним идеалам, в который вошли: не ворует; добрый; не злой; верит в Бога; доброжелательный; может простить.

Аналогичный фактор выделился у взрослых москвичей (лица в возрасте от 38 до 52 лет, принадлежащих к довольно однородной и в социальном плане относительно успешной группе). Выделились следующие факторы: 1) когнитивно-коммуникативный (дисперсия 17,3%): умный, общительный, гордый, волевой, начитанный, смелый, хорошо одевается; 2) потери идеала (11,4%) все с отрицательным весом: не предаст друга, щедрый, не выдаст чужую тайну, не нарушает закон, не ворует, честный; 3) культуры поведения (8,8%): воспитанный, скромный, тактичный, культурный, интеллигентный, соблюдает правила этикета, рассудительный, с чувством юмора; 4) возвращения к прежним идеалам (7,9%): уважает старших, не сквернословит, верит в Бога, не врет; 5) фактор поддержки (6,4%): уважает других людей, не сплетничает; 6) социальной ответственности (5,2%): любит Родину, ответственный, трудолюбивый, аккуратный.

Следует отметить, что кроме общих со школьниками и со студентами уважения к уму, образованности и интеллигентности отмечалось

имплицитное отрицание качеств, связанных с соблюдением закона (кроме смоленских старшеклассников), доверием и честностью и, как другой полюс, имплицитное утверждение ценностей прошлого (уважение к старшим, отказ от «идиоматических выражений» и лжи, вера в Бога). Представляется, что системообразующим и для студентов, и для тех, кому «за 40», в обретении прежних идеалов может стать возвращение к вере – реальному основанию нравственности в России на протяжении многих веков. Однако и здесь не все так просто и однозначно. То, что разрушалось десятилетиями, не может в короткое время восстановиться без потерь. В этом отношении, как видно из сравнения выполнения всех заданий в разных возрастных группах, жизненный опыт играет определенную позитивную роль.

Результаты контент-анализа описаний конкретных поступков лицами зрелого возраста показали, что в них есть своя специфичность и в целом они подтверждают картину, полученную в результате факторного анализа, – но только с его позитивной стороны.

Ведущие темы в поступках: помощь – готов оказать бескорыстно, безвозмездно помощь, поддержит в трудной ситуации, умеет прощать; забота – о престарелых родителях, о чужих детях, о своих друзьях, о животных; защита – от нападения, умение взять ответственность на себя, защита интересов фирмы, способность поступиться своим личным благополучием.

Конкретные примеры говорят о том, как трудно в наше время дается соблюдение нравственного закона. Так 40-летний мужчина описывает поступок 55-летнего коллеги, который, несмотря на угрозу увольнения и в конечном итоге само увольнение, отстаивал свою точку зрения, не пошел на сделку с совестью.

Тема совести, которая особенно интересовала на протяжении всех этапов исследования, неожиданно всплыла в результатах стандартной обработки выполнения рисуночного теста «дерево» (по [5]), он давался исследователями только испытуемым зрелой возрастной группы. Именно в рисунках 40-50-летних мужчин на первое место выделились признаки и детали, свидетельствующие о внутреннем конфликте и страдании, а на второе – потребность в идеале.

Если сопоставить результаты факторного анализа, описания конкретных примеров и результаты рисуночного теста, то можно сделать предположение, что необходимость нарушения закона, связанная с успешностью работы, может приводить к внутреннему конфликту и страданию.

Формулируя выводы, хотелось бы подчеркнуть, что проделанные исследования, скорее, обозначило проблемы, связанные с нравственным становлением человека в современных условиях нашей российской действительности. Ключом в понимании их являются положения С. Л. Рубинштейна об особенностях нравственного становления в переломные моменты истории народа, о роли выбора личности, осуществляемого как результат имманентной работы сознания – либо, как альтернатива, бездумного подчинения изменившимся обстоятельствам.

Представляется, что одним из результатов вышеуказанного исследования может быть выделение на имплицитном уровне этих двух альтернатив. Выбор происходит между утверждением и отрицанием нравственного идеала. В первом случае (утверждения) возвращается, наряду с верой, ценность уважения к старшим, к закону («не ворует», «не сквернословит»), правдивости, искренности, доброжелательности и способности простить другого человека. Во втором случае (отрицания) начинает формироваться антиидеал (где все перечисленное выше (доверие, доброта, уважение к закону) отрицается [1, с. 350].

Интеллигентность (в типично российском расширительном понимании этого слова) пока еще продолжает занимать ведущее место в нравственных представлениях, но уже не во всех возрастных группах. Те, кто родился и воспитывался в период «второй капиталистической революции», нуждаются в особом внимании и помощи со стороны взрослых. Основной и самый эффективный вид такой помощи – это пример и поступок.

Таким образом, правовое сознание находится в глубокой связи с нравственным сознанием. Совесть может не только свидетельствовать о нарушении нравственных норм, но также страдать от нарушения закона.

Библиографический список

1. Брушлинский А.В., Воловикова М.И. Психология индивидуального и группового субъекта. М., 2002.

2. Воловикова М.И., Гренкова Л Л. Современные представления о порядочном человеке// Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. с. 93-111.

3. Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1993.

4. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М., 1998.

5. Stora R. Le test de Tarbre. Paris, 1978.

СВЯЗЬ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТИ ОБРАЗА Я И СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ

Т.П. Харькова

Для современной психологии личности все более актуальными становятся проблемы, связанные с рассмотрением личности не как отдельно взятой реальности, а в совокупности всех ее проявлений. Личность интересует психологов как система, способная к активному преобразованию действительности, к саморазвитию и самораскрытию в различных сферах своего взаимодействия с миром.

В отечественной психологии активно развивается понимание личности как субъекта организации пространств своего бытия. Личность изучается в контексте разнообразных отношений с бытийными пространствами. Все они влияют на развитие личности и отражаются в системе представлений личности о себе и окружающей действительности (С. Л. Рубинштейн, В. В. Знаков, Б. С. Братусь, З. И. Рябикина).

Давно отмечается влияние личности на Образ мира, Я – концепцию. С другой стороны, многие исследования подтверждают и обратное влияние. Устоявшийся образ собственной жизни, своей роли в ней могут существенно влиять на развитие личности, могут способствовать поиску новых способов движения личности, но могут и препятствовать этому. Понимая эту проблему, психологи изучают механизмы, с помощью которых личность организует свою жизнедеятельность, конструирует оптимальный для нее образ реальности и поступает сообразно сложившимся представлениям.

Как научное понятие Я-концепция или Образ Я вошло в обиход специальной литературы сравнительно недавно, может быть потому в литературе, как отечественной, так и зарубежной, нет единой его трактовки. Несмотря на такое положение, и отечественные и зарубежные исследователи отмечают множественность и динамизм системы представлений человека о самом себе (С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, Б. С. Братусь, В. В. Знаков, З. И. Рябикина, Д. А. Леонтьев, К. Роджерс, Р. Бернс, Э. Эриксон и др.).

Актуальность исследования профессиональных и семейных сфер в Образе Я личности продиктована необходимостью интегрировать уже существующие взгляды в психологии на процессы профессионального и семейного самоопределения, как элемента в структуре Я концепции.

Учитывая многообразный спектр моделей описывающих содержание и структуру самосознания и Образа Я как его результата, мы

столкнулись с проблемой отсутствия конкретики в описании поведенческой составляющей Образа Я. Начиная со статей психологического словаря, где подробно описывается когнитивный и эмотивный компонент самосознания, а поведенческий ограничивается тремя предложениями, и заканчивая современными авторами, которые используют поведение, в качестве описательной характеристики, а не самостоятельного конструкта в системе целостной сущности Образа Я.

Таким образом, мы предлагаем раскрыть поведенческий компонент Образа Я, используя модель гармоничной психологической организации личности Д. А. Леонтьева и опираясь на модель гармоничной личности бытийного подхода З. И. Рябикиной, Г. Ю. Фоменко, С. Д. Некрасова, Л. Н. Ожиговой.

Опираясь на принцип динамичного развития Образа Я личности во времени, и его некую устойчивость при этом, мы эмпирически, прежде всего, сталкиваемся с диалектической проблемой дифференцированности Образа Я и его согласованности, как важнейшего показателя личностного роста.

С. Л. Рубинштейн подчеркивает, что в системе взаимосвязей человека с окружающими людьми и миром ему приходится выступать в разных качествах, в разных ролях, быть субъектом самых разнообразных видов деятельности. Из каждого взаимодействия с миром вещей и миром людей человек «выносит» образ своего Я. В процессе самоанализа, расчленения отдельных конкретных образов своего Я на составляющие их образования происходит как бы внутреннее обсуждение с самим собой своей личности.

В настоящее время существует некая пропасть между отдельными исследованиями, посвященными личностным особенностям и благополучию личности в целом. Поэтому вопрос о том, что может являться той категорией, которая бы выполняла интегративную функцию является актуальным и значимым.

Смысловой (А. Г. Асмолов, А. Н. Леонтьев, Д. А. Леонтьев и др.), субъектно-деятельностный (К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский, А. Н. Демин, В. В. Знаков, В. И. Слободчиков др.) и бытийный (Л. С. Рубинштейн, З. И. Рябикина, В. С. Мухина, Г. Ю. Фоменко и др.) психологические подходы подчеркивают роль личностной смыслообразующей активности в разрешении вопроса определения собственного благополучия, осуществляющейся в процессе развития и самореализации человека, важнейшим этапом которого является самоопределение.

Таким образом, возникает теоретико-практическая задача поиска и установления связей между дифференцированностью Образа Я личности и выбора стратегий поведения в трудных жизненных ситуациях, изучения психологических оснований данного выбора. Актуальна разработка концептуальной модели, которая позволит раскрыть поведенческий компонент Образа Я как самостоятельного конструкта в системе целостной сущности Образа, а также предложить индивидуальные траектории психологического сопровождения человека при выборе стратегий поведения в жизненных кризисных ситуациях.

Объект исследования – Образа Я личности.

Предмет исследования – дифференцированность Образа Я личности как показатель вариативности стратегий поведения в трудных жизненных ситуациях.

Цель исследования: выявить и изучить особенности соотношения и распределения профессиональных и семейных ролей в Образе Я личности; определить, как связаны между собой дифференцированность Образа Я с этапами профессионализации и сферами жизнедеятельности, а также как степень согласованности Образа Я определяет выбор различных стратегий поведения в сложных жизненных ситуациях, и степень вариативности этих стратегий.

Гипотезы исследования:

– дифференцированность Образа Я личности связана с этапами профессионализации и сферами жизнедеятельности.

– степень дифференцированности Образа Я личности обусловливает выбор стратегий поведения в сложных жизненных ситуациях.

Эмпирические задачи:

– выделить на основе полученных результатов группы по степени дифференцированности Образа Я личности и определить их особенности, а также особенности выбираемых стратегий поведения в сложных жизненных ситуациях.

– определить и обосновать характер взаимосвязей между степенью согласованности образа Я личности и его дифференцированности, а также особенностями стратегий поведения.

Методы исследования: модифицированная методика самоотношения Т. Лири (образ Я-профессионал и Я-семьянин); методика определения стиля поведения в конфликтной ситуации Т. Томаса (стиль поведения в семье и профессиональной сфере); авторская анкета «согласование семейных и профессиональных ролей», которая состоит из двух частей (первая часть – открытые вопросы, вторая часть – неоконченные предложения); эссе на тему «Я в профессиональной жизни» и

«Я в семье»; качественный анализ сказки о семейных взаимоотношениях «О стрельце-молодце и Василисе-прекрасной».

В исследовании приняли участие 194 человека. Из них 81 – мужчины, 113 – женщины. Сотрудники структуры МВД: работающие – 29, курсанты – 31. Сотрудники сферы образования: учителя – 30, студенты – 42. Медицинские работники: работающие – 20, студенты – 42.

Анализ и интерпретация данных.

Исследование проводилось в несколько этапов. На первом этапе мы проводили исследование профессиональных и семейных представлений личности и особенности поведения в конфликтных ситуациях в данных сферах жизнедеятельности (методика самоотношений Т. Лири и методика определения стиля поведения в конфликтной ситуации Т. Томаса). На втором этапе мы провели качественное исследование профессионального и семейного Образа Я личности (нами была разработана авторская анкета «согласование семейных и профессиональных ролей», которая состоит из двух частей (первая часть – открытые вопросы, вторая часть – неоконченные предложения, а так же респондентам предлагалось написать эссе на тему «Я в профессиональной жизни» и «Я в семье»). И, наконец, в качестве завершающего этапа, нами было принято решение использовать анализ проективной сказки о взаимоотношениях супругов в сложных жизненных ситуациях, для определения особенностей стратегий поведения.

Анализ полученных данных мы проводили путем выделения трех основных групп, выделяя их по степени дифференцированности образа себя в различных сферах жизнедеятельности или бытия личности. Так нами были определены три группы:

1. Строго дифференцируют образ себя.
2. Частично дифференцируют.
3. Не дифференцируют вообще.

Первая группа по численности представителей получилась самой объемной. В неё вошли работающие сотрудники структуры МВД и мужчины и женщины, работающие педагоги мужчины и женщины, а так же учащиеся девушки-курсанты. Строго дифференцируя когнитивный образ себя, они соответственно определяют для себя разные стратегии поведения в трудных жизненных ситуациях в семье и в профессии. Так в семье они предпочитают сотрудничество. В профессии спектр стратегий расширяется и помимо сотрудничества, как универсального хода, так же осознают необходимость соперничества или избегания. Соответственно качественные описания так же носят характер последовательный и дифференцированный. Самоописания семей-

ной сферы и себя в ней, носят чаще описательный и эмоционально окрашенный характер, в то время как самоописания в профессиональной среде касаются чаще всего деятельности.

Вторая группа менее объемная. В данном случае в нее входят работающие медицинские работники и мужчины и женщины, учащиеся медработники юноши и учащиеся педагоги девушки. Слабо дифференцируя образ себя, тем не менее выбирают различные стратегии поведения. Причем, что интересно вариативность стратегий в семье шире, нежели в профессии. В семье предпочтительнее всего приспосабливаться, но так же допускается сотрудничество и избегание. В профессии предпочтение отдается сотрудничеству, скорее всего в данном случае правомерно говорить о профессиональной специфике. Так как преобладающее большинство группы – медработники, то сотрудничество действительно самый продуктивный способ поведение в условиях профессионального взаимодействия.

Третья группа, самая малочисленная по количеству представителей. В неё вошли курсанты структуры МВД, студенты-педагоги и учащиеся девушки-медработники. Данная группа предъявляет абсолютно слитные не дифференцированные образы себя в семье и профессии. То есть группа, которая в реальности не реализует ни семейных, ни профессиональных ролей, а только «обучается» им, не имеет когнитивных четких образов. И, как результат, не имеет вариативности поведенческих паттернов в ативе своей деятельности. Основной стратегией поведения в кризисных жизненных ситуациях они выбираю сотрудничество, т.е. такую стратегию, которая дает возможность, при сохранении своего Я как бы попросить помощи. При этом, проективно, девушки конкретизируют образы себя с учетом выделения деятельностных аспектов. Перспектива семейная выглядит эмотивно-описательно, и напротив профессиональная жизнь чаще описывается в деятельностных характеристиках. Сходный набор качественных характеристик предъявляют и курсанты-юноши. Для юношей педагогов деятельностные характеристики не являются ведущими ни в профессиональных, ни в семейных планах-описаниях собственной бытийности.

Соответственно полученным результатам, мы можем сделать следующие выводы:

1. Дифференцированность Образа Я личности, присущая интегрированной личности, достигается, прежде всего, непосредственной включенностью личности в различные жизненные пространства.

2. Дифференциация образов себя связана с вариативностью выбора стратегий поведения в кризисных жизненных ситуациях, независимо от профессиональной и гендерной идентичности.

3. Вариативность самоописаний также связана с дифференциацией образа Я, чем точнее разделение, тем шире описания и тем больше в них встречается поведенческих, деятельностных характеристик.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.

2. Гинзбург М. Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопросы психологии. №3. 1994. с. 43-52.

3. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Кризисы профессионального становления личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18. №6. с. 35-44.

4. Ожигова Л. Н. Гендерный подход в социально-психологических исследованиях // Проблемы самореализации мужчины и женщины в современном российском обществе. Краснодар, 2001. с. 31-33

5. Фоменко Г.Ю. Личность как субъект бытия в ЭУ два модуса бытия. Краснодар, 2006.

ПОДХОДЫ К ЭМПИРИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ ФЕНОМЕНА ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ

И.И. Хот

Психологию все больше интересуют интегральные регуляторы поведения, обеспечивающие ясно видимый результат и, в целом, положительный жизненный эффект. Примерами таких регуляторов могут служить самоэффективность (Альберт Бандура) и жизнестойкость (Аарон Антоновски, Сальвадор Мадди, Дмитрий Леоньтев).

Пока не очень ясно, как формируются такие регуляторы поведения и как они функционируют у разных людей. Мало известно даже то, как эти регуляторы распределены между людьми (наблюдения показывают, что ими обладают не все или не все в равной мере). Это делает проблему интегральных регуляторов значимой для исследования.

В качестве предмета исследования выступает феномен жизнестойкости (таким, как он описан его первыми исследователями). Его феноменология типично описывается так: люди подвергаются трудностям или повреждающим (стрессовым) факторам. Одни из них впадают в состояние нервно-психической истощенности и отчаяния, заболевают «болезнями стресса», разрушают свои социальные связи. Другие переживают такие же трудности, но чаще справляются с ними и реже показывают признаки исчерпанности сил и заболевания. Предположи-

тельно, в основе способности справляться с трудностями лежит общий фактор или комплекс факторов. С. Мадди назвал этот фактор Хардинесс (от англ. слова Харди – выносливый, стойкий, закаленный, а также – смелый и отважный). В российской литературе (Д. А. Леоньтев) он переводится как жизнестойкость.

С. Мадди определяет жизнестойкость как комплекс установок, мотивирующих человека отвечать на стрессовые воздействия особыми усилиями по совладанию с ними (копингу) и по организации социального взаимодействия таким образом, чтобы превращать потенциально вредные воздействия в возможности для развития. Для нас важно то, что Маади определяет предполагаемый фактор как сложно-составной – т.е. как *комплекс установок*. Это обосновывает задачу по изучению его структуры применительно к конкретным группам людей. В последних работах Мадди определяет феномен жизнестойкости следующим образом: это *особая установка по отношению к жизни плюс особые практики жизненной активности*.

В состав феномена жизнестойкости входит общая установка на жизнестойкость, практики жизнестойкого поведения. Общую установку на жизнестойкость составляют три взаимосвязанные, но содержательно различающиеся группы установок: к*оммитмент* (в переводе Д. А. Леоньтева – включенность): принятие и выполнение обязательств по отношению к миру; к*онтроль*: вера в то, что окружающие человека процессы могут, в принципе, контролироваться и управляться; п*ринятие вызова*: готовность рассматривать события как повод для включения творческого и преобразующего потенциала субъекта.

В практики жизнестойкого поведения входит практика совладающих (в узком смысле слова) стратегии – как когнитивных (интерпретация событии), так и поведенческих; практика получения (и предоставления) социальной поддержки; практика общей саморегуляции и поддержания здоровья

Независимо от Мадди этот предполагаемый фактор устойчивости человека к жизненным трудностям изучал и Аарон Антоновски. Он назвал его *чувством когерентности* и раскрыл через такие установки человека как *понятность* мира, *управляемость* мира с точки зрения субъекта и *осмысленность* мира, т.е. наличие в нем смыслов для субъекта.

Несмотря на несколько отличающиеся акценты в теоретическом описании явления его наблюдаемые индикаторы (пункты опросников) у обоих авторов существенно схожи.

Итак, существует интегральный личностный механизм, участвующий в решении разнообразных жизненных проблем человека и обеспечивающий, в конечном счете, более высокое качество его жизни.

Мы предприняли исследование, чтобы: 1) установить, в каких формах реализуется феномен жизнестойкости в такой социально-возрастной группе как студенты; 2) получить некоторые представления о процессе формирования этого интегрального регулятивного механизма; 3) проследить связи жизнестойкости с такими характеристиками жизни субъекта как продуктивность (показатели основной социальной активности) и удовлетворенность.

Основой для постановки таких целей явились данные многих исследователей о том, что взаимная корреляция установок (коммитмент, контроль и принятие вызова) часто не наблюдалась у студентов, в то время как хорошо проявлялась у работающих взрослых. Мы полагаем, что именно на этом возрастном этапе происходит формирование интегрального механизма жизнестойкости.

Для эмпирического исследования нами были использованы утверждения опросников жизнестойкости (Антоновский и Мадди), опросников субъектности в различных областях социальной жизни, опросников измерения переживания счастья и удовлетворенности различными аспектами жизни.

По сути дела речь идет об исследовании установок, т.е. доступных осознанию позиции и отношении к способам поведения в жизненных ситуациях. После обобщения и сгущения данных статистическими методами были выделены следующие группы отношении испытуемых к миру: переживание счастья; креативность в решении проблем, самоэффективность как уверенность в способности решить проблемы; готовность к преодолению трудностей; субъектность в социуме и субъектность в малой группе; удовлетворенность учебой в университете; удовлетворенность освоением сферы интимно-личностных отношений; непонимание во взаимодействии с другими людьми, доверие к близким людям; наличие смысла в повседневной жизни; интерес к жизни; определенность; целенаправленность; контроль происходящего.

Одновременно оценивалась удовлетворенность жизнью в целом, академическая успешность, отношения с родителями, отношения с друзьями, наличие планов на продолжение учебы.

Предварительный анализ полученных результатов позволяет говорить о специфических стратегиях саморегуляции, используемых ис-

пытуемыми для преодоления текущих трудностей и достижения желаемых личностно-психологических состояний.

Проверка гипотезы о том, что структура механизмов саморегуляции в студенческом возрасте находится в процессе становления. Во второй части эмпирического исследования нами будет обследована выборка профессионально состоявшихся людей.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ

О.П. Цой

Предпринимательская деятельность в нашей стране официально признана лишь в конце XX века, в результате чего некоторые естественные феномены развития, успешно пройденные западными странами, у нас сегодня лишь начинают формироваться. В настоящее время одной из актуальных областей изучения на пересечении психологии и экономики становится вопрос семейных предприятий с точки зрения преемственности поколений. Актуальность данного вопроса обоснована значительной долей семейных предприятий среди малых предприятий. Так, по статистике на январь 2006 г количество малых предприятий в России составило 979,3 тыс., примерно треть из них является семейными. Причем, как показывает мировой и отчасти отечественный опыт, семейный бизнес при любой модели рыночной экономики наиболее жизнеспособный и гибкий фактор экономического роста.

Некоторые исследователи находят исторические корни семейного предпринимательства в глубоком прошлом и связывают с началом развития ремесленничества и созданием первых малых предприятий. Однако формальная история отечественного предпринимательства насчитывает лишь чуть менее двух десятилетий, в силу того, что только на рубеже XX-XXI столетия в нашей стране снимается официальный запрет на предпринимательскую деятельность. В связи с этим в наше время образовалась возможность преемственности поколений в отечественном предпринимательстве, не существовавшая ранее. Таким образом, в научной картине мира возникла проблемная область, еще не рассмотренная с психологической точки зрения.

Изучению семейного предпринимательства посвятили свои работы Н. И. Баранец «Семейное предпринимательство как социально-экономическая проблема», И. В. Барбашин «Социальные функции семейного предпринимательства», Т. Ю. Назарова «Российский и зарубежный опыт развития семейного предпринимательства», А. С. Сенот-

русова «Семейное предпринимательство как форма самозащитной поддержки», Е. Б. Умарбаева «Семейный и надомный бизнес» и другие.

Проблемам межпоколенной связи и преемственности поколений посвятили свои работы Лебедева Л. Г. «Социологический аспект исследования качества жизни молодежи и преемственности поколений», Пушкарева Н. Л. «Критическое переосмысление проблемы преемственности поколений и необходимость гендерного образования», Сапоровская М. В. «Теория и практика межпоколенной связи в семейном контексте».

Мы попытаемся прояснить определение преемственности в предпринимательстве через ряд включенных в него понятий.

И. В. Барбашин и соавторы в статье «Социальные функции семейного предпринимательства в современной России: сущность и формы семейного предпринимательства» дают следующее определение: *форма малого предпринимательства, когда члены семьи и другие родственники являются собственниками и работниками своих предприятий*.

Несколько иной подход продемонстрировал Алан Кросби, определяющий семейный бизнес как *бизнес, где хотя бы один совладелец или контролирующий акционер планирует передать свою долю (акции) своим детям, предполагая, что его дети будут в дальнейшем принимать жизненно важные решения для бизнеса*.

Более развернутое определение дает Н. И. Баранец: *семейное предпринимательство представляет собой инициативную деятельность членов семьи и их родственников, которые являются собственниками и работниками созданного или приобретенного ими предприятия, деятельность которого направлена на удовлетворение потребностей общества путем организации производства и сбыта товаров и услуг (…). На начальной стадии развития – это форма малого бизнеса, которая имеет возможность для дальнейшего роста и превращения в крупную организацию с мировым именем*. [1]

Таким образом, семейное предпринимательство – это такая форма малого бизнеса, собственниками которого являются члены одной семьи, и они же осуществляют управление предприятием. Следует отметить, что это определение распространяется на случаи совладения бизнесом между супругами или сиблингами.

В то же время, следует обратить внимание на существование двух подходов к проблеме поиска субъективных психологических предпосылок к успешной предпринимательской деятельности: личностного, относящего предпринимателей к особой категории людей, обладаю-

щих определенными психологическими качествами, и другого подхода, суть которого состоит в том, что предпринимательской активностью обладают все, но в разной степени. [2]

Очевиден тот факт, что даже экономически успешные предприятия далеко не всегда наследуются в рамках одной семьи. Если отбросить тот процент предприятий, которые в силу экономических причин переходят к другим владельцам, обнаруживается доля предприятий, в которых управление переходит не по родственной линии. Можно предположить, что в таких случаях возможные преемники не проявили необходимой предпринимательской активности.

М. И. Постникова предлагает концептуальную модель межпоколенных отношений, основанную на том допущении, что психические явления, как правило, являются многомерными и иерархически организованными системами. Автор считает, что структуру межпоколенных отношений можно рассматривать в контексте двух аспектов: социального и психологического как макросистему, состоящую из трех уровней (подсистем): верхний – аксиологический, т. е. ценностный (ценностные ориентации), средний – уровень отношений и низший – уровень проявления психических процессов, состояний, свойств. [3]

Данная модель проясняет для нас направления изучения межпоколенной преемственности семейного предпринимательства.

Говоря о проблеме поколений, Э. В. Сайко объяснет ее актуализацию изменениями преобразовательного характера, связанными с переходом современного общества в исторически новое состояние. При этом исследователь обращает особое внимание на важность осмысления не только различий ментальности, отношений, характера изменений мотивационно-потребностной сферы, но также временных рамок и возрастных границ смены поколений. Поколения, функционирующие в настоящий момент, Сайко охарактеризовал следующим образом:

– поколение, закладывающее-заложившее принципиально новые, в частности технико-технологические и производственные основания для становления исторически нового;

– поколение, структурирующее новое пространство жизнедеятельности, условия и основные «структуры» его;

– поколение, уже живущее в новом (и не мыслящее иного) пространстве. [4]

Э. В. Сайко рассуждает об отношениях поколений широко, в общекультурном смысле, но применительно к нашему вопросу его идея означает, что роль поколения преемников состоит в улучшении унаследованного бизнеса и адаптации к актуальным условиям. То есть, для

успешного наследования предприятия преемнику не достаточно принять бразды правления и просто продолжать делать то, что делал до него предшественник. Преемник, как представитель нового поколения, должен стать надежным связующим элементом между тем, что заложил основатель, и запросами современной среды.

М. В. Сапоровская предлагает следующее определение:

Межпоколенная преемственность – это передача и усвоение потомками опыта предков. При этом собственный опыт потомков не повторяет (не дублирует) опыт предшественников, но содержит некоторые его наиболее ценные, полезные элементы. [5]

Обобщая вышесказанное, можно прийти к заключению о том, что межпоколенная преемственность в семейном предпринимательстве должна быть изучена с точки зрения тех аксиологических, коммуникативных и психических особенностей, которые позволяют преемникам успешно интегрироваться в управление предприятием и адаптировать его в соответствии с актуальной средой функционирования.

Применительно к межпоколенной преемственности в российском семейном предпринимательстве, следует обратить внимание на малый опыт бизнес-преемственности в нашей истории – в данный момент происходит лишь первая смена поколений в отечественном предпринимательстве. Также следует отметить заметную разницу экономической и социальной ситуации, на фоне которой начинали свое существование представители первого поколения, и нынешней.

Мы затронули лишь малую часть актуальных проблем, связанных с преемственностью в предпринимательстве. В дальнейшем необходимо предпринять масштабные исследования с целью выявления и описания специфики российского семейного предпринимательства в вопросе преемственности.

Библиографический список

1. Баранец, Н. И. Семейное предпринимательство как социально-экономическая проблема // Ученые записки. 2007. №4. С 124-131

2. Витковская О. И. Социально-психологичский портрет предпринимателя // Сибирский психологический журнал. 2005. №21. С23-26

3. Постникова, М. И. Концептуальная модель межпоколенных отношений в современном российском обществе // Мир науки, культуры, образования. 2010. №2 (21). С 78-82

4. Сайко, Э. В. Проблемы поколений в современной исторической ситуации // Мир психологии. 2009. №3. С 167-176

5. Сапоровская, М. В. Теория и практика исследования межпоколенной связи в семейном контексте // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2010. № 1 (9). С. 4.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИТЯЗАНИЯ И СУБЪЕКТИВНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КАК РЕГУЛЯТОР ТРУДОВОЙ МОБИЛЬНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ

Н.Ю. Чеботарев

Актуальность исследования продиктована важностью исследования феноменов оказывающих влияние на выбор линии поведения людей после окончания высших учебных заведений. Окончание ВУЗа является одним из поворотных моментов в жизни большинства молодых людей. Бывшему студенту приходится выбирать, куда двигаться и каким путём. Некоторые из студентов ещё во время обучения стараются найти себе работу для получения определённого опыта, однако с получением высшего образования статус учащегося меняется и его возможности выбора работы, направления деятельности увеличиваются. В этой связи дипломированный специалист более интересен для нас как объект изучения.

Современный рынок труда представляет довольно богатый выбор вариантов поведения. Это на наш взгляд несёт в себе как положительное, так и отрицательное составляющее. Плюсы подобного положения вещей состоят, во-первых, в увеличении возможностей для реализации способностей молодого человека. Во-вторых, потенциально возможно изменение направления деятельности и переход в другую сферу. Подобная вариативность путей на рынке труда снижает сдерживающее влияние внешних условий в достижении определённых целей и увеличивает ответственность самого субъекта труда.

Важнейшим побудителем к действиям являются притязания людей, т. е. то чего они ожидают добиться и на что рассчитывают. Феномен притязаний в своих работах касались такие известные учёные как К. Левин, А. Бандура. Ф. Хоппе, Г. Саймон и другие.

Субъективное экономическое благополучие как фактор, определяющий поведение на рынке труда представляет, на наш, взгляд довольно большой интерес. Феномен субъективного экономического благополучия является сравнительно новым психологическим термином, который в своих работах описал В. А. Хащенко Встает несколько вопросов, которые требуют выяснения. Как представление об экономическом благополучии и его переживание влияет на выбор той или

иной работы, на частоту смены работы и сил, которые человек готов затратить на достижения заветной цели?

Трудовая мобильность является важным фактором в формировании структуры рынка труда каждого региона и страны в целом. Важной составляющей трудовой мобильности является собственно момент поиска работы. Модель поиска работы создавали такие учёные как Г. Блау, П. Солберг и другие зарубежные ученые.

Экономические притязания и субъективное экономическое благополучие являются важнейшим источником формирования целей и мотивов, а из этого следует, что и паттернов поведения в трудовой сфере.

Исследовательской проблемой является – различия в трудовой мобильности выпускников ВУЗов связаны с их экономическими притязаниями и субъективным экономическим благополучием.

Цель исследования: описать связи между экономическими притязаниями, субъективным экономическим благополучием и поведением на рынке труда.

Объект исследования: экономическое сознание как регулятор поведения на рынке труда выпускников ВУЗов.

Предмет исследования: связь экономических притязаний и субъективного экономического благополучия с трудовой мобильностью выпускников ВУЗов.

Основные понятия.

Уровень притязаний личности по К. Левину – это стремление к достижению цели той степени сложности, на которую человек считает себя способным.

Субъективное экономическое благополучие представляет собой многомерную, многоуровневую, динамическую систему субъективных отношений человека к материальным аспектам своей жизни.

Трудовая мобильность – это явление, включающее в себя профессиональную мобильность, переход работника из одной организации в другую (с сохранением профессии или её сменой), сочетание основной работы с другими видами занятости.

Гипотеза: сочетание экономических притязаний и субъективного экономического благополучия будет иметь различное влияние на трудовую мобильность выпускников ВУЗов

Гипотеза 1: уровень субъективного благополучия напрямую не связан уровнем оплаты труда выпускников ВУЗов

Гипотеза 2: экономические притязания и чувство субъективного благополучия не связаны между собой

Гипотеза 3: существует связь между экономическими притязаниями и образом идеальной работы

Гипотеза 4: существует связь между экономическими притязаниями и средствами их достижения

Гипотеза 5: экономические притязания влияют на готовность к трудовой миграции

В соответствии с целью исследования и гипотезой были поставлены следующие *теоретические задачи:*

1. Определить и описать понятие экономические притязания
2. Раскрыть содержания феномена субъективного экономического благополучия.
3. Проанализировать особенности поведения молодёжи на рынке труда.
4. Выделить критерии выбора работы выпускниками ВУЗов.
5. Дать психологическую характеристику выпускников ВУЗов как субъектов профессионального развития и сферы занятости.

*Эмпирические задачи**:***

1. Описать особенность экономических притязаний у выпускников ВУЗов.
2. Описать психологическую структуру и содержание субъективного экономического благополучия у выпускников ВУЗов.
3. Выявить связи между экономическими притязаниями, субъективным экономическим благополучием и трудовой мобильностью.

Выборка: в качестве респондентов данного исследования выступят выпускники, Кубанского Государственного Университет, факультета управления и психологии.

Описание результатов.

Важным шагом является теоретический анализ гипотез исследования и операционализация основных терминов и понятий. В качестве основного понятия, используемого в работе, является «экономические притязания». Для каждого человека характерен различный уровень экономических притязаний.

Теория *Курта Левина* и его ученика *Фердинанд Хоппе* положило начало исследованию уровня *притязаний*. Он предположил, что деятельность человека зависит не от объективных характеристик сложности работы, а от его оценки собственных возможностей в решении проблемы, т.е. от уровня притязаний.

Как считал К. Левин, постановка целей тесно связана с временной перспективой в том смысле, что цели индивида включают его ожида-

ния будущего, его желания. Локализация целей обусловлена двумя обстоятельствами: отношением человека к определенным ценностям, что, в свою очередь, задается социальными влияниями, и его чувством реализма в прогнозе вероятности достижения поставленной задачи. Рамки ценностей варьируют от субъекта к субъекту, от группы к группе. К. Левин констатирует наличие в современном ему обществе тенденции поднимать уровень притязаний до предела индивидуальных возможностей. К. Левин пишет, что переживание успеха возникает при приближении к цели и даже при простой постановке социально одобряемых задач [2].

Ф. Хоппе обращается к понятиям «Уровень-Я» Актуализация или определенная проекция уровня – Я в конкретных условиях функционирования субъекта и дает его уровень притязаний.

А. Бандура, затрагивающий в своём подходе уровень притязаний человека в форме ожидания результата от выполняемого действия, В своей социально – когнитивной теории представляет человека как в первую очередь прогностическое существо. А. Бандура сформулировал модель, согласно которой поведение человека есть результат взаимодействия личностных факторов, включая мышление и познавательную способность, явлений окружающей среды и действий самого человека.

А. Бандура выдвинул гипотезу, что когнитивная по природе самоэффективность влияет на моторное поведение, эта же самоэффективность может влиять и на характеристики среды – на последствия поведения. Таким образом, вера в свои возможности напрямую формирует уровень притязаний человека.

Второе ключевое понятие – «субъективное экономическое благополучие». Субъективное экономическое благополучие структурно сложный феномен. В структуру его входят субъективный уровень жизни, как когнитивный компонент, и экономическая фрустрированность, как компонент аффективный. В свою очередь субъективный уровень жизни включает такие элементы как экономический оптимизм, адекватность дохода потребностям, субъективный экономический статус. В структуру экономической фрустрации входят следующие элементы: экономическая тревога и степень нужды в деньгах. Каждый из этих структурных элементов отражает наиболее значимый аспект экономического благополучия личности.

Определяя возможные основания экономического благополучия, Т. Пойез и Дж. Вон Грумков выделяют удовлетворение трудом и до-

ходом, удовлетворение потреблением и гражданское удовлетворение (системой, экономической политикой).

Поиск работы входит в трудовую мобильность. Существует несколько теорий поиска работы. Модель поиска работы *П. Солберга* включает 4 фазы: определение идеальной работы; планирование поиска, (выработка доступных критериев выбора, переключение внимания, денег, усилий на поиск, определение источников информации); собственно поиск, сбор информации, соотнесение ее с выработанными критериями, ревизия критериев; фаза утверждения выбора, в рамках которой решаются такие задачи, как проверка информации об объекте имплицитного выбора, обсуждение неопределенных моментов в поступившем от работодателя предложении, рациональное обоснование выбора.

Всё вышеизложенное является первичным теоретическим анализом по данной теме, имеющим целью подготовку к эмпирической части исследования [1].

Эмпирическая часть исследования предполагает первичное и вторичное тестирования выпускников. Первичное тестирование направлено на выяснения основных жизненных приоритетов, ожиданий и целей в сфере трудоустройства, экономического положения. Момент завершение данного тестирования май месяц. Второе тестирование будет направлено на определение места роботы, корректировку ожиданий выпускников, их эмоциональное состояния. Лонгитюдный характер имеет целью определения поведения людей после окончания университета на рынке труда, выявления связей между экономическими притязаниями и местом работы, а так же удовлетворённостью экономическим благосостоянием. Второе тестирование будет проведено в декабре месяце.

На заключительном этапе мы собираемся систематизировать полученную информацию с целью выявления конкретных связей между экономическими притязаниями и трудовой мобильностью, что позволит, выделит успешные модели трудоустройства.

Библиографический список

1. Дёмин А. Н. Справочник: психология труда, психология занятости. Краснодар, 2010.

2. Левин К. Динамическая психология. М.: Смысл, 2001.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДИСПЕТЧЕРОВ СЛУЖБЫ 112

А.О. Шалыпина

В последнее время во всем мире увеличилось количество экстремальных ситуаций и в связи с этим востребованность деятельности служб спасения. Существует актуальная потребность психологического анализа деятельности сотрудников экстремальных служб, и в частности деятельность информационных центров или диспетчерских пультов. В настоящее время служба 112 существует всего в нескольких городах нашей страны, в том числе и в городе Краснодар. Данная служба недавно осуществляет деятельность, но уже успела зарекомендовать себя как крайне необходимая в ситуациях экстренной и неотложной помощи для населения. Как довольно новая система, она стремительно развивается и усовершенствуется и в плане экстенсивного расширения и в фокусе оптимизации своей деятельности. Появилась потребность в увеличении численности диспетчеров/операторов связи для работы, а также появилась необходимость в подготовке и адаптации новых специалистов.

Трудовая деятельность диспетчеров очень сложная и напряженная. Каждую рабочую смену сотрудники подвергаются серьезному стрессу, испытывая напряжение как со стороны клиентов, так и со стороны административного персонала. Все эти факторы негативно сказываются на физическом и психическом состоянии диспетчеров и, соответственно, оказывают влияние на профессиональную деятельность, мотивацию работать. Таким образом, выявление психологических аспектов профессиональной деятельности и выделение критериев профессионального отбора диспетчеров экстренных служб становится одной из наиболее актуальных задач.

Исследованием профессиональной деятельности диспетчеров занимались многие отечественные психологи, такие как: Бурмистрова Е. В. «Психологические особенности экстренных служб», Венда В. Ф., Нафтульев А., Рубахин В. «Организация труда операторов», Голиков Ю. Я., Костин А. Н. «Особенности психической регуляции и классы проблем в сложной операторской деятельности», Котик М. А. Емельянов А. М. «Природа ошибок человека оператора», Лебедев В. И. «Профессия века. Психологические аспекты труда операторов», Максутова Н. Г. «Проблемы подготовки операторов связи информационных центров служб спасения», Максутова Н. Г. «Стресс как психологический фактор в деятельности операторов», Нерсесян Л. С., Пушкин

В. Н. «Психологическая структура готовности оператора к экстренному действию», Никифоров Г. С. «Самоконтроль как механизм надежности человека оператора», Стрелков Ю. К. «Психические процессы в операторском труде» и др.

Подавляющее большинство исследований деятельности диспетчеров касается взаимодействия человека и техники, что позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на большой интерес к данной проблеме в психологической теории и практике, она не может быть отнесена к числу достаточно разработанных. Среди исследователей психологического обеспечения деятельности операторов экстренных служб пока нет единой точки зрения на понимание его сущности и особенностей [1–4]. Недостаточно уделено внимания таким феноменам как психологическая адаптация, первичная и особенно вторичная адаптация, психологическое сопровождение диспетчеров и особенности профессиональной деятельности экстренных служб и др. [5]

В качестве объекта нашего исследования выступает профессиональная деятельность диспетчеров служб экстренного реагирования.

Предметом исследования являются когнитивные и личностные особенности диспетчеров как основные психологические факторы, определяющие профессиональную деятельность.

Цель – выявить психологические аспекты личности, определяющие профессиональную деятельность и её успешность у диспетчеров служб экстренного реагирования.

В исследовании использовался комплексный подход к диагностике психологических особенностей диспетчеров экстренных служб, а именно когнитивные и личностные особенности диспетчеров как основные психологические факторы, определяющие успешную профессиональную деятельность.

На первом этапе было решено выявить минимальный уровень когнитивных особенностей диспетчеров экстренной службы 112, таких как оперативная память и внимание. Для этого использовались методики: «Оперативная память» (для изучения кратковременной памяти); Тест Э. Ландольта – «Диагностика работоспособности» в адаптации В. Н. Сысоева (для оценки распределения, продуктивности и устойчивости внимания, а также помехоустойчивости). На данном этапе учувствовало 39 человек (мужчины и женщины разного возраста).

На втором этапе выявляли уровень эффективности диспетчера в работе. Одним словом, выявить успешных и неуспешных диспетчеров в профессиональной деятельности. Для этого использовался метод экспертных оценок: оценка руководителя, оценка коллег. Выборка на

данном этапе составила 20 человек (мужчины и женщины разного возраста).

На третьем было проведено анкетирование, опрос сотрудников службы 112. В ходе данных процедур выяснялось, что привело человека в данную службу, что нравится в работе, в каком настроении обычно приходит на работу и уходит с нее, что не устраивает в работе (социальные, психологические факторы), как хотелось бы развиваться в данной службе и т. п. Выборка на данном этапе также составила 20 человек (мужчины и женщины разного возраста).

После проведения трех этапов исследования, получились следующие результаты.

При решении первой задачи исследования – изучить когнитивные особенности диспетчеров служб экстренного реагирования, определяющие профессиональную пригодность – были выделены 2 группы испытуемых, которые начинали свою профессиональную деятельность примерно в одно время. После окончания испытательного срока определились диспетчеры, которые продолжат работу в данной службе и те, кто не справился со спецификой данной профессии. Таким образом, они были условно обозначены:

А – не прошедшие испытательный срок – 19 человек;

В – прошедшие испытательный срок – 20 человек.

В процессе выполнения задания по тесту «Оперативная память» испытуемый должен, помимо запоминания определенного объема информации, произведения действия с ним (устный счет), быстро переключаться на новую информацию, избавляясь от предыдущей, что отвечает требованиям профессиональной деятельности диспетчера. Выявленное значимое различие при сравнении по критерию Манна Уитни между группами не прошедших испытательный срок (А), и прошедших испытательный срок (В) по параметру «оперативная память» равное 0,05 ($p<0,05$) указывает на то, что необходимость во время приема сообщения от абонента удерживать в оперативной памяти достаточно большие объемы информации и работать с ними, определяет оперативную память как профессионально важное качество для освоения профессиональной деятельности диспетчеров экстренной службы.

Анализ результатов тестирования с использованием теста Ландольта показал, что имеются значимые различия при сравнении по критерию Манна Уитни, по параметрам «количество просмотренных знаков» равное 0,008 (при $p < 0,05$) и «распределение внимания» равное 0,001(при $p < 0,05$) указывают на важность скорости работы и способности обрабатывать одновременно несколько видов информации.

Это специфично для профессиональной деятельности диспетчеров экстренных служб, в связи с требованием быстрой и неотложной реакции на звонок абонента.

Данные различия между группой кандидатов, прошедших испытательный срок и группой кандидатов, которые отсеялись в процессе испытательного срока, показывают, что кандидаты, не справившиеся с данной спецификой работы, имеют более низкие результаты по всем рассмотренным параметрам. Очевидно, что высокий уровень развития когнитивных способностей является необходимым условием для овладения данной специальностью.

На втором этапе была проведена «Экспертная оценка эффективности» диспетчеров, которые прошли испытательный срок. Данное тестирование заполнялось диспетчерами и руководителем службы анонимно. Результаты объективной экспертной оценки в письменных ответах руководителя и сотрудников показали высокий уровень эффективности каждого из сотрудников. Это в очередной раз подтвердило то, что при первоначальном отборе сотрудников высокий уровень развития когнитивных способностей важен при работе, поэтому оставшиеся сотрудники были оценены высоко по критерию эффективности.

По итогам 3 этапа опроса можно говорить о том, что диспетчерами 112 становятся те, кто стремится помогать другим людям профессионально, посредством специальных психологических знаний. Диспетчеры проявляют интерес не только к работе с людьми, но и к своим собственным желаниям и потребностям. Рабочее время телефонного консультанта начинается с хорошего, бодрого и уверенного настроя (80%). После окончания дежурства 40% уходят с работы уставшими, 10% уносят проблемы с собой, 20% считают, что бывает по-разному и 20% уходят в хорошем настроении.

По данному обследованию можно говорить о наличие у диспетчеров 112 таких личностных качеств, как активность, жизнерадостность, стремление к пониманию людей. Также выявилось желание развиваться профессионально, есть потребность в проведении семинаров и тренингов.

В заключении можно сказать, что благодаря изучению теоретических аспектов и психологических аспектов деятельности, выделен определенный список психологических характеристик: очевидно, что высокий уровень развития когнитивных способностей является необходимым условием для овладения данной специальностью. После проведения экспертной оценки, среди оставшихся кандидатов, которые достойно сдали зачет, прошли обучение и проработали несколько ме-

сяцев выявлено, что все сотрудники обладают высоким уровнем эффективности, как по оценкам руководителя, так и по оценкам других диспетчеров-операторов экстренной службы. По итогам опроса диспетчеров можно говорить о том, что диспетчеры 112 обладают такими личностными качествами, как активность, жизнерадостность, стремление к пониманию людей. Желание помогать людям профессионально проявляется в потребности дополнительного обучения, участии в тренингах и семинарах.

Проведенный анализ характеристик диспетчеров экстренных служб позволяет прогнозировать успешность деятельности, а так же разработать эффективные мероприятия для решения задач подбора кадров, их подготовки, переподготовки и повышения квалификации. Дальнейшее исследование темы требует расширения в различных областях.

Библиографический список

1. Андреева О.В. Профессиональные и личностные качества телефонных консультантов. М., 2001.

2. Бурмистрова Е.В., Максутова Н.Г. Психологические особенности деятельности диспетчеров экстренных служб // Материалы I Международного форума «Психологическая безопасность, устойчивость, психотравма» / под ред. К.А. Баевой, Ш. Ионеску, Л. А. Регуш, С. А. Чернышевой. СПб.: Книжный дом, 2006. с. 213.

3. Лебедев В.И. Профессия века. Психологические аспекты труда операторов. М.: Наука, 1978. 192 с.

4. Максутова Н.Г. Некоторые аспекты профессиональной адаптации диспетчеров экстренных служб // Материалы IV городской научно - практической конференции молодых ученых и студентов учреждений высшего и среднего образования городского подчинения. М.: Научная книга, 2005. с. 117-118

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллаева Т.Э. (КубГУ, Краснодар)
Авджян Д.В. (КубГУ, Краснодар)
Аверкина М.Ю. (КубГУ, Краснодар)
Аверьянова В.Ю. (КубГУ, Краснодар)
Акелян Н. С. (КубГУ, Краснодар)
Альперович В.Д. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
Биличенко Е.Н. (КубГУ, Краснодар)
Богачева Е.В. (ТГУ, Тверь)
Бордовский В.А. (КубГУ, Краснодар)
Бошук С.В. (КубГУ, Краснодар)
Грищенко М.И. (ВУНЦ ВВС «Военно-воздушной академии», Краснодар)
Гудкова Е.С. (ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль)
Дементьева М.Е. (КубГУ, Краснодар)
Демиденко Ю.В. (КубГУ, Краснодар)
Дружкина Ю.В. (КубГУ, Краснодар)
Дыжова А.А. (Могилевский государственный университет продовольствия, Могилев)
Жукова Е.В. (Институт Психологии РАН, Москва)
Завадская О.Н. (КубГУ, Краснодар)
Игнатович С.С. (КубГУ, Краснодар)
Корнилова А.Е. (КубГУ, Краснодар)
Коротеева Е.М. (ОГУ им. Ф. М. Достоевского, Омск)
Косивченко Е.И. (КубГУ, Краснодар)
Кружкова Е.В. (КубГУ, Краснодар)
Крыцына В.И. (КубГУ, Краснодар)
Лымарева И. (КубГУ, Краснодар)
Матыко М.В. (ИЭУМСС, Краснодар)
Некрасов А.С. (департамент образования муниципального образования город Краснодар, Краснодар)
Некрасов С.Д. (КубГУ, Краснодар)
Николаева Е.А. (КубГУ, Краснодар)
Осипова Ю.А. (КубГУ, Краснодар)
Остроушко М.Г. (КубГУ, Краснодар)
Панова Т.В. (ПГПУ им. В.Г. Белинского, Пенза)
Селевко Е.В. (КубГУ, Краснодар)
Синякова Т.О. (КубГУ, Краснодар)
Сомова Е.А. (КубГУ, Краснодар)

Сошина Н.Л. (КГУ, Курск)
Старкова Е.В. (КубГУ, Краснодар)
Сысоева О.А. (КубГУ, Краснодар)
Ткачева Д.И. (КубГУ, Краснодар)
Токарь Е.Д. (Противотуберкулезный диспансер № 23, Новороссийск)
Удачина П.Ю. (КубГУ, Краснодар)
Фролов А.А. (КУ МВД РФ, Краснодар)
Харькова Т.П. (КубГУ, Краснодар)
Хот И.И. (КубГУ, Краснодар)
Цой О.П. (КубГУ, Краснодар)
Чеботарев Н.Ю. (КубГУ, Краснодар)
Черноскутова К.В. (ОГУ им. Ф. М. Достоевского, Омск)
Шалыпина А.О. (КубГУ, Краснодар)
Шиликова А.В. (Межшкольный эстетический центр, Краснодар)
Штенникова И.Е. (ИЭУМСС, Краснодар)

Содержание

Абдуллаева Т.Э. Особенности социализации детей в семье в контексте гендерных проблем 3
Авджян Д.В. Трудовые ожидания и обязательства руководителей как компонент психологического контракта между здоровыми и глухонемыми работниками 9
Аверкина М.Ю. Образ родителей и гендерная идентичность личности у девушек 14
Аверьянова В.Ю. Особенности самоконструирования личности в среде блогов 19
Акелян Н.С. Мотивационная и временная направленность студентов с различной выраженностью субъектной активности 25
Альперович В.Д. К проблеме динамики социально-психологических характеристик представлений личности о другом как друге и враге..... 32
Биличенко Е.Н. Доверие как фактор самоактуализации личности студентов социономических и артономических специальностей 39
Богачева Е.В. Психологическое сопровождение оптимизации трудовой мотивации медицинских сестер на уровне профессионального отбора и профессиональной адаптации 44
Бордовский В.А. Синдром эмоционального выгорания у специалистов социальной работы: компетентностный подход 48
Бошук С.В. Ролевые метафоры в группах 52
Грищенко М.И., Некрасов С.Д. Схема самостоятельных тренировок собственных познавательных способностей курсанта..... 57
Гудкова Е.С. Личностные детерминанты синдрома «психического выгорания» в профессиях субъект-субъектного типа . 63
Дементьева М.Е. В поиске основ устойчивости и эффективности человека в современном мире..... 70
Демиденко Ю.В. Структурно-содержательные особенности правового сознания современных старших школьников..... 74
Дружкина Ю.В. Особенности переживания ситуации успеха и неудачи работающими и безработными людьми 77
Дыжова А.А. Правосознание и правовое воспитание как ключевые элементы правовой культуры 83
Жукова Е.В. Управленческое видение и прогнозирование как формы антиципации 89
Завадская О.Н. Признаки одарённости и работа с одарёнными детьми 93

Игнатович С.С. Содержание и структура готовности учащихся к проектированию индивидуального образовательного маршрута 97
Корнилова А.Е. Феномен значимого нарратива 105
Коротеева Е.М., Черноскутова К.В. К вопросу употребления ненормативной лексики молодежью 110
Косивченко Е.И. Реализация человеческих потребностей в сфере виртуальных социальных сетей (на основе контент-анализа мнений пользователей Рунета) 113
Кружкова Е.В., Некрасов С.Д. Основные профессиональные ориентиры студента, получающего второе высшее образование 119
Крыцына В.И. Эмоционально-оценочный компонент удовлетворенности трудом личности сотрудника пожарной охраны 123
Лымарева И. Негативная идентичность: подходы к исследованию 131
Матыко М.В., Штенникова И.Е. Современный коучинг: организация и управление командой 134
Некрасов А.С. Осознанная старшим школьником собственная учебная компетентность как важное психическое новообразование его субъектности 138
Некрасов С.Д., Токарь Е.Д. Личностные особенности людей с заболеванием туберкулезом 144
Николаева Е.А. Представление личности о себе и другом как субъектах общения 150
Осипова Ю.А. Особенности проявления ответственности в подростковом возрасте 154
Остроушко М.Г. Исследование уровня субъектности в профессиональной деятельности врача-специалиста 158
Панова Т.В. Психология личности: мотивационная установка выбора одиночества у молодых людей 164
Селевко Е.В. Субъективное отношение к объектам природы в доме 170
Синякова Т.О. Гендерные различия ведущие мотивы личности подростков 175
Сомова Е.А. Влияние планирования карьеры на качество жизни личности 180
Сошина Н.Л. Психолого-педагогическая технология формирования у подростков конструктивного поведения в ситуациях притеснения 185

Старкова Е.В. Представления городской и сельской молодежи о жизненных целях 193
Сысоева О.А. Проблема манипулирования в отношениях мужчины и женщины 198
Ткачева Д.И. Социокультурные условия и экономическое поведение 204
Токарь Е.Д. Психологический портрет личности больных туберкулезом 210
Удачина П.Ю. Взаимосвязь субъектных характеристик личности и способов организации времени жизни 214
Шиликова А.В. Связь особенностей личности как субъекта организации времени своей жизни с постановкой жизненных целей и планированием жизни 224
Фролов А.А. Личность как субъект становления нравственного сознания 229
Харькова Т.П. Связь дифференцированности Образа Я и стратегий поведения личности в трудных жизненных ситуациях 237
Хот И.И. Подходы к эмпирическому исследованию феномена жизнестойкости 242
Цой О.П. Психологический аспект преемственности в предпринимательстве 245
Чеботарев Н.Ю. Экономические притязания и субъективное экономическое благополучие как регулятор трудовой мобильности выпускников вузов 249
Шалыпина А.О. Психологические аспекты трудовой деятельности диспетчеров службы 112 254
Сведения об авторах 259

Научное издание

ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ:
ВЗГЛЯД МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ
(Психология)

Статьи печатаются в авторской редакции

Подписано в печать 16.09.2011. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$.
Уч. изд. л. 18,2. Тираж 300 экз. Заказ № .
Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Издательско-полиграфический центр КубГУ
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.